

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

И С Т О Р И Я

К У Л Ь Т У Р О Л О Г И Я

ФРАНСУА ГИЗО

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
В ЕВРОПЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
2007

ББК 63.3(4)

Г 46

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

*В. В. Анашвили,
А. Л. Погорельский*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

*В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин,
А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов*

Текст печатается по изданию: Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. Изд. 3-е без перемен. СПб., 1905.

Г 46 **Гизо Франсуа.** История цивилизации в Европе / Пер. с франц. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 336 с.

ISBN 5-91129-031-6

© Издательский дом
«Территория будущего», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Очерк жизни и деятельности Франсуа Гизо	7
Лекция первая	15
Лекция вторая	37
Лекция третья	63
Лекция четвертая	85
Лекция пятая	109
Лекция шестая	133
Лекция седьмая	159
Лекция восьмая	183
Лекция девятая	203
Лекция десятая	223
Лекция одиннадцатая	245
Лекция двенадцатая	265
Лекция тринадцатая	285
Лекция четырнадцатая	307

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСУА ГИЗО

Франсуа Пьер Гильом *Гизо*, государственный человек и знаменитый писатель Франции, член Парижской академии наук, родился в Ниме 4 октября 1787 года. Он принадлежал к благородному протестантскому семейству, сильно пострадавшему как от религиозных гонений прежнего режима, так и от ужасов революции. Его отец, выдающийся адвокат, погиб на эшафоте 8 апреля 1794 года. Вдова его с юным сыном, Франсуа Гизо, бежала в Женеву, где этот последний столь же страстно, как и успешно, предавался изучению языков и литературы. В 1805 году он сдал в Париже экзамен и поступил учителем в дом бывшего швейцарского министра Штапфера. Введенный в дом Сюарда, он познакомился с литературными деятелями того времени, в том числе и с Полиною Мелан, работавшею тогда в «Публицисте». Во время ее продолжительной болезни Гизо исполнял бескорыстно ее работу; чувство благодарности вызвало в писательнице чувство любви, и она, несмотря на значительную разницу в годах, согласилась стать его женою. Это было в 1812 году. Она была старше Гизо на четырнадцать лет. Ее связи с представителями партии роялистов открыли Гизо, в то время еще скромному кабинетному труженику, доступ к политической карьере. В это время он напечатал «*Новый словарь французских синонимов*» — прекрасная компиляция — лучшее из всех других сочинений по этому предмету; «*О состоянии искусства во Франции*»; «*Жизнеописания поэтов эпохи Людовика XIV*». В 1812 году труды Гизо получили щед-

рую награду: Фонтан назначил Гизо адъюнктом по кафедре истории в Сорбонне.

После падения империи Гизо по рекомендации Ройе-Коллара получил место секретаря при министре внутренних дел, аббате Монтекиу. Его редакции принадлежит закон о печати 21 октября; вслед за тем он был назначен членом цензурного комитета. Вследствие расстроенного здоровья он временно должен был прекратить все свои занятия и предпринял путешествие за границу. Говорят, что он имел свидание с Людовиком XVIII, которому жаловался на происки ультрароялистов. Возвратившись во Францию при реставрации Бурбонов, Гизо был назначен генеральным секретарем Министерства юстиции Барбе-Марбоа, который после неудачной борьбы с белыми отказался от должности 10 мая 1816 года. Выйдя вместе с Барбе из состава министерства, Гизо вскоре, а именно в августе 1816 года, получил место директора генеральной администрации департаментов и общин. Будучи по политическим убеждениям своим конституционным роялистом, он напечатал программу своей партии под заглавием «*О представительном правлении и современном состоянии Франции*» (1816). С того времени и возникла, по инициативе Ройе-Коллара и Гизо, школа доктринеров, которая доказывала возможность совмещения полной свободы со строгим общественным порядком. Школа эта пользовалась огромным влиянием до самого падения конституционной монархии.

Гизо вторично вышел из министерства вместе с Деказом, вследствие дела об убийстве герцога Беррийского; он снова вступил на поприще литературы и профессорской деятельности. В это время им обнаружены следующие политические сочинения: «*О заговорах и политическом правосудии*» (1821 г., 2-е изд.) и «*Способы управления и оппозиции при современном состоянии Франции*» (1821). Благодаря этому последнему сочинению, имевшему политический характер и вызвавшему ожесточенные нападки против министерства Виллеля, Гизо лишился

всех занимаемых им должностей; его курс истории был остановлен в 1825 году. Это время самой кипучей литературной деятельности Гизо. Он напечатал *«Историю представительного правления»* (1821–1822); *«О смертной казни в политических делах»* (1822); в этой книге он, не отвергая смертной казни, доказывает крайнюю опасность для правительства слишком часто прибегать к этой ужасной мере; *«Опыт истории Франции»* (1823); *«Собрание мемуаров, относящихся к английской революции»* (26 томов; первый появился в 1823 году) – перевод с английского под редакцией Гизо; *«Собрание мемуаров, относящихся к истории Франции»* (31 том, первый – в 1823); *«История английской революции»* (1827–1828).

В то же время Гизо редактировал «Прогрессивную энциклопедию» и основал в 1828 году журнал «Revue française». Политическая деятельность его в этот период времени выражалась в ревностных трудах по обществу, носившему девиз: «Помоги сам себе, Бог тебе поможет»; целью этого общества было охранение свободы выборов.

1 августа 1827 года умерла первая жена Гизо, столь пламенно любившая своего мужа, что в угоду ему на смертном одре приняла протестантизм. Она также написала несколько выдающихся сочинений о воспитании, морали и несколько детских книжек. Год спустя Гизо вступил во второй брак с Элизой Диллон, племянницей его жены, которая при жизни сама предвидела и подготовила этот брак. Вторая жена Гизо, умершая в 1833 году, также написала несколько сочинений по беллетристике и этике.

Примирительное министерство Мартиньяна вернуло Гизо кафедру в Сорбонне и предоставило ему место в Государственном совете (1828). Это время величайшей популярности Гизо. Вместе с Кузеном и Вильеменом, Гизо составляет тот знаменитый триумvirат, которому Франция обязана громадными успехами в деле просвещения. Профессорской деятельности Гизо мы обязаны появлением в печати самых распространен-

ных исторических сочинений его: «*Курс новой истории*» (6 томов, 1828–1830); «*История цивилизации в Европе*» (1845, 5-е изд.) и «*История цивилизации во Франции*» (1845, 5-е изд.).

В это время он становится оппозиционным депутатом палаты и горячо полемизирует с министерством Полиньяка.

Когда вспыхнула революция 1830 года, Гизо, прибывший в Ним 26 июля, изъявил согласие редактировать протест депутатов, «преданных Его Величеству и Его Августейшей династии». 28 июля он участвовал в доме Лафитта на общем собрании своих единомышленников, организовал «муниципальную комиссию» и был избран министром общественного просвещения. Несколько дней спустя, он произвел ревизию всего Министерства внутренних дел и обновил весь личный состав его. Он участвовал также в пересмотре хартии и потребовал, чтобы возраст избирательной правоспособности был понижен до 25 лет. Будучи членом кабинета Лафитта, Гизо разошелся с ним во взглядах и подал в отставку. 11 октября 1832 года он вместе с Тьером и Брольо организовал новый кабинет, который держался не менее четырех лет. В качестве министра народного просвещения, Гизо как в совете, так и в палате имел большое влияние и содействовал репрессивной политике. С другой стороны, начальное образование во Франции обязано ему своею прочною постановкою.

Министерство 11 октября наконец пало (22 февраля 1836). Гизо после полугодового удаления от дел, снова принял из рук Моле министерский портфель. В то же время, с выходом в отставку Гаспарена, стал вакантным и портфель министра внутренних дел; Гизо и Тьер явились претендентами, причем ясно обнаружилось их соперничество. Гизо уступил, упрочив, однако, портфель министра иностранных дел за своим сотоварищем по школе доктринеров, Брольо. К несчастью, министерство Моле, установившись окончательно 15 апреля 1837 года, исключило из своего состава как Гизо, так и Брольо. Гизо бросился в оппозицию и стал одним из наиболее деятельных про-

тивников представителей власти, упрекая их именно за то, что они сами подрывают ее. Он встал в ряды своих вчерашних противников, что вызвало в «Journal des Débats» следующие колкие слова, направленные по его адресу: «Быть может, вы заслужите когда-нибудь наше удивление; но нашего уважения вы не заслужите никогда!» Ройе-Коллар также отвернулся от Гизо, громко протестуя против такой тактики.

15 декабря 1840 года совершилась церемония возвращения останков императора по декрету Тьера. Вскоре, в апреле следующего года, происходят серьезные беспорядки, вызванные выборною агитациею, в Тулузе, в Лиле, в Клермоне. В 1842 году Гизо поручается организация нового кабинета, который хоть сколько-нибудь умиротворил бы господствующие партии.

Но и этому кабинету не посчастливилось. Внешние и внутренние дела Франции настолько запутались и осложнились, что Гизо не удалось долго удержать за собою в палате большинство. Падение его было неизбежно. Все органы печати относились к нему очень враждебно; официозные газеты, созданные им, «Globe» и «l'Époque», не могли продержаться, несмотря на щедрую правительственную субсидию. Гизо ожесточился; он стал относиться с полным презрением к оппозиции; он стал гордиться своею популярностью.

Результат не замедлил обнаружиться. Обсуждение ответного адреса на тронную речь, в которой кабинет Гизо упрекал палату за то, что она руководится «слепыми или враждебными страстями», подняло целую бурю. На 22 февраля созывается большой банкет реформистов 12-го округа. Министерство не разрешает его. На улицах Парижа происходит столкновение. Национальная гвардия появляется только для того, чтобы присутствовать при торжестве бунтовщиков и присоединиться к ним. Толпа негодует против Гизо.

23 марта он, наконец, подает в отставку; но поздно: его преемники не могли исправить дело и за падением кабинета Гизо следует падение всей монархии.

В то время как Временное правительство намеревалось возбудить против Гизо и его сотоварищей политический процесс, он удаляется в Англию. Верховный суд объявляет его вне закона. В изгнании Гизо снова берется за перо. Он пишет свою брошюру «*Демократия во Франции*» (1849) и статьи «*Отчего английская революция имела успех?*» (1850), «*Наши разочарования и надежды*» (1852), «*Бельгия в 1857 г.*» и многие другие. Во всех этих брошюрах и статьях содержатся обвинения против республики и оправдания прежнего монархического строя.

Как оратор и как лектор, Гизо всегда производил на аудиторию глубокое впечатление своим пламенным красноречием и в то же время своею авторитетностью. В палате он произносил порою громовые речи, как, например, речь 11 августа 1831 года против «республиканской партии, этой мертвой головы всего того, что жило во Франции с 1789 по 1830 год, этого отвратительного чудовища, которое дерзает выставить напоказ свое безобразие».

Догматичностью и авторитетностью, порою малоубедительными, отличаются и все сочинения Гизо. Как историк, он больше внушает свои взгляды, чем доказывает их. Исторические сочинения его принадлежат, однако, к лучшим произведениям этого замечательно плодовитого писателя. Вышеприведенными заглавиями мы далеко не исчерпали всей массы написанных им исторических книг, брошюр и статей. Их такое множество, что один перечень занял бы несколько страниц. Сочинения Гизо подвергались самой разносторонней критике, которой тем не менее не удалось установить определенный взгляд на них и высказать свой окончательный приговор.

На самом же деле, с точки зрения современной исторической науки, Гизо не историк, но публицист. Ему не достает строгой объективности; всюду проглядывают его предвзятые идеи и принципы, навеянные духом того бурного времени, которое переживала Франция в тридцатых и сороковых годах. Тем не менее ширина взгляда, необыкновенно удачная

группировка фактов и умение освещать их придают историческим трудам Гизо глубокий интерес.

Предлежащее сочинение, вместе с его «Историей английской революции», несомненно лучшее из всех исторических сочинений Гизо.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Предмет курса. – История европейской цивилизации. – Роль Франции в цивилизации Европы. – Цивилизация может служить предметом исторического изложения. – Она самый общий факт истории. – Употребительный, общепринятый смысл слова «цивилизация». – Два главных факта образуют цивилизацию: 1) развитие общества; 2) развитие человека. – Доказательства предыдущего положения. – Эти два факта необходимо связаны друг с другом и рано или поздно воспроизводят один другой. – Вполне ли исчерпывается назначение человека его индивидуальной или общественной жизнью? – История цивилизации может быть рассматриваема и описываема с двух точек зрения. – Несколько слов о плане курса. – О настоящем состоянии умов и о будущности цивилизации.

Мм. Гг.!

Я искренне тронут вашим сочувствием. Позволю себе заметить, что оно не прерывалось между нами, несмотря на весьма продолжительную разлуку. Я говорю: «оно не прерывалось между нами», словно я вижу пред собою то же поколение, которое семь лет тому назад видел в этой же аудитории. Прошу извинить меня, мм. гг., – ваш благосклонный прием меня смутил. Мне кажется, что с моим возвращением в эту аудиторию должно вернуться все прежнее, без всяких изменений; а между тем все изменилось и сильно изменилось. Семь лет тому назад мы входили сюда с беспокойством, в томительном, печальном ожидании неизвестного будущего; мы знали, что нам предстоят всевозможные затруднения, опасности; мы чувствовали, что устремляемся в бездну, которую тщетно пыта-

лись миновать, несмотря на наше спокойствие и нашу осторожность.

Сегодня же все мы, — и вы, и я — собрались сюда исполненные светлых надежд, спокойные сердцем и свободные мыслью. Мы имеем возможность одним только средством достойно выразить нашу признательность, а именно: мы должны внести в наши собрания и занятия такое же спокойствие и такую же умеренность, как в то время, когда нам ежедневно приходилось ждать стеснений или даже совершенного прекращения лекций. Счастье изменчиво, мимолетно, хрупко; надежда, как и опасение, требует осмотрительности; выздоровление от болезни требует почти тех же забот, той же осторожности, как и наступление болезни. Я уверен, что у вас не будет недостатка во всех этих качествах. Те же симпатии, тот же откровенный обмен мнений, чувств, идей, соединявший нас в тяжкое время и избавивший нас от многих ошибок, соединит нас и ныне, в благоприятное время; он даст нам возможность с успехом воспользоваться им — я, по крайней мере, в этом глубоко убежден.

Нам остается весьма мало времени до конца года. Я сам имел немного времени для того, чтобы хорошенько подготовить курс, который намереваюсь прочесть вам. Я искал тему, которая более всего соответствовала бы условиям, в которые мы поставлены. Мне показалось, что общая картина новой истории Европы, рассматриваемой в отношении к развитию цивилизации, т. е. общий взгляд на историю европейской цивилизации, на ее происхождение, ход, цель, характер, — мне показалась, что подобная картина может быть с успехом начертана в продолжение того времени, которым мы располагаем. Я остановился на этой теме и думаю, что вы не сочтете мой выбор неудачным.

Я говорю о европейской цивилизации: несомненно, что такая цивилизация существует, т. е. что в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в са-

мом ходе, она обуславливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам. Итак, европейская цивилизация существует; исследование ее и составляет предмет наших лекций.

С другой стороны, очевидно, что эту цивилизацию нельзя искать в каком-либо одном европейском государстве, что история ее не может быть изучена из истории какой-либо одной страны. При всем единстве, она бесконечно нюансирует; она никогда не развивалась вполне в одном каком-нибудь государстве. Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании.

Мы находимся в весьма благоприятных условиях для изучения европейской цивилизации. Без лести можно сказать, что Франция была центром, фокусом европейской цивилизации. Несправедливо было бы утверждать, что Франция всегда во всех отношениях шла во главе наций. В иные эпохи она, например, в отношении к искусствам уступала Италии, в отношении политических учреждений – Англии. Может быть, нашлись бы и другие страны Европы, которые в известные периоды стояли в некоторых отношениях выше Франции; однако нельзя не признать, что каждый раз, когда Франция видела себя отставшею на каком-либо поприще, она обретала в себе новую силу, быстро устремлялась вперед и снова становилась в ряд с прочими государствами или даже во главе их. Этого мало: все идеи, все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространились, обобщались, применялись на практике и вообще начали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции; оттуда уже, как из второй своей родины, они овладевали всею Европою. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение.

В духе французского народа есть нечто общительное, симпатичное, нечто сообщающееся другим нациям с большою легкостью и энергиею. Язык ли наш, особенность ли нашего ума и нравов тому причиною, но наши идеи популярнее, яснее представляются массам и легче проникают к ним, чем идеи, выработанные в какой бы то ни было другой стране. Словом — ясность мысли и общность идей составляют отличительный характер Франции и ее цивилизации, и эти качества давали ей, преимущественно пред другими государствами, возможность идти во главе европейской цивилизации.

Итак, при изучении истории этой цивилизации, мы не по произволу и не в силу общепринятого обыкновения избираем Францию средоточием нашего анализа; но исключительно в силу того, что мы становимся таким образом как бы в центре самой цивилизации, в центре изучаемого нами факта.

Я умышленно употребляю слово «факт».

Цивилизация есть факт, подобный всякому другому, факт, который наравне со всяким другим может сделаться предметом изучения, описания, рассказа.

Многие не без основания утверждают, что историю следует ограничить фактами и только фактами. Это весьма справедливо; но число и разнообразие фактов гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда.

Есть факты материальные, видимые — сражения, войны, официальные действия правительств; есть факты моральные, скрытые, но тем не менее вполне реальные; есть факты индивидуальные, имеющие определенное название; есть факты общие, безымянные, которых нельзя отнести к известному времени, дню, году, которые невозможно заключить в определенные рамки; но тем не менее и они принадлежат к числу исторических фактов; исключение их из истории было бы равносильно ее искажению.

Та часть истории, которую обыкновенно называют философскою, — разумея под этим названием исследование отноше-

ний событий между собою, взаимной связи их, причин их и результатов, — тоже состоит из фактов и входит в состав общей истории точно так же, как рассказы о битвах и других внешних происшествиях. Разбирать такого рода факты без сомнения гораздо труднее; они чаще дают повод к ошибкам; их нелегко одушевить, изобразить в ясных, живых формах; но эта трудность нисколько не изменяет их природы; они тем не менее составляют существенную часть истории.

Цивилизация есть один из таких фактов — факт всеобщий, скрытый, сложный, нелегко поддающийся описанию и повествованию, но тем не менее существующий, имеющий полное право быть предметом повествования и описания. Можно возбудить множество вопросов по поводу этого факта; можно спросить — и действительно такой вопрос задавался — является ли он добром или злом. Одни приходят от него в отчаяние, другие — в восторг. Можно задать себе вопрос: есть ли это всеобщий факт, существует ли всемирная цивилизация человеческого рода, стремится ли человечество к определенной цели, передают ли народы друг другу из века в век нечто неисчезающее, нечто возрастающее, хранимое как драгоценное сокровище, и, таким образом, нечто нетленное, вечное? Что касается меня, то я глубоко убежден, что действительно человечество имеет общее предназначение; что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации.

Но даже не возбуждая столь серьезных и трудных вопросов, ограничивая себя определенными рамками известного числа веков или известными национальностями, нельзя не убедиться, что и в этих границах цивилизация есть факт, который может быть описан, рассказан, который имеет свою историю. Замечу тут же, что история эта выше всех прочих, что она обнимает собою все другие.

Не ясно ли в самом деле, что факт цивилизации есть факт по преимуществу, факт всеобщий и окончательный, к которо-

му сводятся все другие, в котором они разумеются? Возьмите все факты, из которых составляется история народа и которые обыкновенно принято считать элементами его жизни, — возьмите его учреждения, торговлю, промышленность, его войны, все подробности его управления: что хотите вы раскрыть в этих фактах, рассматривая их в совокупности и взаимной связи, взвешивая и обсуждая их? Вы хотите исследовать, насколько они содействовали цивилизации народа, какую роль они играли в ней, какое принимали в ней участие, какое имели на нее влияние. Этим путем вы не только составляете себе определенное представление о явлениях народной жизни, но и таксируете их, определяете их истинную цену; их можно сравнить с реками, из которых каждая вносит свою долю в океан. Цивилизация — нечто вроде океана, который составляет достояние народа, которым соединяются все элементы, все силы народной жизни. Это настолько справедливо, что даже те факты, которые по существу своему гнусны, пагубны, факты, лежащие тяжким бременем на народах, каковы, например, деспотизм или анархия, — даже такие факты, если они содействовали в чем-нибудь цивилизации, заставили ее сделать значительный шаг вперед, то и они становятся до некоторой степени извинительными: там, где только признают существование цивилизации и фактов, содействовавших ей, невольно забывают цену, которую она куплена.

Есть также факты, которые, строго говоря, нельзя даже назвать общественными, — факты индивидуальные, касающиеся, по-видимому, более человеческого духа, нежели общественной жизни: таковы религиозные верования, философские идеи, наука, литература, искусства. Факты эти, по-видимому, относятся собственно к единичному человеку, предназначены для его усовершенствования, для доставления ему разнообразных наслаждений; цель их с первого взгляда — не столько общественное развитие человека, сколько его внутреннее развитие или его наслаждение. Однако и эти факты рассматриваются

и должны быть рассматриваемы с точки зрения цивилизации. Всегда и везде религия принимала большое участие в цивилизации народов; наука, литература, искусства, все умственные и нравственные наслаждения человека также претендовали на такую же роль, и признание ее за ними считалось для них высшею почестью и похвалою. Поэтому, как бы велико и важно ни было известное явление, по одному отношению своему к человеческому духу, независимо от всякого внешнего результата, — значение его еще более возрастает от связи его с цивилизацией. Такова важность этого всемирного факта, что он увеличивает цену всего, что только приходит с ним в соприкосновение. И это еще не все: есть случаи, когда упомянутые нами факты, т. е. религиозные верования, философские идеи, литература, искусства рассматриваются и обсуждаются больше всего на основании их влияния на цивилизацию — влияния, которое до известной степени и в течение известного времени служит решительным мерилom их заслуг и действительного значения.

Но в чем же состоит самый факт, — спросим мы, прежде чем приступим к его истории, — факт столь важный, столь всеобъемлющий и драгоценный, являющийся как бы смыслом, выражением всей жизни народов?

Отвечая на этот вопрос, я воздержусь от отвлеченных философских взглядов; я не буду опираться на какой-нибудь рациональный принцип и не стану выводить из него, как следствие из причины, сущность цивилизации; такой метод мог бы подать много поводов к заблуждениям. Мы встречаемся и здесь с фактом, требующим констатирования и описания.

Уже издавна во многих странах употребляют слово *цивилизация*. Ему придают более или менее определенное, более или менее общее значение; во всяком случае слово это общепотребительное и понятно для тех, кто употребляет его. Нашему изучению подлежит общее, популярное значение этого слова. В общепринятых терминах почти всегда более истины, чем

в самых точных, по виду самых строгих, научных определениях. Общепринятое значение слов вырабатывается здравым смыслом, а здравый смысл есть гений человечества. Это значение слов вырабатывается постепенно, под влиянием фактов; по мере возникновения фактов, подходящих под смысл известного термина, этот последний сам собою, естественным путем, применяется к ним; значение термина распространяется, расширяется — и мало-помалу различные факты, различные идеи, которые по самой сущности своей должны быть соединены между собою, действительно соединяются в одном общем слове. Напротив, если значение слова определено наукою, то определение это, сделанное одним или несколькими лицами, совершается под влиянием какого-либо частного факта, особенно выдающегося. Таким образом, научные определения вообще специальное общеупотребительных, и потому, в сущности, гораздо менее верны. Изучая как факт значение слова *цивилизация*, изыскивая все заключающиеся в нем, по здравому человеческому смыслу, понятия, мы гораздо ближе ознакомимся с самим фактом, нежели давая ему научное определение, хотя с первого взгляда оно и показалось бы нам яснее и точнее.

Для начала предстоящего изыскания я приведу несколько примеров, опишу несколько различных состояний общества; затем мы поставим вопрос: в каком из этих состояний инстинктивно чувствуются признаки успехов общества в ходе цивилизации и обретаются те данные, которые человеческий род обыкновенно соединяет с понятием о *цивилизации*.

Вот народ, внешняя жизнь которого течет покойно, невозмутимо. Он платит мало налогов, он не бедствует; он выработал правильную систему правосудия, словом, материальное существование его вообще может считаться вполне удовлетворительным. Но в то же время умственная и нравственная жизнь этого народа упорно пребывает в состоянии оцепенения, застоя; она — не скажу подавлена, потому что народ не чувствует над собою никакого гнета, — но стеснена со всех сторон. Исто-

рия представляет нам такие примеры. Во многих небольших аристократических республиках с подданными обращались как со стадом, хорошо содержимым и материально обеспеченным, но совершенно чуждым умственной и нравственной деятельности. Будет ли это цивилизация? Цивилизуется ли этот народ?

Вот другой пример. Материальная жизнь народа менее покойна и удобна, хотя и сносна. Зато не оставлены без внимания его нравственные и умственные потребности: им дана некоторая пища; в этом народе заботятся о развитии возвышенных, чистых чувств. Религиозные, нравственные верования его достигли известной степени развития; но в нем тщательно стараются подавить начала свободы; умственные и нравственные потребности его удовлетворяются подобно тому как в вышеупомянутом нами государстве удовлетворялись потребности материальные: каждому предоставлено пользоваться известною долей истины, но никому не разрешено самостоятельно искать ее. Неподвижность — характерная черта нравственной жизни подобного народа. Таково состояние большей части государств Азии, где теократические правительства задерживают развитие человечества. Таково, например, состояние индусов. Повторяю тот же вопрос: цивилизуется ли этот народ?

Теперь я совершенно изменяю характер примера. Вот народ, у которого чрезвычайно развита свобода нескольких отдельных лиц, но при этом беспорядок и неравенство достигли крайних пределов. Везде преобладание силы и случая; кто слабее, того притесняют, тот бедствует, гибнет; насилие — господствующий характер общественной жизни. Всякий знает, что Европа пережила такое состояние. Это ли цивилизация? Конечно, и здесь заключаются элементы цивилизации, предназначенные к дальнейшему развитию; но состояние, в котором находится такое общество, конечно, не то, которое здравый смысл человека называет цивилизацией.

Перехожу к четвертому и последнему примеру. Личная свобода отдельного человека очень велика; неравенство встреча-

ется редко, или по крайней мере скоро исчезает. Каждый творит почти все, что хочет; по общественному значению своему, все более или менее равны; но мало общих интересов и идей, слаба общественная деятельность, словом, способности и живые силы отдельных личностей развиваются и проявляются совершенно разрозненно, без всякого взаимодействия; они не оставляют никаких следов существования; следующие друг за другом поколения в социальном отношении почти не отличаются одно от другого. Это состояние диких племен: тут есть и свобода и равенство, но цивилизации, без всякого сомнения, тут нет никакой.

Я мог бы привести еще много подобных примеров, но полагаю, что и приведенных достаточно для того, чтобы выяснить общеупотребительное значение слова *цивилизация*.

Ясно, что ни одно из вышеприведенных общественных состояний не соответствует этому выражению, как понимает его здравый смысл человека. Почему? Мне кажется, что сущность, заключающаяся в слове *цивилизация* (и это прямо вытекает из приведенных мною примеров), есть прогресс, развитие; термин этот неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, — движется для того, чтобы переместить не только место, но и состояние, — о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития кажется мне основной идеею *цивилизации*.

Но что такое прогресс? Что такое развитие?

На этот вопрос, самый затруднительный из всех, этимология слова *цивилизация* дает, кажется, ясный и удовлетворительный ответ. Она указывает на усовершенствование гражданской жизни¹, на развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений.

Такова, в самом деле, первая мысль, зарождающаяся в нашем уме при слове *цивилизация*. Мы тотчас же представляем себе

¹ Civilis — гражданский (*лат.*).

расширение, увеличение общественной деятельности и лучшую организацию общественных отношений: с одной стороны, мы видим усиленное развитие элементов, образующих могущество и благосостояние общества, с другой — возможно равномерное распределение их между отдельными лицами.

Все ли это? Вполне ли исчерпали мы естественное, общепотребительное значение слова «цивилизация»? Не заключает ли оно в себе еще чего-нибудь?

Поставить подобный вопрос — почти то же самое, что спросить себя: род человеческий, в сущности, не похож ли на муравейник, т. е. на общество, вся задача которого состоит в соблюдении порядка и обеспечении благосостояния, — на общество, цель которого достигается и прогресс увеличивается по мере того как возрастает сумма труда и уравнивается распределение результатов его?

Общечеловеческое, инстинктивное чувство возмущается при столь узком определении назначения человека. Оно усматривает с первого взгляда, что слово *цивилизация* заключает в себе нечто высшее, обширнейшее и более сложное, нежели простое усовершенствование общественных отношений, простое увеличение общественной силы и благосостояния.

Исторические факты, общественное мнение, общепринятое значение слова *цивилизация* — все говорит в пользу этого инстинктивного чувства.

Возьмите Рим в цветущие времена Республики, после второй Пунической войны, в момент развития его высших доблестей, когда он стремился к покорению мира, когда общественная жизнь очевидно шла вперед. Потом посмотрите на Рим при Августе, в эпоху, когда начинается его упадок, когда по крайней мере останавливается прогрессивное движение общества, и начинают брать верх вредные начала. Тем не менее никто не подумает и не скажет, что Рим Августа стоял на низшей ступени цивилизации, нежели Рим Фабриция или Цинцинната.

Перенесемся в другую страну, во Францию XVII и XVIII столетий. Очевидно, что в социальном отношении, по сумме благосостояния и по распределению его между отдельными лицами, Франция в XVII и XVIII веках стояла ниже некоторых других стран Европы, например Голландии и Англии. Я убежден, что общественная деятельность в Голландии и Англии была сильнее, росла быстрее, результаты ее распределялись лучше, чем во Франции. Однако обратитесь к здравому смыслу человека — и он вам ответит, что Франция в XVII и XVIII веках стояла на самой высокой ступени цивилизации среди остальных стран Европы. Европа не колебалась в решении этого вопроса. Следы ее мнения о Франции можно найти во всех памятниках европейской литературы.

Можно указать еще много государств, где благосостояние растет быстрее и лучше распределяется между гражданами и где между тем цивилизация — по приговору здравого смысла и врожденного человеку инстинкта — находится на низшей степени развития, нежели в других государствах, не столь удовлетворительно устроенных собственно в социальном отношении.

Что же это означает? Откуда заимствуют эти государства те преимущества, которыми так щедро вознаграждаются, по общепризнанному мнению, все прочие недостатки их общественного устройства?

Здесь блестяще заявляет себя иного рода развитие, отличающееся от развития общественной жизни, развитие жизни индивидуальной, внутренней, развитие самого человека, его способностей, чувств, идей. Если общество и представляет несовершенство в других отношениях, то в смысле общечеловеческом оно является в большем величии и могуществе. Ему остается еще сделать много социальных завоеваний, но оно сделало огромные умственные и нравственные приобретения; множество граждан лишено еще различных прав и жизненных благ, но зато оно может гордиться многими великими людьми, слова которых озаряют весь мир. Литература, наука,

искусства процветают. Везде, где род человеческий видит процветание этих величественных, славных проявлений человеческой природы, везде, где он видит созидание этой сокровищницы возвышенных наслаждений, — он узнает и признает цивилизацию.

Таким образом, в цивилизации заключаются два главных факта, она существует при двух условиях и характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, — прогрессом общества и прогрессом человека. Повсюду, где внешняя жизнь человека становится более широкою, где она оживляется, улучшается, где духовная природа его проявляется во всем блеске и величии, — повсюду на основании этих признаков, и часто даже несмотря на значительное несовершенство общественного быта, человеческий род провозглашает цивилизацию и превозносит ее.

К таким результатам, если я не ошибаюсь, приводит общепринятое мнение о цивилизации. Если мы обратимся собственно к истории, если вникнем в сущность великих кризисов цивилизации, к анализу фактов, от которых, как признано всеми, зависело ее поступательное движение, то мы и там неизбежно встретимся с обоими вышеуказанными элементами цивилизации.

Везде мы увидим кризисы или индивидуального, или общественного развития, явления, которые изменяли или внутреннюю природу человека, его верования, нравы, или его внешнюю жизнь, отношения его к другим людям. Христианство, например, — я говорю не только о времени его появления, но вообще о первых веках его, — христианство не заявило никаких непосредственных притязаний на общественное устройство того времени; оно громко возвестило, что не коснется его и приказало рабу повиноваться своему господину; оно не восстало против главнейших зол, против вопиющих несправедливостей современного общества; но кто тем не менее будет

отрицать, что христианство и тогда уже вызвало великий кризис в истории цивилизации? Почему? Потому что оно изменило внутреннюю природу человека, его верования, чувства, потому что оно переродило, обновило человека в нравственном и умственном отношении.

Мы видели кризис другого рода, изменивший и преобразовавший общество, — кризис, относившийся не к внутренней жизни человека, а к его общественному устройству. И это был, бесспорно, один из решительнейших кризисов в истории цивилизации. Просмотрите всю историю — вы всюду найдете тот же результат; вы не встретите ни одного важного факта, содействовавшего развитию цивилизации, который не имел бы влияния на одну из упомянутых мною сфер человеческой деятельности.

Таково, если не ошибаюсь, естественное и общеупотребительное значение слова *цивилизация*; таков факт — не скажу окончательно определенный — но описанный, приведенный в ясность почти вполне или, по крайней мере, в главных чертах своих. Пред нами теперь оба элемента цивилизации. Но достаточно ли для ее существования одного из двух элементов? Если бы мы где-нибудь увидели развитие одного только общества или, наоборот, одной только индивидуальной личности, то могло ли бы подобное развитие назваться цивилизацией? Нашел ли бы ее там здравый человеческий смысл? Или, быть может, оба эти факта состоят в такой тесной и необходимой связи между собою, что, даже появляясь не одновременно, они не могут быть отделены друг от друга, и рано или поздно один из них повлечет за собою другой?

Вопрос этот можно, как мне кажется, рассматривать с трех сторон. Можно исследовать самую сущность элементов цивилизации и допытываться, тесно ли они связаны между собою и необходимы ли они друг для друга. Можно разыскать исторически, проявлялись ли они отдельно друг от друга или же всегда были результатом один другого. Можно, наконец, при-

слушаться по поводу этого вопроса к общему мнению людей, к их здравому смыслу. Я обращаюсь прежде всего к общественному мнению. Когда совершается важная перемена в состоянии какой-нибудь страны, когда в ней происходит значительное развитие богатства и силы или переворот к распределению общественного благосостояния, то эти новые явления встречают себе противников, выдерживают с ними борьбу, — да иначе и быть не может. Но что же вообще говорят противники перемены? Они говорят, что этот прогресс общественного быта не улучшает, не обновляет в то же время нравственного состояния, внутренней жизни человека; что это ложный, обманчивый прогресс, который ведет к ниспровержению нравственности, истинного достоинства и нормального состояния человека. Приверженцы общественного преобразования с чрезвычайною энергиею отражают это нападение; они утверждают, наоборот, что прогресс общества необходимо влечет за собою прогресс нравственности, что чем лучше слагается внешняя жизнь, тем более исправляется и очищается внутренняя жизнь. Так ставится вопрос между противниками и приверженцами нового порядка вещей.

Сделайте обратное предположение; представьте себе, что прогресс в одном нравственном развитии. Что обещают вообще люди, стоящие во главе его? Что обещали в первые времена существования обществ духовные владыки, мудрецы, поэты, стремившиеся к смягчению и исправлению нравов? Они обещали улучшение общественного быта, более справедливое распределение благосостояния. Что же доказывают эти споры и обещания? Они доказывают, что по врожденному, инстинктивному верованию людей, оба элемента цивилизации — развитие общества и развитие личности — тесно связаны между собою, что при виде одного человечество непременно рассчитывает и на другое. К этому именно верованию обращаются все те, которые для защиты или опровержения того или другого развития признают или отрицают соедине-

ние их. Уверив людей, что улучшение общественного быта совершается в ущерб внутреннему прогрессу человека, можно отворотить или ослабить переворот, совершающийся в обществе. С другой стороны, обещая людям улучшение общества как последствие улучшения отдельных лиц, можно с полною уверенностью рассчитывать на врожденную склонность людей верить такому обещанию и пользоваться ею. Итак, очевидно, что в человеке есть инстинктивное верование в тесную связь обоих элементов цивилизации и во взаимное происхождение их друг от друга.

Если мы обратимся к всемирной истории, то получим тот же самый ответ. Мы найдем, что развитие внутренней природы человека служило вместе с тем на пользу обществу, и наоборот, всякое значительное развитие общественного быта — на пользу человека. Конечно, всегда преобладает одно развитие над другим, проявляется с большим блеском и сообщает прогрессу свой особый характер. Другой фактор развивается иногда по прошествии долгого времени, после тысячи видоизменений, тысячи препятствий, и служит как бы дополнением цивилизации, обусловленной первым фактором. Но глядя вглубь, нельзя не заметить связи, соединяющей их. Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлечет его по прошествии веков, в свое время; медленность (с нашей точки зрения) нисколько не уменьшает верности его рассуждений. Провидение распоряжается временем по своему усмотрению; оно движется в нем подобно тому как боги Гомера двигались в пространстве: один шаг — и протекли целые века. Сколько прошло времени, сколько совершилось событий, прежде чем нравственное обновление человека христианством оказало свое великое и закономерное влияние на преобразование общественного быта! Но все же влияние это проявилось — кто мог бы в настоящее время не признавать этого?

Переходя от истории к самой сущности обоих факторов цивилизации, мы опять неизбежно придем к тому же результату. Нет человека, который не испытал бы этого на самом себе. Когда в человеке происходит нравственный переворот, когда в нем развивается новая идея, новая добродетель, новая способность — словом, когда он развивается лично, — какая потребность пробуждается в нем прежде всего? Потребность проявить свои чувства во внешнем мире, осуществить свою мысль вне себя. Едва только человек, по своему собственному убеждению, приобрел новую способность, новую силу, как в нем немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голос обязывает, побуждает его распространить перемену, улучшение, совершившееся в нем, сделать их господствующими вне его самого. Такова причина появления великих реформаторов. Великие люди, обновившие сначала самих себя, а потом изменившие строй целого мира, были побуждаемы и руководимы не чем другим, как именно эту непреодолимую потребностью.

Таковы последствия перемены, совершающейся во внутренней природе человека; обратимся к другому случаю. В обществе совершился переворот. Оно устроилось лучше прежнего, права и богатства распределены справедливее между отдельными лицами; другими словами, зрелище, представляемое внешним миром, стало привлекательнее и прекраснее; отношения правительства к подданным и последних между собою улучшились. Неужели вы думаете, что это зрелище, это улучшение внешних фактов не подействует на внутренний мир человека, на человеческую природу? Все, что говорится о силе примера, привычки, об образцах, достойных подражания, — все это основано единственно на том убеждении, что внешний факт, полезный, разумный, стройный, рано или поздно повлечет за собою более или менее сходный внутренний факт того же качества и достоинства; что внешний быт, сложившийся лучше и справедливее, делает и самого человека бо-

лее склонным к справедливости; что внутренний мир преобразовывается миром внешним, и наоборот; что оба элемента цивилизации тесно связаны друг с другом; что хотя бы их разделяли целые века и всевозможные преграды, хотя бы соединение их требовало бесчисленных видоизменений, но рано или поздно они непременно соединятся в каждом из них между собою; это естественный закон, это общий факт истории, это инстинктивное верование человеческого рода.

Я полагаю, что, далеко не исчерпав всего содержания понятия о цивилизации, я, однако, представил его вам в главных, хотя и общих чертах; я описал его, определил его границы, поставил главные, основные вопросы, связанные с ним. Можно было бы остановиться на этом; но я не могу оставить не затронутым еще один весьма существенный вопрос. Он не принадлежит к числу исторических вопросов в собственном смысле этого слова, он может быть назван скорее вопросом телеологическим. Вопросы, подобные ему, не вполне доступны нам, но они тем не менее неизбежно обращают на себя внимание человека, потому что представляются ему ежеминутно, даже против его воли. Из двух факторов цивилизации — развитие общества, с одной стороны, и человека — с другой, которое составляет цель и которое — средство? Для одного ли усовершенствования общественного своего быта, улучшения своего земного существования развивается весь человек, все его способности, чувства, идеи, все существо его? Или же улучшение общественного быта, прогресс общества, самое общество есть только поприще развития человеческой личности, повод, двигатель этого развития? Словом, существует ли общество для человека или человек для общества? От ответа на этот вопрос неизбежно зависит разрешение другого: ограничивается ли назначение человека его общественною жизнью, исчерпывает ли, поглощает ли общество всего человека, или же он носит в себе самом нечто высшее его земного существования?

Человек, дружбою которого я горжусь, который из собраний, подобных нашему, перешел и занял первое место в собраниях, менее спокойных, но более важных, — человек, каждое слово которого врезывается и навсегда остается запечатленным там, где оно раздалось — г. Ройе-Коллар разрешил этот вопрос, по крайней мере по своему убеждению, в речи своей по поводу проекта предполагавшегося закона о святотатстве. В этой речи я нахожу следующие два выражения: «Общества рождаются, живут и умирают на земле; этим они выполняют все свое назначение... Но они не поглощают собою всего человека. Вступив в общество, он сохраняет благороднейшую часть самого себя, свои высшие способности, которыми он возносится до Бога, до будущей жизни, до неведомых благ незримого мира... Мы, отдельные и подобные друг другу личности, мы, существа, одаренные бессмертием, имеем иное назначение, нежели государства». Я ничего не прибавлю к этому. Я не буду разбирать самого вопроса и ограничусь тем, что поставил его. Мы встретимся с ним в конце истории цивилизации; когда история эта вполне исчерпана, когда все сказано о настоящей жизни, человеку невольно и неотразимо представляется вопрос: точно ли все исчерпано, все окончено? В этом, следовательно, заключается последняя задача, и самая высокая из всех тех, к которым может привести история цивилизации. Я довольствуюсь тем, что указал ее место и значение.

После всего сказанного мною очевидно, что историю цивилизации можно изучать с двух сторон, почерпать из двух источников, рассматривать с двух различных точек зрения. Историк может обратиться к человеческому духу, каким он представляется в продолжение известного промежутка времени, целого ряда столетий или у какого-нибудь народа; он может изучить, описать, передать все явления, видоизменения, перевороты, совершившиеся во внутреннем мире человека, — и, окончив такой труд, он получит историю цивилизации избранного им народа или периода. Он может пойти и другим путем: не всту-

пая во внутренний мир человека, он может встать в центре мировой арены, не описывая изменения идей и чувствований отдельных существ, он может излагать внешние факты, события, общественные перевороты. Эти два отдела, эти две истории цивилизации тесно связаны между собою; они служат отражением, изображением друг друга. Однако они могут и даже должны быть разделены, по крайней мере сначала, для того, чтобы каждый из них мог быть подвергнут подробной разработке. Что касается меня, то я не предполагаю излагать историю европейской цивилизации в отношении ее к внутреннему миру человека; я займусь историей внешних событий, видимого, общественного быта. Я ограничиваю себя, стесняю предмет свой более узкими пределами: я имею в виду изучение лишь общественного быта в прогрессивном развитии.

Мы начнем с исследования всех элементов европейской цивилизации в ее колыбели, начиная с падения Римской империи, и тщательно изучим общество в том виде, в каком мы застаем его среди этих славных развалин. Мы постараемся если не воскресить, то восстановить эти элементы, сопоставить их и, достигнув этого, попытаемся проследить их развитие в течение пятнадцати веков, протекших с того времени. Я думаю, что с первых же шагов нашего исследования, мы убедимся в том, что цивилизация человечества еще очень молода, что она еще не совершила большей части своего пути. Мысль человека в настоящую минуту, без сомнения, еще не то, чем она может сделаться впоследствии; мы обнимаем еще далеко не всю будущность человеческого рода; пусть всякий из нас углубится в свои мысли, пусть спросит себя о возможном благе, которое он представляет себе и на которое надеется, и пусть сравнит потом свою мечту с окружающею его действительностью: он убедится, что общество и цивилизация еще очень юны, что, несмотря на весь пройденный путь, им предстоит еще путь несравненно больший. Но это несколько не уменьшает удовольствия, которое доставляет нам настоящее. Когда я приведу пред ваши-

ми глазами великие кризисы истории европейской цивилизации, совершившиеся в продолжение пятнадцати веков, вы увидите, до какой степени положение человека до нашего времени было тягостно, необеспечено, сурово, и не только во внешней жизни, в обществе, но и во внутреннем мире, в духовной жизни. В течение пятнадцати веков ум человеческий страдал столько же, сколько и род человеческий. Вы увидите, что лишь в новейшее время ум человеческий, может быть, еще впервые достигнул состояния, хотя далеко несовершенного, в котором царит некоторое спокойствие, некоторая гармония. То же самое и в обществе: оно очевидно сделало огромные успехи; положение человека, в сравнении с прежним, спокойно и удовлетворяет требованиям справедливости. Вспоминая о наших предках, мы можем применить к себе стихи Лукреция:

Suave, mari magno, turbantibus aequora ventis,
Ex terra magnum alterius spectare laborem².

Мы даже можем без гордости сказать о себе то, что говорит Соснел у Гомера:

Возблагодарим небо за то, что мы гораздо лучше наших предков.

Будем, однако, осторожны. Не следует слишком увлекаться сознанием своего счастья и превосходства, иначе нам грозят две большие опасности: гордость и леность. Мы можем сделаться слишком доверчивыми к могуществу и успехам человеческого разума, к той степени просвещения, которой мы достигли, и, наслаждаясь своим настоящим положением, утратить способность к дальнейшей деятельности. Я не знаю, поражает ли это вас так же сильно, как меня; но мне кажется, что

² Приятно, когда ветер вздымает морские волны, с твердой земли смотреть на великую работу.

мы постоянно колеблемся между двумя противоположностями: нас огорчают мелочи, а с другой стороны, мы мелочами же удовлетворяемся. В желаниях наших, в мыслях, в воображении мы до крайности впечатлительны, требовательны и безгранично честолюбивы; но когда дело доходит до действительной жизни, когда для достижения цели необходимы жертвы и усилия, мы устаем и опускаем руки. Мы упадаем духом почти так же легко, как нетерпеливо желаем чего-нибудь. Остережемся же от того и другого. Привыкнем соразмерять наши желания с тем, что нам могут дать наши силы, знания, наши средства, и будем домогаться лишь того, что может быть приобретено законно, справедливо, правильно, с уважением тех основ, на которые опирается самая цивилизация. Иногда мы, кажется, готовы снова возвратиться к началам варварской Европы: к грубой силе, наглости, обману, столь обыкновенным явлениям четыре — пять веков тому назад. Но даже и уступив этому искушению, мы не находим в себе ни упорства, ни дикой энергии людей того времени, которые много страдали и, недовольные своим положением, постоянно стремились выйти из него. Мы довольны своим положением, не будем же рисковать им ради смутных желаний, время осуществления которых еще не настало. Нам много дано, с нас много и спросится; мы должны будем отдать потомству строгий отчет в своей деятельности; общество и правительство — теперь одинаково подлежат исследованию, отчету, ответственности. Станем же твердо и неуклонно держаться начал нашей цивилизации: правосудия, законности, гласности, свободы, никогда не забывая, что если мы справедливо требуем, чтобы ничего не было скрыто от нас, то сами находимся на виду всего света, который и нас в свою очередь подвергнет допросу и суду.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Исключительность древней цивилизации. – Разнообразие современной цивилизации. – Ее превосходство над древнею. – Состояние Европы в эпоху падения Римской империи. – Преобладание городов. – Попытка политической реформы, произведенная императорами. – Рескрипт Гонория и Феодосия II. – Могущество империи. – Христианская церковь. – Различные стадии, пройденные ею в V веке. – Духовенство, занимающее муниципальные должности. – Хорошее и дурное влияние церкви. – Варвары. – Внесение ими в мир чувства личной независимости и преданности человека человеку. – Обзор элементов цивилизации в начале V века.

В предыдущей лекции я старался объяснить факт цивилизации вообще, не касаясь никакой цивилизации в отдельности, не обращая внимания на обстоятельства времени и места, рассматривая факт в нем самом, с точки зрения чисто философской. Теперь мы займемся собственно европейскою цивилизациею; но мне хотелось бы прежде всего показать вам в общих чертах ее особенности; мне хотелось бы представить ее так ясно, чтобы она явилась вполне отличною от всех других цивилизаций в мире. Попытаюсь исполнить это желание, ограничиваясь по необходимости общими положениями. Мне бы следовало обрисовать пред вами европейское общество с такою точностью, чтобы вы тотчас могли узнать его, словно по портрету; но я не смею надеяться достигнуть этой цели.

Вдумываясь в цивилизации, предшествовавшие европейской, – в Азии ли, или в других странах, не исключая даже Греции и Рима, – нельзя не обратить внимания на господствовавшее единство. Все они словно вытекают из одного известного

начала, из одной идеи; словно все общество находилось во власти одного принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения, нравы, верования, словом, все стороны его развития. В Египте, например, целым обществом владел принцип теократический; он проявляется в нравах, в памятниках, во всем, что осталось от египетской цивилизации. В Индии то же самое — почти исключительное господство теократического принципа. У других народов встречается иная организация — господство касты завоевателей; принцип силы исключительно властвует над обществом, предписывает ему законы, сообщает ему свой характер. Есть общества, служащие выражением демократического принципа, например, большая часть торговых республик, такие как Иония, Финикия и др. Одним словом, древние цивилизации носят на себе замечательный отпечаток исключительности в учреждениях, нравах, идеях; всем управляет и все решает какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мере безусловно преобладающая сила.

Такое единство принципа и формы не всегда, однако, преобладало в цивилизации древних государств. Восходя к более отдаленным временам их истории, мы часто находим соперничество тех различных сил, которые могут развиваться в недрах общества. У египтян, этрусков, даже у греков каста воинов, например, боролась с кастой жрецов, у других народов — дух клана¹ с духом свободных общин, аристократическая система с демократической и проч. Но подобная борьба обыкновенно происходила в доисторические эпохи, история же в собственном смысле слова сохранила о ней только смутное воспоминание. Иногда подобная борьба возникала и в позднейшие времена, но почти всегда быстро прекращалась. Одна из сил, боровшихся за власть, побеждала и нераздельно овла-

¹ Клан — род, происходящий от одного родоначальника и сильно разросшийся.

девала обществом. Война постоянно оканчивалась, если не исключительным, то по крайней мере преобладающим господством какого-нибудь известного начала. В истории древних народов одновременное существование и соперничество различных начал было не более как скоропроходящим кризисом, случайным явлением — отсюда поразительная простота в большей части древних цивилизаций. Простота общественного начала иногда имела следствием необыкновенно быстрое развитие, как, например, в Греции. Ни один народ не развивался так блистательно и в столь короткое время. Но после этого изумительного успеха, Греция вдруг является изнуренной и, хотя падение ее было медленнее, нежели возвышение, тем не менее оно совершилось с необыкновенною быстротою. Творческая сила в началах греческой цивилизации словно иссякла, а взамен ее не явилось никакого другого освежающего начала.

В Египте и в Индии единство цивилизации имело совершенно противоположный результат. Общество впало в состояние застоя. Простота обратилась в однообразие; государство не разрушилось, общество продолжало свое существование, но оставалось неподвижным и словно застыло. К той же самой причине должно отнести тиранический характер, проявляющийся в самых разнообразных формах во всех древних цивилизациях. Общество находилось во власти одной исключительной силы, недопускавшей господства иной. Всякое чуждое ей стремление подвергалось преследованию. Господствующий принцип никогда не допускал проявления и действия рядом с собою какого-либо другого начала.

Это единство цивилизации отразилось и в литературе, в произведениях ума. Кто не просматривал памятников индийской литературы, с недавнего времени распространившихся в Европе? Нельзя не признать, что все они носят один и тот же характер. Они представляют как бы результат одного и того же факта, выражение одной и той же идеи; религиозные и нравственные сочинения, исторические предания, дра-

матическая поэзия, эпопея — все носит на себе один и тот же отпечаток; произведения разума отличаются тем же однообразием, которое заметно в событиях и учреждениях. Даже в Греции, среди всех богатств человеческого разума, господствует редкое единство в литературе и в искусствах.

Совершенно иначе развивалась цивилизация современной Европы. Оставляя в стороне все подробности, взгляните в нее, припомните все, что вы знаете о ней, — она тотчас же явится перед вами многообразною, запутанною, бурною; в ней одновременно существуют все формы, все начала общественной организации: духовная и светская власть, элементы теократический, монархический, аристократический, демократический; все классы, все состояния общества смешаны и перепутаны; всюду представляются бесконечно разнообразные степени свободы, богатства, влияния. И все эти силы находятся в состоянии постоянной борьбы, причем ни одна из них не получает решительного преобладания над прочими, не овладевает безусловно обществом. В древности каждая великая эпоха словно отливала все общества в одну и ту же форму; преобладание принадлежало то монархии, то теократии или демократии, — но господство каждой из этих форм было всегда исключительным, безусловным. Современная Европа представляет образцы всех систем, всех попыток общественной организации: абсолютные и смешанные монархии, теократии, республики, более или менее аристократические, существуют в ней одновременно, друг подле друга, и несмотря на все различие их, они все-таки представляют много общего, в них нельзя не признать чего-то родственного.

В мире идейном и нравственном то же разнообразие, та же борьба. Теократические, монархические, аристократические, демократические убеждения сталкиваются, борются, ограничивают, видоизменяют друг друга. Раскройте самые смелые средневековые сочинения: никогда идея не доведена в них до своих последних результатов. Защитники абсолютной вла-

сти внезапно, сами того не замечая, отступают пред следствиями, вытекающими из их учения; они, очевидно, стеснены идеями, влияниями, которые останавливают их и не позволяют им дойти до крайних пределов. Демократы подвергаются действию того же самого закона. Нигде мы не видим той непоколебимой отваги, той слепой логики, которые поражают нас в древних цивилизациях. В чувствах те же противоположности, то же разнообразие: весьма энергическое стремление к независимости рядом с склонностью к подчинению; глубокая преданность одного человека другому, и в то же время безудержная потребность исполнять свою волю, отбросить всякие стеснения, жить одному, не заботясь о других. В ощущениях, словом, такие же колебания, как и в самом обществе.

Те же отличительные свойства встречаем мы и в новейшей литературе. Нельзя не сознаться, что с точки зрения формы и художественности произведения ее во многом уступают древним: но в описании мыслей и чувств они стоят неизмеримо выше. Душа человеческая является в них исследованною и многостороннее и глубже. Отсюда и само несовершенство формы. Чем сильнее, многочисленнее материалы, тем труднее привести их к простой, ясной форме; а в таковой, собственно, и заключаются красота, художественность. При разнообразии идей и чувств европейской цивилизации, гораздо труднее достигнуть такой простоты и ясности, какие представляют античные произведения.

Следовательно, куда бы мы ни обратились, всюду обнаруживается господствующий характер современной цивилизации. Он, без сомнения, имеет тот недостаток, что развитие всех проявлений человеческого ума, порознь взятых, уступает соответствующей стороне развития в древних цивилизациях; но зато рассматриваемая в общем европейская цивилизация является несравненно выше всякой другой. Она существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует; она подвигалась вперед далеко не так быстро, как греческая ци-

вилазация, но зато прогресс ее никогда не прекращался. Она видит перед собою бесконечную арену и, со дня на день, стремится вперед все быстрее и быстрее, потому что свобода все более и более расчищает ей дорогу; тогда как в других цивилизациях исключительное господство или по крайней мере чрезмерное преобладание одного начала, одной формы всегда порождало тиранию; в современной Европе разнообразие элементов общественного устройства и невозможность их взаимного уничтожения были причиною той свободы, которая достигнута в настоящее время. Различные начала, не имея возможности уничтожить одно другое, принуждены были волею-неволею существовать совместно и примирились путем компромиссов. Каждое из них ограничилось тою ролью в ходе развития, которая приходилась ему по праву; повторяем: тогда как в других странах господство одного начала порождало тиранию, в Европе результатом разнообразия и постоянной борьбы элементов цивилизации явилась свобода.

В этом состоит истинное, неизмеримое превосходство. Если мы пойдем еще далее, и, игнорируя внешние факты, обратимся к самой сущности дела, то должны будем сознаться, что такое превосходство вполне естественно и законно, что его санкционирует разум, что оно вытекает из фактов. Забыв на время европейскую цивилизацию, взглянем вообще на мир, на общий ход явлений, совершающихся на земном шаре. В чем их особенность? Как они совершаются? Они совершаются именно среди бесконечного разнообразия воздействий, среди вечной борьбы, подобную которой мы замечаем в европейской цивилизации. Никакое исключительное начало, никакая особая организация, никакая идея, никакая частная сила, очевидно, не владеет миром, не организовала его раз навсегда по известному шаблону, не изгнала из него все другие стремления, не завоевала себе исключительного господства в нем. Различные силы, начала, системы смешиваются, ограничивают друг друга, находятся в непрерывной борьбе, то возвыша-

ясь, то упадая, но никогда не оставаясь вполне победителями или побежденными. В этом именно бесконечном разнообразии форм, идей, начал, в их соперничестве, в их стремлении к известному единству, к идеалу, который никогда, может быть, не будет достигнут, но к которому путем труда и свободы вечно будет стремиться человеческий род — в этом именно и состоит мировой процесс. Следовательно, европейская цивилизация есть точное изображение этого процесса; в ней точно так же нет ни односторонности, ни исключительности, ни застоя. Впервые, кажется, цивилизация явилась чуждою всякой исключительности, впервые развилась она столь же пышно, разнообразно и деятельно, как сама Вселенная. Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями. Весьма желательно, чтобы во все продолжение этого курса вы постоянно имели в виду этот основной, отличительный характер европейской цивилизации. Пока я только указываю на него; доказательства будут представлены в ходе дальнейшего изложения, положения мои, однако, значительно подтвердятся уже тем, что мы в самой колыбели европейской цивилизации найдем причины и зародыши тех свойств, которые я приписал ей, что мы в самый момент ее возникновения, именно в момент падения западной Римской империи, найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается. Я приступаю к этому исследованию. Я рассмотрю состояние Европы в эпоху падения Римской империи и постараюсь найти в учреждениях, верованиях, чувствах, идеях те элементы, которые древний мир завещал новому. Если мы уже в этих элементах заметим отпечаток вышеописанного характера европейской цивилизации, то он тотчас же приобретет в ваших глазах значительную степень достоверности.

Прежде всего необходимо ясно представить себе, что такое была Римская империя и как она образовалась. Рим в начале своего существования был не что иное, как муниципия, община. Образ правления его был совокупностью тех учреждений, которые свойственны народонаселению, заключенному в стенах города, — учреждений муниципальных; таков их отличительный признак. Замечание это относится не только к Риму. Повсюду, в тогдашней Италии, мы не видим ничего другого, кроме городов. Название народов принадлежало тогда союзам этих городов. Латинский народ был союзом латинских городов; в том же состоянии пребывали этруски, самнитяне, сабиняне, народы Великой Греции.

В то время совсем не существовало деревень в том виде, в каком они существуют ныне. Земли, находившиеся вне городов, обрабатывались, потому что этого требовала необходимость, но они не были заселены. Владельцами полей были городские жители. Они на время оставляли город для наблюдения за полями, содержали там часто некоторое количество рабов; но деревень, в том смысле, как мы их понимаем, т. е. разбросанного по территории населения, живущего то отдельно, то обществами, в Древней Италии почти совсем не существовало.

Что сделал Рим, когда владения его расширились? Проследите его историю и вы увидите, что он завоевывал или основывал города; с городами он боролся, с городами заключал договоры, города колонизировал. История завоеваний Рима есть история завоевания и основания огромного числа городов. На востоке распространение римского владычества не вполне отличается этим характером; народонаселение распределено было там не так, как на западе. Подчиненное другим общественным условиям, оно было гораздо менее сосредоточено в городах. Но мы имеем дело только с европейским населением, и восток представляет для нас мало интересного.

Ограничиваясь западом, мы всюду встречаем указанный мною факт. В Галлии, в Испании мы не видим ничего кро-

ме городов; за стенами их территория покрыта болотами, лесами. Всмотритесь в характер римских памятников, римских дорог. Вы замечаете большие дороги, соединяющие один город с другим; но нет того множества мелких путей сообщения, которые в настоящее время пересекают территорию во всех направлениях. Нет ничего похожего на это бесчисленное количество небольших памятников, селений, замков, церквей, раскинувшихся по всей поверхности европейской территории, начиная с Средних веков. Рим завещал нам только грандиозные памятники как результаты муниципального устройства, предназначенные для многочисленного населения, столпившегося на одном пункте. С какой бы точки зрения мы ни рассматривали римский мир, мы найдем в нем почти исключительное преобладание городов и отсутствие иных поселений.

Этот муниципальный характер римского мира очевидно служил сильным затруднением при установлении и поддержании единства, общественной связи между отдельными частями огромного государства. Муниципия, подобная Риму, могла покорить мир, но с трудом могла устроить его и управлять им. Вот отчего, когда все, по-видимому, было уже окончено, когда весь запад и большая часть востока подпали под римское владычество, все несметное количество городов, — этих небольших государств, созданных для отдельной, самостоятельной жизни, — разъединяются, отрываются друг от друга и расползаются, так сказать, во все стороны. В этом заключалась одна из причин, по которым сделалась необходимою империя, как форма правления более сосредоточенная, более способная поддержать связь между столь шаткими элементами. Империя пыталась внести единство и связь в это разъединенное общество и до некоторой степени успела в том. В период от Августа до Диоклетиана, одновременно с развитием гражданского законодательства, установилась и та обширная система административного деспотизма, которая покрыла рим-

ский мир сетью чиновников, иерархически подчиненных друг другу, тесно связанных как между собою, так и цезарским двором, и предназначенных исключительно для осуществления предначертаний верховной власти и для сообщения верховной власти сведений о силах и материальных средствах общества. Этой системе не только удалось соединить и удержать во взаимной связи элементы римского мира, но благодаря ей и самая идея центральной власти с замечательною легкостью проникла в умы. Нельзя без удивленья видеть, как в этом слабо соединенном сборище небольших республик, в этом союзе муниципий, быстро распространяется уважение к императорскому величеству, единому августейшему, священному. Потребность установить некоторую связь между отдельными частями империи была, без сомнения, весьма настоятельна, если система полной централизации привилась с таким успехом. Посредством этой административной организации и соединенной с нею военной системы Римская империя сопротивлялась и внутреннему распадению своему и вторжению варваров. Она боролась долго, находясь непрерывно в состоянии упадка, но не переставая защищаться. Настало, наконец, время, когда распадение одержало верх. Как цезаризм, так и рабство оказались одинаково бессильными поддержать это громадное разрушающееся тело.

В IV веке во всех частях его заметно разъединение, раздробление; варвары вторгаются со всех сторон. Провинции не сопротивляются им: они уже не заботятся об общей участи государства. Тогда в уме некоторых императоров родилась странная мысль. Они захотели испытать, не окажется ли свободная конфедерация — система правления подобная той, которую мы теперь называем представительной, — не окажется ли система свободной конфедерации более действительною для поддержания единства империи, нежели деспотический режим. Вот рескрипт Гонория и Феодосия Младшего, посланный в 418 году префекту Галлии с целью установить на юге этой

провинции род представительного правления и тем поддерживать единство империи:

Гонорий и Феодосий, августы, Агриколе, префекту обоих Галлий.

На весьма полезное представление, сделанное нам тобою в числе других уведомлений, очевидно клонящихся к пользе государства, мы определили — и да будет это всегда иметь силу закона — сделать следующие распоряжения, которым имеют повиноваться жители наших семи провинций², и которые по свойству своему таковы, какими могли бы желать и просить их сами жители. Так как ради требований общественной или частной пользы, не только от каждой из провинции, но и от каждого города являются к тебе должностные лица и депутаты для сдачи отчетов или для рассуждения о делах, касающихся интереса поземельной собственности, то мы нашли уместным и весьма полезным, чтобы с текущего же года происходили для жителей семи провинций ежегодно, в определенное время, собрания в метрополии, т. е. в городе Арле. Этим установлением мы имеем в виду одинаково обеспечить и общие, и частные интересы. Прежде всего, совещание знатнейших жителей, в присутствии цезарского префекта, — если требования общественного порядка не отзывают его в другое место, — даст возможность собрать по каждому обсуждаемому предмету наилучшие и наиболее правильные мнения. Все то, чего будут касаться рассуждения, и что после зрелого соображения будет принято за правило, делается известным всем без исключения провинциям, и лица, не присутствовавшие в собрании, обязаны будут следовать тем же предписаниям справедливости и истины. Кроме того, учреждая в городе Константина³ ежегодные собрания, мы имеем в виду не только способствовать всеобщему бла-

² Вьена, первая Аквитания, вторая Аквитания, Новемпопулания, первая Нарбонна, вторая Нарбонна и провинция приморских Альп.

³ Константин Великий особенно любил город Арль; он установил в нем пребывание галльского префекта и хотел дать Арлю свое имя; но обычай одержал верх над волею императора, и город сохранил свое прежнее название.

госостоянию, но и усилить общественные сношения. Действительно, положение города так выгодно, число иностранцев, собирающихся в нем, так велико, торговля его так обширна, что туда стекаются и люди, и произведения со всех концов света. Все, что производит богатый Восток, благоуханная Аравия, нежная Ассирия, плодородная Африка, прекрасная Испания и храбрая Галлия, — все находится там в таком изобилии, что вещи, удивляющие своим великолепием другие части света, в Арле считаются обыкновенными продуктами. Притом соединение Роны с Тосканским морем сближает и делает почти соседними страны, прорезываемые первою и омываемые вторым. Таким образом, весь мир приносит этому городу все, что в нем есть драгоценнейшего; произведения, свойственные каждой отдельной стране, перевозятся туда сухим путем, морем, реками, с помощью парусов, весел, повозок; неужели же наша Галлия не увидит благодеяния в данном нами повелении созывать общественное собрание в недрах этого города, где благостию Божиею словно соединены все наслаждения жизни и все удобства торговли?

Уже славный префект Петроний⁴, с похвальною и вполне разумною целью, повелел соблюдать это обыкновение; но так как исполнение его было прервано смутами и владычеством узурпаторов, то мы решили силою нашей мудрости восстановить действие его. Итак, дорогой и многолюбивый родственник наш Агрикола, сообразуясь с настоящим нашим повелением и с обычаем, установленным твоими предшественниками, будет наблюдать за исполнением в провинциях следующих распоряжений: всем лицам, удостоенным общественных должностей или владеющим землями, а также всем провинциальным судьям следует объявить, что они должны ежегодно собираться для совещания в город Арль, в промежуток между идами⁵ августа и идами сентября; день открытия собрания и дни заседаний могут быть назначаемы по доброй воле.

Новемпопулания и вторая Аквитания, как отдаленнейшие провин-

⁴ Петроний был галльским префектом между 402-408 гг.

⁵ Идами назывались у римлян пятнадцатые числа месяцев.

ции, в случае, если судьи их задержаны нетерпящими отлагательства делами, могут присылать вместо них депутатов, согласно обычаю. Неявившиеся в назначенное место и в определенное время платят пеню, судьи — в пять фунтов золота, а члены курии⁶ и другие сановники — в три фунта. Этою мерою мы надеемся даровать жителям наших провинций большие выгоды и большие милости. Мы уверены также, что содействуем украшению города Арля, верности которого — по словам нашего брата и сотоварища⁷ — мы многим обязаны.

Дано XV майским календ. Получено в Арле X июньских календ⁸.

Провинции и города, однако, отказывались от этого благодеяния; никто не хотел избирать депутатов, никто не хотел ехать в Арль; централизация, единство были противны первобытному характеру этого общества, повсюду обнаруживался еще дух обособленности и муниципальности; невозможность установить единое общество, единое отечество была очевидна. Города были заключаемы в своих стенах, занимались только своими собственными делами, и империя пала, потому что никто не хотел принадлежать империи, потому что каждый гражданин хотел только принадлежать своему городу. Таким образом, в эпоху падения Римской империи мы встречаем тот самый факт, который заметили при возникновении Рима — преобладание муниципального устройства и муниципальной обособленности. Римский мир возвратился к своему первобытному состоянию: он создан из городов; он разрушился — остались города, муниципальное устройство — вот что завещала современной Европе древняя римская

⁶ Куриями назывались муниципальные советы римских городов; куриалами — члены этих советов.

⁷ Константин, второй муж Платидии, которого Гонорий взял в сотоварищи в 421 г.

⁸ Календами назывались у римлян первые числа месяцев. В конце месяца, после ид, дни обозначались календами.

цивилизация; устройство весьма неправильное, расшатанное, во многом уступавшее тому, чем оно было в прежние времена, но все же единственно уцелевшее ото всех других элементов римского мира.

Употребив выражение «единственно уцелевшее», я ошибся. Наравне с муниципальным устройством сохранился другой факт, другая идея; это — идея империи, имя императора, идея императорского величества и абсолютной священной власти, связанной с этим именем. Вот элементы, которые римская цивилизация передала европейской: с одной стороны, муниципальное устройство, его образцы, его обычаи и уставы — это начала свободы; с другой — общее гражданское законодательство и идея неограниченной власти, священного величества, императорского могущества — это начала порядка и безусловного подчинения.

Но в то же самое время в недрах римского общества возникло другое общество, основанное на совершенно иных началах, одушевленное другими чувствами, — общество, которое должно было внести в европейскую цивилизацию элементы совершенно иного свойства, — я говорю о христианской церкви.

Я говорю «христианская церковь», а не «христианство». В конце IV и в начале V века христианство не составляло уже просто личного верования; оно было уже учреждением, получило определенное устройство, имело свое управление, свое духовное сословие, свою иерархию, определенную различными функциями духовенства, свои доходы, независимые средства к деятельности, свои сборные пункты, свои национальные, провинциальные, Вселенские соборы; оно уже привыкло разбирать миром дела общества. Одним словом, христианство в эту эпоху было не только религиею, но и церковью.

Если бы оно не было церковью, то я не знаю, какая участь постигла бы его в эпоху распада Римской империи. Я ограничиваюсь чисто человеческими соображениями, отстраняя все то, что не относится к естественным последствиям естест-

венных фактов: если бы христианство было, как в первые времена свои, только личным верованием, чувством, убеждением, то можно предполагать, что оно не устояло при распадении империи и вторжении варваров, как не устояло впоследствии в Азии и по всему северу Африки при подобном же вторжении варваров-мусульман; оно погибло, хотя уже достигло там церковной организации. Тем более могло это иметь место в эпоху падения Римской империи. В то время не существовало ни одного из тех средств, которыми теперь, независимо от учреждений, утверждаются и сохраняются нравственные влияния, ни одного из тех средств, которыми чистая истина, чистая идея приобретают прочную власть над умами, управляют поступками, определяют события. В IV веке не существовало ничего подобного: идеи, личные вождения не могли получить подобное значение. Для борьбы с таким разрушением, для победы над таким ураганом необходимо было общество прочно организованное, управляемое сильною рукою. Можно сказать, без преувеличения, что в конце IV и начале V веков христианская церковь спасла христианство; церковь, с своими учреждениями, своею епархией чинов, своею властью, мощно сопротивлялась внутреннему распадению империи и варваризму; она покорила варваров и стала посредницею между ними и римским миром, связью, соединительным звеном, началом цивилизации в ту переходную эпоху. Для исследования вопроса о том, что было сделано христианством для современной цивилизации, какие элементы оно ввело в нее, необходимо, следовательно, обратиться к состоянию церкви в V веке, а не к состоянию религии в собственном смысле слова. Чем же в то время была христианская церковь?

Всматриваясь в перевороты, сопровождавшие развитие христианства от возникновения его до V столетия, рассматривая его — повторяю — исключительно как общество, а не как религиозное верование, мы находим, что оно прошло через три состояния, существенно различные между собою. Впер-

вые, в самые первые времена, христианское общество является простым соединением общих верований и чувств; первые христиане собираются для взаимного обмена одних и тех же религиозных чувств и убеждений. Нет еще ни догматизированного учения, ни свода узаконений, ни дисциплины, ни сословия духовных лиц. Конечно, нет общества, как бы молодо, как бы слабо оно ни было, которое не руководилось и не одушевлялось бы какою-нибудь нравственной силою. В различных христианских общинах были люди, которые проповедывали, поучали и нравственно управляли общиною; но не было ни определенных должностных лиц, общепризнанного порядка управления: простой союз общих верований и чувств — вот первоначальное состояние христианского общества. По мере того как оно развивалось, — а развивалось оно быстро, потому что следы его видны уже в самых первых памятниках, — само учение стало кодифицироваться, постепенно установились правила дисциплины, появилась иерархия должностных лиц, из которых одни назывались пресвитерами, старейшинами, которые впоследствии стали священниками; другие — епископами, надсмотрщиками, наблюдателями, впоследствии — епископы в смысле высших сановников церкви; наконец, третьи — диаконами, на которых возложено было попечение о бедных и о раздаче милостыни. Почти невозможно с точностью определить, в чем состояли обязанности этих должностных лиц; определенных границ между их функциями, вероятно, и не было; но начало иерархии и церковной организации было положено. Эта вторая эпоха отличается тем не менее еще следующим характерным признаком: власть, преобладание в обществе принадлежит всей общине верующих. Они имеют перевес как при избрании должностных лиц, так и при установлении нового порядка управления и даже новых догматов. Между духовною властью и народом в христианском обществе еще нет разделения; они не существуют еще отдельно, независи-

мо друг от друга, и преобладающее влияние в обществе принадлежит еще всему христианскому населению.

Третья эпоха представляет уже нечто совершенно иное. Является духовенство, отделенное от народа, сословие священнослужителей, у которого свои средства, свой устав, своя особенная организация, одним словом, настоящее правительство, составляющее само по себе целое общество, снабженное всеми средствами к независимому существованию, независимому от того общества, на которое оно действует и на которое распространяет свое влияние. Такова третья эпоха в истории христианской церкви, таково состояние, в котором она является в начале V века. Церковное правительство еще не вполне отделено от народа, — подобное полное отделение и невозможно, в особенности в религиозном обществе, — но во взаимных отношениях духовенства и верующих духовенство господствует и господствует почти безотчетно.

Сверх того, христианское духовенство обладало еще совершенно другим средством влияния. Епископы и вообще духовные лица сделались главными муниципальными сановниками. Мы видели, что, собственно говоря, от Римской империи осталось одно только муниципальное устройство. Между тем, вследствие притеснений деспотизма и упадка городов, куриалы или члены муниципальных организаций впали в уныние и апатию, а епископы и все вообще христианские священнослужители, исполненные жизни и рвения, сами собою вызвались наблюдать за всем, руководить всем. Несправедливо было бы упрекать их за это, обвинять в узурпации власти: таков был естественный ход событий. Одно только духовенство было исполнено нравственной силы и жизни, — оно всюду сделалось всемогущим.

Этот переворот отразился на всем законодательстве императоров того времени. Раскрыв кодексы Феодосия или Юстиниана, вы найдете множество распоряжений, которыми муниципальные дела передаются в заведывание духовенства и епископов. Вот некоторые из них:

Код. Юст. I, 1, tt. IV, De episcopali audientia, 26. «Что касается до текущих дел городов (будет ли то касаться обыкновенных городских доходов или городских капиталов, подаренных или завещанных частными лицами, или образовавшихся из какого-либо другого источника, — будут ли рассматриваться вопросы об общественных работах, провиантских магазинах, водопроводах, о содержании бань, пристаней, о постройке стен, башен, о возобновлении мостов и дорог, о тяжбах, с которыми могут быть связаны общественные или частные интересы города, то мы повелеваем следующее: благочестивейший епископ и три человека с добрым именем, из первых людей города, соединятся и будут ежегодно осматривать произведенные работы; они будут заботиться, чтобы лица, которые руководят или руководили работами, измеряли бы их со всею точностью, отдавали бы в них отчет и доказывали бы, что они удовлетворительно исполнили свои обязательства в отношении к администрации как по предмету общественных сооружений, так и сумм, назначенных на припасы и бани, или расходов на содержание дорог, водопроводов и проч.».

Там же. 30. «В отношении попечительства над молодыми людьми первого или второго возраста и над всеми теми, кому закон дает попечителей, если их состояние не превышает 500 золотых (aurei), мы повелеваем, чтобы не было ожидаемо разрешения президента провинции, потому что это повело бы к значительным издержкам, особенно когда президент не живет в том городе, где должно быть учреждено попечительство. В этих случаях определение попечителей или опекунов должно зависеть от правителя города... по соглашению с благочестивейшим епископом и другими лицами, облеченными общественными должностями, если в городе их несколько».

Там же, I, 1, tt. V, De defensoribus, 8. «Мы желаем, чтобы защитники городов, хорошо знакомые с святыми тайнами православной веры, избирались и утверждались почтенными епископами, священнослужителями, знатнейшими лицами, собственниками и куриалами. Что касается до введения их в должность, то для этого должно обращаться

к славному могуществу префекта претории, дабы власть их почерпала в его санкции более твердости и силы».

Я мог бы указать много других подобных этим законов; вы везде увидели бы тот факт, что между муниципальным устройством Древнего Рима и Средних веков лежит церковное муниципальное устройство. Преобладание духовенства в городских делах заменило влияние древних муниципальных властей и предшествовало организации новейших общин.

Понятно, до какой степени увеличение власти христианской церкви содействовало, с одной стороны, самое внутреннее устройство ее, влияние ее на христианское народонаселение, а с другой стороны, участие ее в гражданских делах. Вследствие этого она с тех пор и влияла так сильно на характер и развитие современной цивилизации. Попытаемся сделать обзор тем элементам, которые она внесла в эту цивилизацию.

Прежде всего нельзя не признать огромным преимуществом присутствия нравственного влияния, нравственной силы, основанной единственно на убеждениях, верованиях и чувствах, среди преобладания грубой силы, тяготевшего в то время над обществом. Не будь христианской церкви, весь мир подпал бы чисто материальной силе. Одна церковь обладала силою нравственною. Она поддерживала идею нравственного режима, закона, стоящего выше всех человеческих законов; она проповедывала то необходимое для блага человечества верование, что над всеми человеческими законами стоит закон, который, смотря по времени и нравам, называется то разумом, то божественным правом, но который везде и всегда под разными именами остается одним и тем же законом.

Наконец, церковь положила начало великому делу разделения властей духовной и светской. Это разделение есть источник свободы совести; оно исходит из того же начала, которое служит основанием свободы совести в самом строгом и обширном смысле слова. Разделение властей основано на той идее,

что материальная сила не имеет ни права, ни влияния на умы, убеждения, истину. Оно прямо вытекает из различия, установившегося между миром мысли и миром действия, миром внутренних и миром внешних фактов. Таким образом принцип свободы совести, за который Европа так долго боролась, столько страдала, который так поздно восторжествовал, часто вопреки воле духовенства, — этот принцип под именем отделения светской власти от духовной существовал в самой колыбели европейской цивилизации; он был введен в нее и поддерживался христианскою церковью, вынужденною к тому своим тогдашним положением, необходимостью защищаться против варварства. Установление нравственного влияния, поддержание божественного закона и отделение светской власти от духовной — вот три великих благодеяния, которые христианская церковь оказала в V веке европейскому миру.

Но и тогда уже не все стороны влияния церкви были одинаково благотворны для общества. Уже и в V веке проявляются в церкви некоторые дурные начала, игравшие большую роль в развитии нашей цивилизации. Так, в недрах ее уже в то время начинало преобладать отделение правителей от управляемых, стремление сделать первых независимыми от последних, предписывать управляемым законы, овладеть их умами и жизнью, игнорируя требования свободного разума и свободной воли. Кроме того, церковь старалась утвердить во всем обществе теократическое начало, присвоить себе светскую власть, исключительное господство. Не достигая в этом успеха, она соединилась со светскими властителями и поддерживала, в ущерб свободе подданных, абсолютную власть для того, чтобы получить участие в ней.

Таковы главные элементы цивилизации, доставшиеся Европе в начале V столетия как от церкви, так и от империи. В таком положении нашли варвары римский мир, когда они завладели им. Следовательно, для ближайшего знакомства со всеми элементами, соединившимися и смешавшимися в колыбели на-

шей цивилизации, нам остается только изучить самих варваров. Конечно, нам нет никакой надобности излагать здесь историю варваров. Мы знаем, что в ту эпоху завоеватели империи происходили почти все из одного и того же племени — германского, за исключением нескольких славянских народов. Кроме того, мы знаем, что все они стояли почти на одной и той же степени цивилизации. Между ними могло быть некоторое различие, смотря по тому, часто ли они находились в соприкосновении с римским миром. Так, например, нет сомнения, что племя готов было более развито, отличалось более мягкими нравами, чем племя франков. Но различия эти, рассматриваемые с общей точки зрения, не имеют никакого значения.

Нам важно знать в общих чертах состояние общественного быта у варваров, но в настоящее время весьма трудно дать себе отчет в этом состоянии. Мы довольно легко понимаем римскую муниципальную систему и христианскую церковь; их влияние сохранилось и донныне; мы находим следы его во множестве современных учреждений и явлений, в наших руках тысяча средств распознать и объяснить их. Нравы же и общественный быт варваров почти совершенно исчезли, мы принуждены угадывать их по древнейшим историческим памятникам или же усилиями нашего воображения.

Чтобы составить себе истинное представление о варваре, необходимо прежде всего вполне уразуметь следующие факты: наслаждение личною независимостью, удовольствие самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всех превратностей мира и жизни; прелесть деятельной жизни без труда, стремление к жизни, исполненной приключений, неожиданностей, перемен, опасностей, — таково чувство, преобладающее в варварах, такова нравственная потребность, приводившая в движение эти массы людей. В настоящее время замкнутому среди нашего благоустроенного общества человеку трудно представить себе ту мощь, с какою это чувство действовало на варваров IV и V веков. В одном толь-

ко сочинении можно найти правильную оценку его со всеми проистекающими от него результатами, это — в «*Истории завоевания Англии норманнами*» Тьерри — единственная книга, в которой побуждения, склонности, стремления, действующие в людях, общественный быт которых близок к варварству, прочувствованы и воспроизведены с истинно гомерической верностью. Нигде вы не увидите с такую ясностью, что такое варвар и что такое жизнь варваров. Нечто подобное можно найти и в романах Купера, заимствованных из быта американских дикарей, хотя, по моему мнению, они в этом отношении гораздо ниже сочинения Тьерри, — в них меньше простоты и истины. В жизни американских дикарей, в их взаимных сношениях, в чувствах, владеющих ими, есть что-то напоминающее в известной степени нравы древних германцев. Без сомнения, картины в указанных мною сочинениях несколько идеализированы, несколько поэтичны, дурная сторона жизни варваров и их нравов изображена недостаточно резко. Я говорю не только о зле, которое причиняют эти нравы в общественном быте, но и о внутреннем, личном состоянии самого варвара. Труд Тьерри не может дать полного понятия о всей грубости, материальности, заключающейся в страстном стремлении варвара к личной независимости, о зверских инстинктах его, о его апатии, о его безудержности. Однако, вдумываясь в самую сущность дела, мы убеждаемся, что страсть к личной независимости, несмотря на всю примесь грубости, материализма, необузданного эгоизма, есть само по себе благородное чувство, почерпающее свою силу из нравственной природы человека: это — удовольствие сознавать себя человеком, это — чувство личности, самостоятельности человеческой в свободном ее развитии.

Вот это именно чувство и было внесено варварами в европейскую цивилизацию; оно не было известно ни римскому миру, ни христианской церкви, ни большей части древних цивилизаций. Если вы и находите в древних цивилизациях

свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Там человек заботится не о личной, но о гражданской своей свободе; он принадлежит к известному обществу, посвятил себя ему, готов пожертвовать ему собою. То же самое было и в христианской церкви: и там господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности к христианской общине, преданности ее законам, живая потребность расширить ее владычество; или же религиозное чувство вызывало сильную реакцию человека против самого себя, своей души, внутреннее стремление ограничить свою свободу и подчиниться требованиям веры; но повторяю — чувство личной независимости, стремление к свободе, развивающееся бессознательно, единственно с целью найти себе удовлетворение, не было знакомо ни римскому, ни христианскому обществам. Оно было внесено и положено в колыбель европейской цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль и принесло столь благие результаты, что нельзя не выставить его на вид как один из основных элементов ее.

Есть еще один факт — второй элемент цивилизации, точно так же унаследованный нами собственно от варваров — это военное патронатство, т. е. связь, которая устанавливалась между соплеменниками, между воинами, и которая, не уничтожая свободы каждого отдельного лица, не уничтожая даже первоначально существовавшего между всеми равенства, вводила, однако, иерархическую подчиненность и положила основание аристократической организации, обратившейся впоследствии в феодальную систему. Отличительной чертой этих отношений была привязанность человека к человеку, взаимная преданность их, без всякого внешнего понуждения, без всякого обязательства, основанного на главных началах общественного быта. В древних республиках вы не увидите ни одного человека исключительно и добровольно преданного другому: все одинаково преданы городу. У варваров общественная связь установилась между отдельными лицами, сначала вследствие

отношений начальника дружины к членам ее, в то время, когда варвары еще нестройными толпами скитались по Европе, а позже — вследствие отношений сюзерена к вассалу. Этот второй принцип, тоже игравший значительную роль в истории европейской цивилизации, — эта преданность человека человеку, — заимствован нами у варваров; из их нравов он проник в наши нравы.

Не следует ли из всего этого, что современная цивилизация в самой колыбели своей действительно была так бурна, так разнообразна, многосложна, как я старался обрисовать ее в представленной мною общей картине? Не встречаются ли уже в эпоху падения Римской империи почти все зачатки, которые проявляются в прогрессивном развитии нашей цивилизации?

Мы нашли в распадающейся Римской империи три совершенно различные общества: муниципальное — последний остаток самой империи, христианское и варварское. Эти общества, различно организованные, учрежденные на различных началах, внушают человеку самые разнообразные чувства: потребность безусловной независимости существуют рядом с полным подчинением, военный патронат рядом с господством церкви, духовная власть рядом со светскою, постановления церкви, ученое законодательство римлян — рядом с обычным правом или, вернее, бесправием варваров. Повсюду смесь или, лучше сказать, смешение самых разнообразных племен, языков, общественных учреждений, нравов, идей и впечатлений. В этом, я полагаю, заключается очевидное доказательство верности того мнения, которое я высказал об общем характере нашей цивилизации.

Без сомнения, это смешение, разнообразие, эта борьба стоили нам очень дорого: отсюда медленность прогресса Европы, отсюда все бури и бедствия, которым она подверглась. Однако я не думаю, чтобы следовало сожалеть об этом. Для народов, как и для отдельных лиц, надежда на самое разнооб-

разное, самое полное развитие, на самый всесторонний, почти беспредельный прогресс, — одна эта надежда вознаграждает за все то, что может стоить право питать ее. Вообще говоря, это насильственное, бурное, тяжелое состояние имело большое преимущество перед простотою, которою отличались другие цивилизации; человеческий род выиграл от него больше, чем пострадал.

Итак, мы ознакомились теперь в общих чертах с тем состоянием, в котором оставила мир Римская империя: мы ознакомились с различными элементами, волнующимися и соединяющимися между собою, чтобы вызвать к жизни европейскую цивилизацию. Отныне они будут развиваться перед нашими глазами. В следующей лекции я постараюсь выяснить, какая участь постигла эти элементы, и что они произвели в эпоху, обыкновенно называемую варварскою, т. е. в эпоху Великого переселения народов.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Притязание различных систем на законность. – Что такое политическая законность? – Совместное существование всех образов правления в V веке. – Непрочность положения лиц, собственности и учреждений. – Две причины ее: одна внешняя – продолжавшееся нашествие варваров, другая – нравственная – эгоистическое чувство индивидуальности, свойственное варварам. – Началами цивилизации были: потребность порядка, предания Римской империи, христианская церковь, варвары. – Попытки организации, сделанные варварами, городами, христианскою церковью, Карлом Великим, Альфредом. – Прекращение нашествий германцев и арабов. – Начало феодального строя.

Мы выяснили основные элементы европейской цивилизации в том виде, в каком они представляются в самой ее колыбели, в эпоху падения Римской империи. Я старался выяснить, как сильно было их различие, их постоянная борьба, каким образом ни один из них не достиг преобладания в общественном строе, по крайней мере, не достиг его в такой мере, чтобы подчинить себе все другие элементы или вытеснить их. Мы видели, что в этом заключается отличительный характер европейской цивилизации. Теперь мы приступаем к изучению первоначальной ее истории, к изучению тех веков, которые принято называть варварскими.

Уже при самом поверхностном обозрении этой эпохи, бросается в глаза факт, состоящий, по-видимому, в противоречии с тем, что высказано нами в предыдущей лекции. Исследуя понятия, установившиеся относительно зачатков об-

щественного строя Европы, вы тотчас же заметите, что все разнообразные элементы нашей цивилизации, все принципы: монархический, теократический, аристократический, демократический, — претендуют на то, что европейское общество первоначально подчинялось исключительному господству каждого из них и что каждый же из них лишился своего господства только вследствие насилия других, противоположных принципов. Изучая все, что было писано и высказано по этому предмету, мы убедимся, что каждая из систем, с помощью которых старались характеризовать или объяснить первобытное состояние Европы, отстаивает исключительное преобладание того или другого элемента европейской цивилизации.

Таким образом, существует школа феодальных публицистов, из которых самый известный, Буленвиллье, утверждает, что после падения Римской империи вся власть, все права перешли к завоевателям, из которых впоследствии образовалось дворянство, что общество подчинялось господству дворянства, что господство это было разрушено королями и народом, что аристократическая организация есть истинная, первоначальная форма общественного устройства Европы.

Наряду с этой школой вы найдете школу монархических публицистов, аббата Дюбо, например, которые утверждают, что европейское общество было подчинено господству королевской власти. Германские короли, говорят они, наследовали все права римских императоров; короли эти были даже призваны древними народами, между прочим, галлами; они одни господствовали законно, и всякое преобладание аристократии было только насильственным посягательством на преобладание монархии.

Третья школа — школа публицистов-либералов, республиканцев, демократов, назовите их как угодно. По мнению аббата де Мабли, управление обществом, уже начиная с V века, принадлежало свободным учреждениям, собранию свобод-

ных людей, народу, в собственном смысле этого слова; дворяне и короли обогатились за счет первоначальной свободы; она пала под их ударами, но царила до них.

И над всеми этими притязаниями: монархическими, аристократическими, народными – возвышается теократическое притязание церкви, утверждающей, что общество принадлежало ей в силу самого ее назначения, в силу ее божественного призвания, в силу того, что она одна имела право управлять им, одна была законною царицею европейского мира, ее усилиями покоренного цивилизации и истине.

Вот в каком положении мы находимся.

Нам казалось, что в истории европейской цивилизации ни один из ее элементов не пользовался исключительным преобладанием, что все они существовали в состоянии постоянного смешения, борьбы, взаимных уступок; а между тем с первого же шага мы встречаем прямо противоположное мнение, по которому в самой колыбели нашей, в недрах варварской Европы, обществом владел тот или другой элемент цивилизации. И не только в одной какой-либо, но во всех странах Европы различные принципы нашей цивилизации в разные эпохи и в различных формах заявляли такие несогласимые между собою притязания. Исторические школы очерченные нами встречаются повсюду.

Факт этот важен не сам по себе, но потому, что он ведет к открытию других фактов, играющих серьезную роль в нашей истории. Во всей этой совокупности самых противоположных притязаний на исключительное обладание Европою еще в младенчестве ее обнаруживаются два главных факта: во-первых, идея политической законности, идея, игравшая важную роль в развитии европейской цивилизации; во-вторых, особенный, истинный характер варварской Европы в ту эпоху, изучением которой мы займемся в этой лекции.

Постараюсь осветить эти факты, извлечь их один за другим из описанной мною борьбы разнородных притязаний.

К чему стремятся различные элементы европейской цивилизации — теократический, монархический, аристократический, народный, — доказывая, что они первые обладали европейским обществом?

Без сомнения, каждый из них стремится прослыть единственно законным. Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти. И заметьте, прошу вас, что притязание на законность принадлежит не одной какой-либо системе, не одному какому-либо элементу нашей цивилизации, но всем. В наше время идею подобной законности обыкновенно усматривают в одной только монархической системе. Это ошибочно — она встречается во всех системах. Все элементы нашей цивилизации, как было показано нами, одинаково хотели присвоить ее себе. Обратитесь к более отдаленным временам истории Европы, вы увидите характер законности в самых разнообразных формах общественного устройства. Итальянские или швейцарские аристократии и демократии, Сен-Маренская республика и самые обширные европейские монархии признавали себя и были признаваемы законными; и те и другие основанием своих притязаний на законность приводили давность своих учреждений, историческое старшинство и непрерывность своей системы управления. Оставим Европу, обратившись к другим временам и странам, вы всюду встретите ту же самую идею политической законности; повсюду она сопряжена с известною формою правительственной власти, с известным учреждением, догматом, принципом. Нет страны, в которой в любую эпоху какая-либо часть общественной системы, общественной власти не присвоила себе и не упрочивала за собою этого начала законности, вытекающего из давности и продолжительности существования.

Что же это за начало? Какие его элементы? Что оно означает? Каким образом оно вошло в европейскую цивилизацию?

При возникновении всякой власти — всякой без различия — мы непременно встречаем силу. Я не говорю, чтобы все власти утверждались одною только силою и устанавливались не имея никаких на то прав, кроме силы. Каждая власть очевидно нуждается еще в чем-то другом. Власть устанавливается вследствие известных общественных потребностей, известного отношения к состоянию общества, к его правам и убеждениям. Но нельзя не признать, что сила оскверняла колыбель всех властей этого мира, какого бы они ни были рода и характера.

Никто, однако, не хочет признать за общественную власть такого происхождения, его отвергают все без исключения; ни одна из общественных властей не хочет считать себя произведением силы. Непреодолимый инстинкт внушает правительству, что сила не есть основа права и что, происходя от одной только силы, они никогда не могли бы заимствовать от нее свои права. Вот почему каждая система восклицает: «Я старше всех, я существовала ранее прочих и на основании иных начал; общество принадлежало мне еще раньше того состояния насилия и борьбы, в котором вы меня встречаете; законность была на моей стороне, но меня насильственно лишили моих прав».

Один этот факт уже доказывает, что сила не есть основание политической законности, утверждающейся на совершенно ином начале. Что означает, в самом деле, такое формальное отрицание силы всеми системами? Оно означает, что есть другая законность, настоящий источник всех остальных: законность разума, справедливости, права; с нею все системы по необходимости хотят связать свое происхождение. Не желая признавать своею колыбелью грубую силу, они присваивают себе во имя давности другие, совершенно различные между собою права. Таким образом отличительный характер политической законности есть отрицание силы как источника власти, стремление соединиться с нравственной идеею, с нравственною силою, с идеею права, справедливости, разу-

ма. Вот основной элемент, из которого постепенно развился принцип политической законности.

Процесс этого развития был следующий: сила господствует при возникновении всякого правительства, всякого общества, но время идет и время изменяет продукт силы, исправляет его уже тем одним, что общество продолжает существовать и что оно состоит из людей. Человек носит в самом себе некоторые идеи порядка, справедливости, разумности и некоторую потребность дать им преобладание, ввести их в окружающие явления; он непрерывно трудится над этим, и если общественный быт, среди которого он живет, не разрушается, то труд его не пропадает даром. Человек, являясь орудием Провидения, вносит разум, нравственность, законность в окружающий его мир.

Независимо от человеческого труда, нельзя не признать существования божественного закона, сходного с тем, который управляет материальным миром; на основании этого закона существование общества невозможно без известной меры порядка, разумности и справедливости. Из самого факта существования общества можно заключить, что оно не вполне лишено того элемента разумности, истины, справедливости, который один дает жизнь обществам. Если, вдобавок, общество развивается, становится сильнее, могущественнее, если условия общественной жизни с каждым днем прививаются все большему и большему числу людей, — то это значит, что в общество вводится постепенно все более и более разумности, справедливости, права, и что все общественные явления мало-помалу начинают сообразовываться с требованиями истинной законности.

Таким образом идея политической законности проникает в мир, в умы людей. Основанием, первоначальным источником ее служит — по крайней мере в известной степени — нравственная законность, справедливость, разумность, истина; потом она утверждается временем; человек приучается созна-

вать, что право руководить общественными явлениями, что истинная законность введена во внешний мир. В изучаемую нами эпоху вы увидите силу и ложь, парящими над колыбелью королевской власти, аристократии, демократии, даже самой церкви, — и всюду вы увидите, как сила и ложь преобразовываются могучим воздействием времени, как право и истина завоевывают себе место в цивилизации. Вот это-то проникновение права и истины в общественный строй и выработало мало-помалу идею политической законности, этим именно путем она и установилась в современной цивилизации.

Когда таким образом идею законности в различные эпохи пытались превратить в знамя абсолютной власти, то всегда искажали ее истинное происхождение. Она не исключительна, не принадлежит никому в особенности и рождается всюду, где только развивается право. Политическая законность соединяется с свободой точно так же, как и с силой, с правами личными, как и с условиями, при которых действует общественная власть. Мы найдем эту идею в самых противоположных общественных устройствах: в феодальной системе, в общинах Фландрии и Германии, в итальянских республиках, в монархиях. Приступая к изучению европейской цивилизации, мы необходимо должны были вполне усвоить себе это свойство, общее всем ее элементам.

Второй факт, ясно обнаруживающийся из совокупности притязаний, о которых я говорил в начале этой лекции, это истинный характер эпохи, которую обыкновенно называют варварскою. Каждый из элементов европейской цивилизации претендует, что он владел в эту эпоху Европою; отсюда ясно, что ни одному из них не принадлежало в ней исключительное господство. Не нужно больших усилий, чтобы заметить преобладание какой-нибудь формы общественного устройства. До X столетия мы без колебания признаем господство феодализма; столь же решительно мы можем утверждать, что в XVII веке преобладающим принципом был принцип мо-

нархический; изучая фландрские общины и итальянские республики, мы тотчас же провозгласим господство демократического принципа. Если в обществе действительно господствует какое-нибудь начало, то оно ни в каком случае не может остаться незамеченным. Спор, возникающий между различными элементами европейской цивилизации о том, которому из них принадлежал перевес при самом зарождении ее, доказывает, что все они существовали единовременно и что ни один из них не преобладал настолько, чтобы придать обществу свою форму, свое имя.

Таков в действительности характер варварской эпохи. Этот хаос всех элементов, младенчество всех систем, всеобщий беспорядок, среди которого самая борьба не отличалась ни систематичностью, ни постоянством. Рассматривая общественный быт этой эпохи со всех сторон, я мог бы показать вам, что в нем не представляется ни одного факта, ни одного принципа, сколько-нибудь установившегося. Я ограничусь двумя главными пунктами: состоянием человека и состоянием учреждений; этого будет достаточно, чтобы набросать картину всего общества.

В рассматриваемую эпоху встречается четыре класса людей: 1) свободные люди, т. е. те, которые не знали над собою никакого начальника или патрона, которые с полной свободой распоряжались собою и своим имуществом, не имея никаких обязательных отношений к другому человеку; 2) ленники, верные, анструстионы и др., связанные сначала отношениями дружинника к предводителю, затем отношениями вассала к сюзерену, т. е. к человеку, которому они обязаны были службою взамен уступленных им земель или какого-либо другого дара; 3) вольноотпущенники; 4) рабы.

Были ли эти классы резко разграничены между собою? Люди, однажды вступившие в один из них, оставались ли в нем всегда? Взаимные отношения различных классов были ли хотя сколько-нибудь правильны, постоянны? Ничуть. Вы беспре-

станно видите, как свободные люди оставляют свое положение, поступают к кому-нибудь на службу, получают какой-либо дар и переходят в класс ленников, а иные нисходят даже до степени рабов. С другой стороны, ленники стараются освободиться от своего патрона, сделаться независимыми и возвратиться в класс людей свободных. Повсюду движение, непрерывный переход из одного сословия в другое, общее замешательство, непрочность во взаимных отношениях общественных сословий. Ни один человек не остается в одном и том же положении, ни одно положение не остается неизменным.

То же самое относится к собственности. Вы знаете, что в то время существовала собственность аллодиальная, или вполне свободная, и собственность бенефициальная, или обремененная известными обязательствами в отношении к высшему лицу; вам известны объяснения, с помощью которых пытались подвести под точную и определенную систему собственность второго рода: утверждали, что сначала бенефиции давались на определенное число лет, потом пожизненно, и что наконец они сделались наследственными. Тщетные попытки: все эти способы владения существовали одновременно, друг подле друга; в одно и то же время встречаются бенефиции срочные, пожизненные, наследственные; одна и та же земля в несколько лет проходит через все эти различные состояния. В положении земель такое же отсутствие единства и прочности, как и в положении людей. Повсюду чувствуется трудный переход от бродячей жизни к оседлой, от личных отношений к вещественным, т. е. сложным личным и имущественным отношениям; в этом переходном периоде все смутно, индивидуально, беспорядочно.

В учреждениях та же неустойчивость, тот же хаос. Три системы учреждений существуют друг подле друга: королевская власть, аристократические учреждения, или взаимный патронат людей и земель, и свободные учреждения, т. е. совещательные собрания свободных людей. Ни одна из этих систем

не владеет обществом, не преобладает над ним. Свободные учреждения существуют, но лица, имеющие право участвовать в собраниях, редко и неохотно собираются. Столь же беспорядочно отправление господского (сеньюорального) суда. Королевская власть — самое простое, легко определяемое учреждение — не имеет никакого определенного характера, оно представляет смешение принципов избирательного и наследственного: иногда сын наследует отцу, иногда избирается один из членов семейства, иногда, наконец, избирательный принцип проявляется в своем простейшем, чистом виде — посредством избрания какого-нибудь дальнего родственника или даже чужеземца. Ни в одной системе не найдете вы прочности определенности; все учреждения, все общественные положения существуют одновременно, беспрестанно смешиваются между собою и изменяют друг друга.

В государствах господствует та же подвижность: они создаются и уничтожаются, соединяются и разъединяются. Нет ни границ, ни правительств, ни народов. Повсеместное смешение положений, принципов, фактов, рас, языков — такова варварская Европа.

В каких же пределах заключена эта странная эпоха? Начало ее отмечено весьма ясно — оно совпадает с падением Римской империи. Но где она оканчивается? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, откуда проистекал такой общественный строй, в чем состояли причины варварства. Мне кажется, что главных причин было две: одна материальная, внешняя, заключающаяся в ходе событий; другая — нравственная, внутренняя, зависевшая от природы самого человека.

Материальная причина — это продолжение переселения народов. Не следует думать, что нашествие варваров прекратилось в V веке. Римская империя пала, и на ее развалинах основались варварские государства, но этим еще не окончилось движение варварских народов. Оно продолжалось еще долго после падения империи; доказательства очевидны.

Уже первая династия франкских королей вынуждена вести постоянную войну по ту сторону Рейна: Клотарь, Дагоберт беспрестанно предпринимают походы в Германию, борются с тюрингами, датчанами, саксами, занимавшими правый берег Рейна. Почему? Потому что все эти народы стремятся перейти через реку и захватить свою долю из остатков империи. Откуда происходят в то же время обширные вторжения в Италию франков, поселившихся в Галлии, особенно восточных франков? Они бросаются в Швейцарию, переходят Альпы, являются в Италии. Почему? Потому что с северо-востока их теснят иные народы. Походы их не простые набеги с целью грабежа — они вынуждены необходимостью; народ, тревожимый в своих владениях, идет искать счастья в другие страны. На арене исторического мира является новая германская нация и образует в Италии Лангобардское королевство. В Галлии переменяется франкская династия: Меровингам наследуют Карловинги; теперь признано, что эта перемена династии в сущности была не чем иным, как новым вторжением франков в Италию, движением народов, вследствие которого восточные франки вытеснили западных. Перемена совершилась; господствует вторая раса; Карл Великий действует против саксов точно так же, как Меровинги действовали против тюрингов: он в непрерывной войне с этими зарейнскими народами. Кто теснит их к нему навстречу? Оботриты, вильцы, сарабы, богемцы, все славянское племя, тяготеющее над германским и заставляющее его, в промежуток времени между VI и IX столетиями, отодвинуться далее на запад. Повсюду на северо-востоке движение народов продолжается и имеет решающее влияние на ход событий.

На юге обнаруживается движение такого же рода: появляются арабы. В то время, когда по течению Рейна и Дуная друг друга теснят германские и славянские народы, на берегах Средиземного моря начинаются набеги и завоевания арабов. Нашествие арабов носит совершенно своеобразный характер.

Оно соединяет в себе дух завоевания и дух прозелитизма. Нашествие предпринимается с двоякою целью: покорить территорию и распространить веру. Между этим движением и движением германцев весьма важное различие. В христианском мире духовная сила отделена от материальной. Потребностью религиозной пропаганды и жаждою завоеваний одушевлены там не одни и те же люди. Германцы, приняв крещение, сохранили свои нравы, чувства, наклонности; земные страсти и интересы продолжали господствовать в них; они сделались христианами, но не миссионерами. Арабы, напротив того, были в одно и то же время и завоевателями, и миссионерами; в одних и тех же руках соединялась у них сила меча и сила проповеди. Это обстоятельство впоследствии придало гибельное направление мусульманской цивилизации: тирания, нераздельная, по-видимому, с этою цивилизациею, произошла именно от единства властей духовной и светской, от слияния нравственного авторитета и материальной силы. В том же, я думаю, заключается и главная причина застоя, в который повсюду впадала мусульманская цивилизация. Но все эти результаты обнаружались не вдруг. Сначала вторжение арабов отличалось изумительною силою. Руководимые духовными страстями и идеями, оно началось с блеском и величием, чуждыми нашествию германцев, развилось с большою энергиею и энтузиазмом и произвело на умы несравненно более сильное впечатление.

Таково было в промежуток между V и IX столетиями положение Европы, теснимой с юга магометанами, с севера — германцами и славянами. Ясно, что противодействие такому двойному вторжению должно было поддерживать в европейской территории постоянный беспорядок. Народы беспрерывно меняли свое местопребывание, теснили, давили друг друга; не могло установиться ничего прочного; повсюду возобновлялась бродячая жизнь. Между различными государствами существовало, конечно, в этом отношении некоторое различие. В Германии хаос был больше, чем в остальной Европе, — Гер-

мания была центром движения, Франция волновалась больше, нежели Италия, но общество нигде не могло установиться, успокоиться: варварство продолжалось повсюду и по той же самой причине, которая положила ему начало.

Вот в чем состояла материальная причина тогдашнего положения Европы, причина, коренившаяся в самом ходе событий. Теперь перейдем к другой, не менее важной причине — причине нравственной, заключавшейся во внутренней природе человека.

Каковы бы ни были внешние события, мир создается преимущественно самим человеком; от его чувств, идей, нравственных и умственных склонностей зависит устройство и движение мира; от его внутреннего состояния зависит и состояние общества. При каких же условиях люди могут основать сколько-нибудь устойчивое, правильное общество? Они, очевидно, должны иметь известное число идей, которые по обширности своей соответствовали бы такому обществу, применялись бы к его потребностям и отношениям. Необходимо, кроме того, чтобы эти идеи были распространены среди большинства членов общества и чтобы они имели некоторую власть над их действиями и волею. Ясно, что если люди не имеют идей, выходящих за пределы их личного существования, если их умственный кругозор ограничивается только собственной личностью, если они преданы случайностям своих страстей и своей воли, если у них нет известного числа общих понятий и чувств, которые их соединяют, ясно, говорю я, что такие люди не могут образовать общество; каждое отдельное лицо будет причиной смут и раздоров в том союзе, в который оно вступило.

Там, где личность господствует почти безусловно, где человек соображается только с самим собою, где идеи его не простираются дальше его самого, он послушен только собственным страстям, там общество (т. е. общество сколько-нибудь обширное и устойчивое) невозможно. Таково было в рассмат-

риваемую нами эпоху нравственное состояние завоевателей Европы. В предыдущей беседе я заметил, что мы обязаны германцам могучим чувством личной свободы, индивидуальности человека. Но в состоянии крайней грубости и невежества чувство это есть не что иное, как эгоизм во всей зверской необузданности. В таком виде является оно у германцев от V до VIII века. Германец заботился только о своих собственных интересах, своих страстях, о своей воле; каким же образом мог бы он примениться к чему-нибудь, похожему на общество? Были попытки ввести германцев в общественную жизнь; они сами пытались вступить в нее, но тотчас же оставляли ее, вследствие своей непредусмотрительности, недостатка благоразумия или преобладания диких страстей. Стремление общества к образованию, к благоустройству постоянно встречало противодействие в самом человеке, в отсутствии нравственных условий общественного быта.

Таковы были два главных условия варварского состояния Европы. Пока они существовали, существовало и варварство; посмотрим, как и когда они прекратились. Усилия Европы были направлены к выходу из этого состояния. Желание оставаться в нем было бы противно природе человека, хотя бы его падение произошло и по собственной его вине. Как бы он ни был груб, невежествен, предан личным интересам и страстям, в нем есть голос, инстинкт, говорящий ему, что он создан для иной жизни, что он имеет иную силу, иное назначение. Среди беспорядка его преследует и мучит неодолимое влечение к порядку и прогрессу. Под игом самого слепого эгоизма его волнует потребность правосудия, мудрости, развития. Он чувствует в себе призвание преобразовать и внешний мир, и общество, и самого себя, не отдавая себе даже отчета в потребности, побуждающей его к тому. Варвары жаждали цивилизации, не будучи способны воспринять ее — скажем более — питая к ней ненависть, лишь только становилось ощутительным ее влияние.

Кроме того, уцелели еще довольно значительные обломки римской цивилизации. Имя империи, воспоминание об этом великом и славном обществе волновало людей, в особенности городских сенаторов, епископов, священников — всех тех, сан которых возник еще в римском мире. Между самими варварами или их предками многие были свидетелями величия империи, они служили в ее войсках, они покорили ее. Образ, имя римской цивилизации внушали им уважение; они чувствовали потребность подражать ей, воспроизвести ее, сохранить некоторые ее остатки. Вот еще причина, которая должна была выдвинуть их из описанного мною состояния варварства.

Была еще третья причина, ясно представляющаяся всякому: я говорю о христианской церкви. Церковь была благоустроенным обществом со своими принципами, правилами, своим порядком управления; она чувствовала пламенное стремление распространить свое влияние, завоевать своих завоевателей. Между христианами этой эпохи, в христианском духовенстве, были люди, размышлявшие о всех нравственных, политических вопросах, имевшие по всем предметам твердо установившиеся мнения, пламенные чувства, — люди исполненные желания распространить эти мнения и чувства, доставить им преобладание. Усилия, употребленные христианскою церковью в промежуток между V и X веками, чтобы приобрести влияние на внешний мир и устроить его по своему образцу, превосходят все то, что было сделано в этом направлении каким бы то ни было другим обществом. Изучая в частности историю церкви, мы увидим, как много она пыталась сделать. Она, так сказать, со всех сторон нападала на варварство, чтобы, господствуя над ним, цивилизовать его.

Наконец, четвертая причина цивилизации — причина, не подлежащая точной оценке, но тем не менее действительная, — это появление великих людей. Никто не может сказать, почему в известную эпоху является великий человек, и насколько он участвует в развитии мира, — это тайна провиде-

ния; но самый факт тем не менее существует. Есть люди, которых поражает и возмущает вид анархии или застоя в обществе, которые восстают всей душою против законности этого факта и чувствуют в себе непреодолимую потребность изменить его, внести в окружающий их мир некоторый порядок, нечто общее, правильное, прочное. Сила этих людей страшна, опасна, она часто обращается в тиранию, влечет за собою тысячи несправедливостей и заблуждений, потому что ее сопровождают человеческие слабости; но при всем том она велика и спасительна, потому что она приводит человеческий род в сильное движение, заставляет его сделать большой шаг вперед.

Эти различные причины, различные силы породили между V и IX столетиями различные попытки вывести европейское общество из состояния варварства.

Первая из них — и хотя она не имела важных последствий, но ее нельзя не отметить, потому что она исходила от самих варваров, — это кодификация варварских законов. Между VI и VII веками почти все законы варварских народов были облечены в письменную форму. До того времени это были лишь обычаи, которыми управлялись варвары до утверждения своего на развалинах Римской империи. Известны законы бургундцев, франков салических, франков рипуарских, вестготов, лангобардов, саксов, фризов, баварцев, алеманов и др. Это было, очевидно, началом цивилизации, попыткою подчинить общество власти общих и определенных принципов. Успех этой попытки не мог быть велик, потому что кодифицировались законы несуществовавшего уже общества, законы общественного быта варваров до водворения их на римской территории, — быта, предшествовавшего перемене бродячей жизни на оседлую, состояния кочующих воинов на состояние оседлых собственников. Кое-где встречаются, правда, статьи о землях покоренных варварами, об отношениях победителей к прежним владельцам страны; кое-где видны попытки определить некоторые явления новой общественной жизни; но боль-

шая часть законов относится к прежней жизни, к древнему состоянию германцев; они не были применимы к новому обществу и в развитии его не играли почти никакой роли.

В Италии и в Южной Галлии в то же время была сделана другая попытка. Римское общество сохранилось там лучше, чем в других странах; в городах было больше порядка и оживления. Цивилизация попыталась здесь подняться. Вглядываясь, например, в королевство остготов в Италии, при Теодорихе, мы видим, что даже под властью короля-варвара и варварской нации, муниципальное устройство не прекращалось и не оставалось без влияния на общий ход событий. Римское общество влияло на готов и до известной степени слилось с ними. Тот же самый факт наблюдается и в Южной Галлии. В начале VI столетия вестготский король Тулузы, Аларих, предпринял собрание римских законов и обнародовал для своих римских подданных кодекс под именем *Breviarium Aniani*.

Восстановить цивилизацию в Испании пыталась другая сила — сила церкви. Вместо древних германских собраний, собраний мужей, воинов, преобладающим собранием в Испании является толедский собор, и в нем, несмотря на присутствие многих светских лиц, первое место занимают епископы. Откройте закон вестготов — вы увидите, что это не варварский закон. Он, очевидно, составлен тогдашними философами — лицами духовного сословия. Он исполнен общих идей, теорий — и теорий, совершенно чуждых нравам варваров. Так, например, вы знаете, что варварское законодательство было законодательством личным, т. е. известный закон имел силу только для людей одного и того же племени. Римляне управлялись римским, франки — франкским законами. У каждого народа был свой закон, хотя бы они были подчинены одному правительству и жили на одной и той же территории. Вот что называется системой личного законодательства, в противоположность системе реального законодательства, в основе которого лежит территория. Между тем закон вестготов

не отличается характером личным: он основан на территории. Все жители Испании, римляне или вестготы, подчинены одному и тому же закону. Продолжайте изучение этого закона — вы встретите еще более ясные признаки философской идеи. У варваров человек имел определенную, зависевшую от положения его цену; варвар и римлянин, свободный человек и зависимый ценились различно, существовал тариф на жизнь каждого из них. В законах вестготов принят принцип равной цены всех людей пред законом. Вспомните систему судопроизводства: вместо очистительной присяги или судебного поединка, вы найдете систему доказательств посредством свидетелей, рациональное исследование дела, т. е. то, что имеет место в цивилизованном обществе. Одним словом, все вестготское законодательство носит на себе ученый, систематический, социальный характер. В нем чувствуется работа того же самого духовенства, которое преобладало на толедских соборах и имело такое могущественное влияние на туземное правительство. Итак, в Испании до вторжения арабов попытка восстановить цивилизацию исходила от теократии.

Во Франции та же попытка была результатом иной силы, она была делом великих людей, в особенности Карла Великого. Рассмотрите его правление с разных сторон, вы увидите, что его господствующею идеею была цивилизация народов. Возьмем сначала его войны; он постоянно в походах: на юге, на северо-востоке, на Эбро, на Эльбе, на Везере. Вы думаете, что эти походы предприняты были им произвольно, в силу одной только жажды завоеваний? Нисколько. Я не говорю, что Карл Великий отдавал себе полный, строгий отчет в своих действиях, чтобы в планах его было много дипломатии и стратегии, но он повиновался крайней необходимости, желанию подавить варварство. Все его царствование было занято противодействием двойственному вторжению: мусульман с юга, германцев и славян с севера. Таков воинственный характер царствования Карла; походы его против саксов не имеют иной причины,

иной цели. Переходя от войн к внутреннему управлению Карла Великого, вы различите и там попытку ввести порядок, единство в управлении всеми странами, ему принадлежащими.

Я не хочу употребить выражения *королевство* или *государство*, выражения эти слишком правильны, они возбуждают идею, далеко не соответствующую обществу, во главе которого стоял Карл. Несомненно только то, что, будучи властителем громадной территории, он возмущался при виде царившего в ней беспорядка, анархии и старался изменить это ужасное состояние. Средствами к тому служили прежде всего его *missi dominici*, которые он рассылал во все части территории с тем, чтобы они наблюдали за течением дел, исправляли замеченные недостатки и доносили ему о них; затем общие собрания, которые он созывал с гораздо большею настойчивостью, чем его предшественники; собирал он почти всех знаменитых мужей своей территории. Это не были настоящие свободные собрания, они не представляли ничего похожего на собрания народных представителей в современном значении этого слова. Карл Великий видел в них только средство знакомиться с текущими делами, вносить некоторую правильность в хаос, царивший среди народонаселения.

С какой бы точки зрения вы ни рассматривали царствование Карла Великого, вы постоянно встретите в нем одну и ту же отличительную черту: борьбу с варварством, стремление к цивилизации. Это видно из забот его об учреждении школ, из расположения его к ученым, из покровительства, которое он оказывал влиянию церкви и вообще всему, что, по его мнению, могло действовать или на все общество, или на единичного человека.

Подобная попытка была сделана несколько позже в Англии королем Альфредом.

Таким образом от V до IX столетия в различных пунктах Европы принимались различные, исчисленные мною выше меры для того, чтобы выйти из состояния варварства.

Но все это было безуспешно. Карл не мог основать свою обширную монархию и ту систему управления, которой он желал дать преобладание. В Испании церкви не удалось установить теократическое начало. В Италии и Южной Галлии римская цивилизация хотя несколько раз и пыталась подняться, но это удалось ей лишь гораздо позже, в конце X столетия. До того времени все попытки положить конец варварству оставались без успеха: предпринимавшие эти попытки предполагали людей более развитыми, нежели это было на самом деле, и стремились к установлению, под различными формами, общества более обширного и правильного, нежели то было возможно при тогдашнем распределении сил и состояний умов. Однако попытки эти все-таки не прошли бесследно: в начале X столетия не существовало более ни великой монархии Карла Великого, ни славных теледских соборов, но варварство тем не менее приблизилось к концу; Европа достигла двух важных результатов.

Во-первых, вторжения народов на севере и на юге были остановлены; государства, образовавшиеся вследствие распада монархии Карла Великого на правом берегу Рейна, представляли сильную преграду народам, стремившимся еще на запад. Неопровержимым доказательством тому служат норманны: до этого времени число морских набегов, за исключением вторжений, сделанных в Англию, было крайне незначительно. В течение IX века эти набеги становятся постоянными и всеобщими. Следовательно, вторжения с сухого пути стали весьма затруднительными; общество приобрело с этой стороны более определенные и безопасные границы. Та часть бродячего населения Европы, которая не могла быть отеснена назад, принуждена была искать счастья на море. Как ни велико было зло, причиненное западу набегами норманнов, но они были далеко не столь губительны, как сухопутные нашествия, и несравненно менее тревожили зарождавшееся общество. На юге мы видим то же самое. Арабы водворяются в Испании; между ними и христианами идет по-прежнему борьба, но

она уже не влечет за собою переселения народов. Шайки сарацинов опустошают еще по временам берега Средиземного моря; но успехи ислама очевидно прекратились.

Во-вторых, в то же время внутри европейской территории заметно прекращение бродячей жизни; народонаселения становятся оседлыми, поземельная собственность принимает определенный вид, взаимные отношения людей не изменяются уже, как прежде, со дня на день, под влиянием силы и случая. Внутреннее, нравственное состояние человека также начинает изменяться, его идеи, чувства, как и сама жизнь, приобретают некоторую определенность: он привязывается к месту, на котором живет, к отношениям, в которые вступает, к своим владениям, которые уже надеется передать своим детям, — привязывается к жилищу, которое он впоследствии называет своим замком, и к этому жалкому сборищу рабов, из которого со временем образуется селение. Повсюду являются маленькие общества, маленькие государства, выкроенные, так сказать, по мере идей и мудрости человека того времени. В эти общества вводится мало-помалу связь, начало которой заключается в варварских нравах, связь конфедеративная, не нарушающая личной независимости. С одной стороны, каждое значительное лицо поселяется в своих владениях вместе с семьей и слугами, с другой стороны, между этими собственниками-воинами, рассеянными по территории, устанавливается известная иерархия услуг и прав. Это и есть феодальная система, развившаяся из недр варварства. Из всех разнообразных элементов нашей цивилизации, преобладающее влияние прежде всех, естественно, должен был получить германский: на его стороне была сила, он покорил Европу, от него она должна была получить свою первоначальную форму, свое первое общественное устройство. Так и случилось. Феодальная система, ее характер, роль, которую она играла в истории европейской цивилизации, будет предметом нашей следующей лекции; в недрах утвердившегося феодализма мы на каж-

дом шагу будем встречаться с другими элементами нашего общества: с королевскою властью, церковью, городскими общинами; не трудно предугадать, что этим элементам не суждено погибнуть под феодальною формою, с которою они сливаются, в то же время борясь против нее и ожидая, что и для них ударит час победы.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Необходимая связь учений и фактов. – Перевес селений над городами. – Организация каждого отдельного феодального общества. – Влияние феодальной системы на характер феодального владельца и на семейный дух. – Народная ненависть к феодальному устройству. – Ничтожное значение священника для рабов. – Невозможность правильной организации феодализма: 1) отсутствие сильного авторитета; 2) отсутствие общественной власти; 3) затруднения, сопряженные с федеративным устройством. – Идея о праве сопротивления, свойственная феодализму. – Влияние феодальной системы: благое – на личное развитие человека, дурное – на общественный порядок.

Мы изучили состояние Европы после падения Римской империи в первую эпоху Средних веков, в эпоху варварства. Мы видели, что в конце этой эпохи, в начале X столетия, первую систему, развившуюся и овладевшую европейским обществом, была феодальная система, что из недр варварства прежде всего родился феодализм. Я думаю, нет надобности напоминать, что мы изучаем не историю событий; я не буду рассказывать вам о судьбах феодализма. Нас занимает история цивилизации; цивилизация же есть общий, скрытый факт, который мы ищем под всеми внешними явлениями, скрывающими его. События, общественные кризисы, различные состояния, чрез которые проходило общество, любопытны для нас только по отношению их к развитию цивилизации. Мы должны знать, в чем они противодействовали или способствовали ей, чем обогатили ее и чего ее лишили. Мы будем рассматривать феодальный режим исключительно с этой точки зрения.

В начале этого курса мы определили, что такое цивилизация, мы старались распознать ее элементы. Мы видели, что с одной стороны она состоит в развитии самого человека, отдельной личности, человечества, с другой — в развитии внешнего состояния людей, т. е. общества. Итак, встречаясь с событием, системой, всемирным явлением, мы должны каждый раз задавать себе следующий двойственный вопрос: какое влияние имело это явление на человека? какое влияние оно имело на общество?

Подобные изыскания неизбежно приведут нас к рассмотрению самых важных вопросов нравственной философии. Когда мы захотим узнать степень участия известного события, известной системы в развитии лица и общества, нам необходимо будет определить, в чем состоит истинное развитие того и другого, какое развитие ложно, незаконно, вредит, вместо того чтобы улучшать, влечет за собою регресс вместо прогресса. Нам никоим образом не следует отказываться от подобного изучения; в противном случае нам пришлось бы исказить факты; кроме того, само настроение умов, господствующее в настоящее время, заставляет нас добровольно принять это неизбежное соединение философии с историей. Это один из отличительных признаков и, быть может, самая характерная черта нашей эпохи. Мы призваны изучать и двигать вперед науку и действительность, теорию и практику — нераздельно. До нашего времени эти две силы жили отдельною жизнью. Общество привыкло видеть науку и практику идущими по различным путям, не знающими друг друга или, по крайней мере, не встречающимися между собою. Когда отвлеченные учения, общие идеи хотели воплотиться в событиях, действовать на мир, им удавалось достигнуть этого только в форме фанатизма и с его помощью. Обладание обществами, руководство их делами до сих пор было разделено между двумя влияниями: с одной стороны — людей верующих, фанатиков, приверженцев общих идей и принципов; с другой стороны —

людей чуждых всякому рациональному началу, управляемых единственно силою обстоятельств, людей практических, людей минуты (*libertins*, как называли их в XVIII веке). Теперь это двойственное состояние уже прекращается; преобладание не может более принадлежать ни фанатикам, ни практикам. Теперь, чтобы управлять людьми, чтобы руководить ими, необходимо знать и понимать как общие идеи, так и текущие события; необходимо обращать внимание и на принципы, и на факты; уважать истину и действительность; избегать ослеплений фанатиков и ослепления практиков. Таков результат развития человеческого разума и общественного быта: с одной стороны, человеческий разум, возвышенный и свободный, лучше понимает совокупность явлений, научился обнимать одним взглядом и вводить в свои соображения все существующее; с другой стороны, общество усовершенствовалось до такой степени, что может быть поставлено лицом к лицу с отвлеченной истиной, что факты могут быть сближены с принципами и, несмотря на всю недостаточность первых, такое сопоставление может быть сделано, не вызывая ни в ком ни ужаса, ни отчаянья. Будем повиноваться естественным стремлениям, условиям, требованиям нашей эпохи и потому будем переходить от событий к идеям, от изложения фактов к вопросам теоретическим. В современном расположении умов заключается, быть может, еще одно обстоятельство, говорящее в пользу такого метода. С некоторых пор господствует у нас решительная склонность, даже пристрастие к фактам, к практической точке зрения, к положительной стороне человеческой деятельности. Мы до такой степени были поработаны деспотизмом общих идей, теорий, и они в иных отношениях так дорого обошлись нам, что стали для нас предметом некоторого недоверия. Мы предпочитаем обращаться к фактам, к частностям, к приложениям общих начал к жизни. Не будем жаловаться на это — это новый успех в наших познаниях и великий шаг к открытию истины, если только мы не безуслов-

но подчинимся этой наклонности и не позволим себе слишком увлекаться ею, если мы не забудем, что лишь истина имеет право царствовать над миром, что значение фактов зависит лишь от того, насколько они выражают ее и стремятся все более и более приблизиться к ней, что истинное величие событий проистекает от величия идей, лежащего в их основе. Цивилизация нашего отечества имеет тот отличительный характер, что она никогда не терпела недостатка в умственном величии; она всегда была богата идеями; сила человеческого разума во французском обществе всегда была велика, больше, может быть, чем где бы то ни было. Мы не должны лишиться этого прекрасного преимущества; мы должны предохранить себя от того узкого, материального состояния, в которое впали иные общества. Разум, идеи и в настоящее время не должны лишиться того высокого места, которое они всегда занимали во Франции. Таким образом мы отнюдь не будем избегать общих, философских вопросов, мы не будем искать их, но когда нас натолкнут на них факты, то мы приступим к разрешению их без смущения, без колебания. Мы не раз будем иметь к тому случай при рассмотрении феодального устройства в отношениях его к истории европейской цивилизации.

Самым лучшим доказательством тому, что в X веке феодальное устройство было необходимою и единственно возможною формою общественного быта, служит повсеместность его. Где только ни прекращалось варварство, там все принимало феодальную форму. Сначала в ней видели не что иное, как торжество хаоса. Всякое единство, всякая цивилизация исчезала; общество повсюду распадалось; возникло множество небольших обществ, анархических, разъединенных, неустроенных. В глазах современников это казалось всеобщим разрушением, всемирною анархией. Послушайте поэтов или летописцев того времени: они все убеждены, что наступает конец мира. Между тем это было началом нового, настоящего общественного строя — строя феодального, до такой степени необходимо-

го, неизбежного, тесно связанного с предшествовавшим состоянием, что он все поглотил собою, всему сообщил свою окраску. Даже наиболее чуждые этой системы элементы: церковь, городские общины, королевская власть — все по необходимости сообразовалось с нею — церкви сделались сюзеренами и вассалами, города вошли в состав феодальной иерархии, королевская власть скрылась за властью сюзерена. Все поступило в ленную зависимость, не только земли, но и права: право рубки леса, право рыбной ловли; церкви отдавали в содержание свои случайные доходы: плату за крещение, за введение в церковь родильниц. Вода, деньги — все стало предметом ленного владения. Подобно тому как все элементы общества вошли в феодальную область, все мельчайшие факты обыденной жизни подчинились действию феодализма.

При виде повсеместного распространения феодальной системы, можно предположить, что вместе с нею утратили самостоятельность и все остальные элементы общественной жизни. Такое предположение было бы, однако, весьма ошибочно. Облекаясь в феодальную форму, разнородные элементы и учреждения не лишались своей самобытности, своих притязаний. Феодальная церковь, в сущности, по-прежнему была одушевляема и управляема теократическим началом, и для возвышения его она беспрестанно старалась — с помощью ли королевской власти, папы или народа — уничтожить то самое устройство, которого ливрею, так сказать, она носила. То же было с королевскою властью и с общинами: как и прежде, в первой преобладало монархическое, в последних — демократическое начало. Несмотря на свой феодальный облик, эти различные элементы европейского общества непрерывно стремились освободиться от устройства, несогласного с истинною их природою, и принять форму, соответствующую собственному, коренному их характеру.

Таким образом, из всеобщего распространения феодальной формы не следует еще выводить заключение о всеобщ-

ности феодального принципа и изучать феодализм всюду, где только он встречается. Для полного понимания феодальной системы, для разбора и оценки ее влияния на современную цивилизацию, надо искать его там, где господствует гармония между его основным принципом и формой, надо изучать его в иерархии светских феодальных владык, завоевателей европейской территории. Там настоящее местопребывание феодального общества. Туда мы теперь и обращаемся.

Я недавно говорил о важности нравственных вопросов и о невозможности обойти их молчанием. Есть еще другой, совершенно иной ряд соображений, также по большей части игнорируемый: я говорю о материальном быте общества, о материальных изменениях, вводимых в жизнь и состояние людей новым строем или общественным переворотом. Это обстоятельство не всегда обращало на себя достаточное внимание; исследователи слишком редко задавались вопросом, какие видоизменения внесены великими кризисами мира в материальное существование людей, в материальную сторону их взаимных отношений. А между тем подобные видоизменения производят на общества большое влияние, нежели им обыкновенно приписывают. Известно, какому глубокому изучению подвергался вопрос о влиянии климата, и какую важность приписывал ему Монтескье. Непосредственное влияние климата на людей, может быть, не столь обширно, как полагают, по крайней мере, трудно определить его с точностью; но косвенное влияние климата, результаты, например, того обстоятельства, что в жарких странах люди живут на открытом воздухе, а в холодных — внутри жилищ, что здесь пища одна, а там — другая, — все это факты первостепенной важности: изменяя одни только условия материальной жизни, они тем не менее могущественно действуют на цивилизацию. Всякий значительный переворот влечет за собою подобные изменения общественного быта, которые не могут и не должны быть оставляемы без внимания.

Установление феодального устройства произвело одно из таких изменений, важность которого не подлежит никакому сомнению: оно изменило распределение народонаселения на поверхности европейской территории. До того времени владельцы территории, господствующее население, жили более или менее многочисленными массами, оседлыми в городах или кочующими по всей стране. Под влиянием феодализма те же самые люди стали жить каждый отдельно, в своем жилище, на значительном друг от друга расстоянии. Нетрудно предвидеть, какие последствия должна была иметь такая перемена в отношении к характеру и ходу цивилизации. Преобладание над обществом, управление им внезапно перешло из городов в селения; частная собственность приобрела перевес над общественной, так же как и частная жизнь над общественной жизнью. Таково было первое, сначала чисто материальное, влияние торжества феодальной системы. Чем глубже мы будем проникать в нее, тем более будут развиваться перед нашими глазами последствия этого факта.

Рассмотрим феодальное общество в самом себе и исследуем, какую роль оно играло в истории цивилизации. Возьмем сначала феодальную систему в самой простой, первоначальной, основной ее форме; познакомимся с бытом отдельного феодального владельца в его доменах; посмотрим, чем будет небольшое общество, образующееся вокруг него.

Феодальный владелец поселяется на уединенном, возвышенном месте, которое старается сделать безопасным, укрепленным, на котором он строит то, что называется «замком». С кем же он поселяется там? С женою, с детьми, может быть, с некоторыми свободными людьми, которые, не имея собственности, присоединились к нему и продолжают жить с ним, на его иждивении. Таковы жители замка. Вокруг него, внизу, группируется небольшое население рабов, обрабатывающих поля владельца. Среди этого низшего населения религия воздвигает церковь, является священник. В первые времена

феодалной системы одно и то же духовное лицо было и капелланом замка, и приходским священником; впоследствии эти должности отделяются друг от друга: деревня имеет своего особого священника, живущего при церкви. Вот первобытное феодальное общество, если можно так выразиться, феодальная ячейка. Этот элемент мы рассмотрим раньше всех других и предложим ему два вопроса, с которыми всегда следует обращаться к каждому историческому факту: во-первых, какое он имел влияние на развитие человека, и во-вторых, на развитие общества.

Первый факт, поражающий нас при изучении феодального общества, это необыкновенное значение, которое должен был приобрести владетель феода как в своих собственных глазах, так и в глазах всех, окружавших его. Господствующим чувством в варварской жизни было чувство личности, личной свободы. Здесь мы видим уже не только свободного человека, воина, но и собственника, главу семейства, господина. Такое положение служило источником неизмеримого превосходства, превосходства совершенно своеобразного, беспремерного в древних цивилизациях. Действительно, возьмем какое-нибудь высокое аристократическое положение в древнем мире, например, положение римского патриция. Как и феодальный владелец, римский патриций был главою семьи, господином, высшим лицом в обществе. Он был, сверх того, духовным саванником, первосвященником для своего семейства. Но значение священнослужителя давалось ему извне, исходило свыше и не было личным, индивидуальным его свойством; он был избранником божества, истолкователем относящихся к этому божеству религиозных верований. Далее, римский патриций был членом государственной корпорации, членом сената. И это значение, доставшееся ему извне, от корпорации, значение заимствованное, полученное из постороннего источника. Величие древних аристократов, тесно связанное с их религиозною и политическою деятельностью, принадлежало более

общественному положению самой корпорации, нежели каждому отдельному лицу. Напротив того, значение феодального владельца было чисто личное, ни от кого не заимствованное; всеми правами, всею властью он был обязан исключительно самому себе. Он не был ни духовным сановником, ни членом сената; все его значение заключалось в собственной его личности. Везде и всегда он действовал от своего лица, от своего собственного имени. Как сильно должно было быть влияние подобного положения на того, кто занимал его! Какая гордость, какая страшная надменность — короче, какая дерзкая самоуверенность должна была зародиться в его душе! Над ним нет высшего лица, которого бы он был представителем и органом; рядом с ним — нет равных; не существует сильного, общего для всех закона, который бы тяготел над ним, нет внешней власти, которая бы могла действовать на его волю: только пределы собственной его силы и близость опасности могут обуздать его. Таков нравственный результат описанного нами положения в отношении к характеру человека, к развитию человеческой личности.

Перехожу к другому последствию, столь же важному, но до сих пор еще слишком мало замеченному, — к особому складу феодальной семьи.

Посмотрим на различные системы семейного устройства, прежде всего, на патриархальную семью, образцы которой представляют Библия и восточные памятники. Она весьма многочисленна и образует племя. Глава ее, патриарх, живет вместе со своими детьми, внуками, правнуками, родственниками и свойственниками, соединившимися вокруг него со всею своею роднею и слугами; и не только он живет вместе с ними, но у него общие с ними интересы, занятия, образ жизни. Не таково ли именно положение Авраама, патриархов и даже современных арабских родоначальников?

Другая система семейного устройства — *клан*, т. е. небольшое общество, образец которого можно найти в Шотландии и Ир-

ландии, и через которое, вероятно, прошла большая часть европейского мира. Это уже не патриархальная семья. В положении главы ее и остальных членов заметно большое различие. Образ жизни их не один и тот же; большинство членов обрабатывают землю и несут различные повинности, а глава проводит время в праздности и военных занятиях. Но у них общее происхождение; все они носят одно и то же имя; родственные отношения, старинные предания, общие воспоминания, привязанности — все это утверждает между членами клана нравственную связь, некоторый род равенства.

Вот два главных типа семьи, представляемые историей. Такова ли, спрашивается, феодальная семья? Очевидно, нет. С первого взгляда мы находим в ней как бы некоторое сходство с кланом, но различие их на самом деле очень велико. Население, окружающее феодального владельца, совершенно чуждо ему; оно не носит его имени, между ними нет ни родства, ни исторической, ни нравственной связи. Это, с другой стороны, и не патриархальная семья. Образ жизни и занятия владельца отличаются от занятий и образа жизни лиц, окружающих его. Он — праздный воин, они — земледельцы. Феодальная семья не многочисленна; это не племя, а семья в тесном смысле слова, т. е. жена и дети; эта семья живет в замке, отдельно от остального населения. Поселенцы и рабы не входят в ее состав; происхождение их различно, неравенство положений неизмеримо. Пять или шесть лиц, находящихся в исключительном положении господ, вот состав феодальной семьи. Очевидно, что и характер ее должен быть совершенно особый. Она узка, сосредоточена в самой себе, непрерывно вынуждена защищаться, подозревать, или по крайней мере отдаляться, даже от своих слуг. Не трудно предвидеть, что внутренняя жизнь, домовитость получит в ней большое развитие. Конечно, необузданность страстей, привычка главы семейства к войне и охоте довольно сильно будут препятствовать развитию подобной жизни. Но это препятствие будет побеждено:

глава семьи по необходимости будет возвращаться в свой дом, а возвращаясь, находить там жену и детей; они одни будут его постоянным обществом, одни будут разделять и его интересы, и его участь. При такой обстановке, домашняя жизнь естественно приобретет огромное значение. Доказательств тому немало. Не в недрах ли феодальной семьи развилась, наконец, женщина? Во всех древних обществах — я говорю не только о тех, где были слабо развиты семейные начала, но и о тех, где они процветали, как, например, в патриархальном быте всех древних обществ — женщины занимали далеко не такое место, какое они приобрели в Европе в эпоху феодализма. Этим изменением, успехом в своем положении они особенно обязаны развитию, естественному преобладанию домашней жизни в феодальную эпоху. Были попытки приписать эту перемену особенностям нравов древних германцев, тому национальному уважению, которое они будто бы еще среди лесов питали к женщине. На основании одной лишь фразы Тацита, германский патриотизм выдумал какое-то необыкновенное превосходство, какую-то первобытную и неизгладимую чистоту германских нравов в отношениях одного пола к другому. Это просто химера! Чувства и обычаи, сходные с древнегерманскими, по описанию Тацита, встречаются в рассказах многих наблюдателей диких и варварских народов. Здесь нет ничего врожденного, ничего исключительно свойственного известному племени. Значение женщин в Европе имело своим источником развитие и преобладание домашней жизни, которая весьма рано сделалась отличительным характером феодального быта.

Феодальная семья отличается еще другим признаком: духом наследственности, непрерывности, очевидно господствовавшим в ней. Дух наследственности неразделен вообще с семейным элементом, но в феодализме он получил особенно сильное развитие. Это зависело от самих условий, в которые была поставлена феодальная семья. Феод не был обыкновенною

собственностью, он постоянно нуждался во владельце, который бы защищал, охранял его, исполнял сопряженные с ним обязанности и, таким образом, удерживал бы за ним место, однажды им занятое в общем союзе властителей страны. Отсюда некоторая тождественность между настоящим владельцем феода, самим феодем и целым рядом будущих его владельцев. Это обстоятельство много содействовало скреплению и упрочению семейных уз, уже столь сильных по самой природе феодальной семьи.

Я оставляю теперь жилище владельца и перехожу в среду небольшого населения, его окружающего. Здесь все изменяется. Природа человека так хороша и деятельна, что при сколько-нибудь устойчивой форме общественного устройства, лица, сближенные им — каковы бы ни были условия этого сближения — неизбежно соединяются между собою некоторою нравственною связью, чувствами покровительства, благосклонности, любви. То же случилось и при феодализме. Нет сомнения, что между поселенцами и феодальным владельцем образовались постепенно некоторые нравственные отношения, некоторая взаимная привязанность, основанная на привычке. Но это произошло вопреки их обоюдному положению, а отнюдь не под влиянием его. Рассматриваемое в самом себе, положение их страдало коренными недостатками. Строго говоря, не было ничего общего между феодальным владельцем и поселенцами; они составляли часть его владений, его собственность; и под этим словом «собственность» должно разуметь как права, которые мы теперь называем державными, так и все права частной собственности: право издавать законы, определять налоги, наказывать, наравне с правом распоряжения и отчуждения. Между владыкой и земледельцами его владений не было — по крайней мере настолько, насколько это возможно между людьми — ни прав, ни гарантий, ни общества.

Вот где, по моему мнению, источник той поистине изумительной, непримиримой ненависти, которую постоянно пи-

тал народ к феодальному устройству, к воспоминаниям о нем, к его имени. Были примеры, что люди подвергались игу тяжкого деспотизма и привыкали к нему, скажем более — добровольно принимали его. Деспотизм теократический, деспотизм монархический не раз пользовались терпимостью, почти любовью подчиненного им народонаселения. Феодальный деспотизм всегда был предметом отвращения и ненависти, он тяготел над судьбою людей, но никогда не властвовал над их душою. Дело в том, что в теократии и в монархии отправление власти основывается на убеждениях, общих повелителю и подданным; повелитель является представителем, органом другой власти, высшей, нежели все человеческие; он говорит и действует во имя Божества или общей идеи, а не во имя собственной своей личности. Феодальный деспотизм — совершенно другого свойства; это просто власть лица над лицом, господство личной, капризной воли одного человека. Вот, может быть, единственная тирания, с которою — к чести своей — никогда не примирится человек. Всякий раз, когда в повелителе своем он видит только человека, а в гнетущей его воле — волю исключительно человеческую, столь же личную, как и его собственная, он возмущается духом и лишь с затаенною злобою переносит иго. Таков был настоящий, отличительный характер феодальной власти; таков внутренний источник отвращения, которое она постоянно внушала народу. Религиозный элемент, присоединившийся к этой власти, не в состоянии был облегчить ее гнета. Я не думаю, чтобы в небольшом обществе, описанном мною, влияние священника было значительно, чтобы он мог вносить элемент законности во взаимные отношения подвластного населения и владельца. Церковь весьма сильно влияла на европейскую цивилизацию, но она действовала косвенно, изменяя общее настроение умов. При ближайшем рассмотрении небольшого феодального общества, влияние священника как посредствующего лица между владельцем и рабами едва заметно. По большей части он был столь же

груб и ничтожен, как и рабы, и не имел ни силы, ни охоты бороться с надменным владыкой. Правда, он один поддерживал и развивал в народе нравственную жизнь, один утешал и просвещал его, насколько то было в его власти и потому, конечно, был дорог и полезен народу; но для облегчения его участи, кажется, он не мог сделать почти ничего.

Я рассмотрел элементарное феодальное общество, я выяснил главные последствия, которые должен был иметь такой порядок вещей как для владельца и его семьи, так и для населения, собравшегося вокруг последнего. Выйдем теперь из этого тесного круга. Население отдельного феода не одно занимает всю территорию; есть другие, сходные с ним или отличающиеся от него общества, с которыми оно находится в сношениях. Какова, с этой точки зрения, роль упомянутого мною населения? Какое влияние должно иметь на цивилизацию целое общество, в состав которого входят отдельные феоды.

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо заметить следующее. Правда, феодальный владелец и священник принадлежали обширному обществу; отношения их простирались далеко, были многочисленны и многообразны. Но не то было с поселянами, рабами. Ошибочно было бы для обозначения каким-нибудь названием сельского населения той эпохи употреблять такое выражение, с которым соединялось бы понятие о чем-то целом, об обществе, — например, слово «народ». Население это не составляло общества; деятельность его была исключительно местная. Вне занимаемой территории, поселяне не были связаны ни с кем и ни с чем; вся жизнь и деятельность их сосредоточивались здесь, в феоде. У них не было ни общей участи, ни общего отечества; они не составляли народа. Когда говорится о феодальном союзе в полном его объеме, то при этом следует разуметь одних лишь феодальных владельцев.

Посмотрим, в чем состояли отношения отдельного феода к целому обществу, которого он был частью, и каково было влияние этих отношений на развитие цивилизации.

Вам известно, какие связи соединяли феодальных владельцев, какие были их поземельные отношения, какая существовала обязанность службы с одной стороны, а с другой — обязанность покровительства. Я не буду входить в подробности этих взаимных обязанностей: для меня достаточно, чтобы вы имели о них общее понятие. Из них необходимо должны были проистекать для каждого феодального владельца известные идеи и чувства: идея долга, чувство привязанности. Очевидно, что принцип верности, преданности, честности в исполнении обязательств и другие подобные чувства развивались и поддерживались взаимными отношениями феодальных владельцев.

Это сознание долга, эти обязанности и чувства пытались облечься в форму права, учреждения. Известно, что феодальная система стремилась к законному определению взаимных обязанностей и услуг феодальных владельцев и их сюзерена, случаев, в которых вассал обязан был оказывать сюзерену вооруженную или денежную помощь, форм, в которых сюзерен должен был испрашивать согласие вассалов на услугу, не входившую в круг их ленных повинностей. Были попытки обеспечить уважение к правам. Таким образом, феодальные съезды предназначены были для суда между феодальными владельцами, по жалобам, приносимым ими общему своему сюзерену. На том же основании, всякий сколько-нибудь значительный владелец созывал своих вассалов в парламент для совещания по делам, требовавшим их согласия или содействия. Словом, существовала известная совокупность средств политических, военных, юридических, с помощью которых пытались организовать феодальное устройство, облечь взаимные отношения феодальных владельцев в форму прав и учреждений.

Но эти права и учреждения были лишены всякой твердой опоры, всякой гарантии.

Основное условие всякого политического ручательства или гарантии состоит в постоянном воздействии в обществе такой воли или такой силы, которая имела бы и желание, и воз-

можность предписывать законы индивидуальным стремлениям, произволу, которая заставляла бы их соблюдать общественные постановления, уважать общественное право.

Есть только две возможные системы политических гарантий. Необходима либо одна воля, одна сила, настолько превосходящая все прочие, чтобы они не могли ей противиться и невольно покорялись ей при первом ее появлении; либо общественная сила и воля, представляющая собою результат, выражение всех частных сил и стремлений, и могущая сделаться для них непреложным законом, приобрести всеобщее уважение и прежде всего всеобщее признание.

Таковы две единственно возможные системы политических гарантий: деспотизм одного лица или одного сословия и свободный образ правления. Исследуя самые разнородные системы, мы найдем, что все они подходят под одну из двух указанных нами.

При феодальном устройстве не могла существовать ни та, ни другая система.

Конечно, не все феодальные владельцы были одинаковы, некоторые были гораздо сильнее остальных, многие другие были сильны настолько, что имели полную возможность угнетать слабейших. Но, начиная с первого из сюзеренов, с короля, не было никого, кто бы мог предписывать законы всем прочим, подчинить всех своей воле. Не было никаких постоянных средств проявления власти и влияния, не было ни постоянных войск, ни постоянных налогов, ни постоянных судов. Общественные силы, учреждения должны были словно возобновляться, воссоздаваться каждый раз, когда представлялась в них потребность. Надо было организовать суд для каждой тяжбы, собирать войско при начале каждой войны, создавать доходы, когда являлась нужда в деньгах; все зависело от случайностей, от местных и временных обстоятельств; не было никаких условий для упрочения центрального, постоянного, независимого управления. Ясно, что при таком

устройстве ни одно лицо не было в состоянии придать своей воле силу закона, распространить и утвердить уважение к общественному праву.

С другой стороны, сопротивление было так же легко, как затруднительно его подавление. Заключение в своем жилище, имея дело с незначительным числом врагов, легко находя союз и помощь у вассалов, поставленных в одинаковое с ним положение, феодальный владелец располагал всеми средствами успешной защиты.

Итак, первая система политических гарантий – система, основанная на вмешательстве сильнейшего, – не была совместима с феодальным строем.

Другая система – система свободного образа правления, общественной власти, общественной силы – точно так же не была применима к феодализму и никогда не могла установиться при нем. Причина этому очень простая. Когда мы говорим об общественной власти, облеченной так называемыми верховными, державными правами: правом издавать законы, налагать подати, карать преступников – мы глубоко убеждены, что эти права не принадлежат никакому отдельному лицу, что никто, сам по себе, не имеет права наказывать других, налагать на них обязанности, предписывать им законы. Права эти принадлежат исключительно целому обществу, во имя которого они и приводятся в действие, хотя общество и не заимствует их от самого себя, а получает их свыше. Когда человек видит перед собою силу, облеченную такими правами, он невольно, бессознательно чувствует себя пред лицом законной общественной власти, призванной к господству над ним, и он инстинктивно повинует ей. Совершенно не то было в феодальную эпоху. Феодальный владелец, среди своих земель и в отношении к людям, ему подвластным, пользовался самодержавными правами; права эти были нераздельны с земельным владением и составляли предмет частной собственности. То, что мы называем теперь общественными права-

ми, общественной властью, было тогда правом частным, частною властью. Феодалный владделец пользовался в качестве собственника всеми правами верховной власти над жителями принадлежащих ему земель; поэтому понятно, что, являясь в собрание, в парламент, составившийся около его сюзерена из небольшого числа равных или почти равных ему вассалов, он не находил там и не выносил оттуда никакого понятия об общественной власти. Это понятие было в прямом противоречии со всем его существованием, со всеми его действиями внутри его владений. В собраниях вассалов он видел только людей, облеченных одинаковыми с ним правами, стоявших в одинаковом с ним положении, действовавших, как и он, единственно во имя своей личной воли. Ничто не побуждало, не заставляло его признавать в высшей правительственной сфере, учреждениях, которые мы называем общественными, тот характер всеобщности и превосходства, который нераздельно связан с нашим понятием о политических властях. И если он был недоволен решением собрания, то отказывался содействовать исполнению его или даже прибегал к открытому сопротивлению.

Единственной гарантией права в феодалную эпоху была грубая сила, если только такую силу можно назвать гарантией. Все прибегали к этой силе, чтобы достигнуть признания или уважения. Но никакое учреждение не обладало достаточною силою: поэтому почти вовсе и не обращались к учреждениям. Если бы феодалные суды и парламенты проявляли какую-нибудь деятельность, то они гораздо чаще встречались бы в истории и были бы в ней более заметны; но они совершенно ступшевываются.

Впрочем, тут нет ничего удивительного: на то есть причина, более глубокая и важная, нежели все те, которые уже указаны мною.

Из всех правительственных систем и всех родов политических гарантий, труднее всего установить и упрочить систе-

му федеративную, систему представляющую каждой отдельной местности, каждому отдельному обществу такую правительственную власть, какую только они могут проявить. Одна лишь ничтожная доля этой власти, необходимая для сохранения целого общества, переносится в центр его и принимает там форму центрального правительства. Федеративная система, в теории самая простая, представляется самой сложною на практике. Чтобы согласить допускаемую ею степень местной независимости и свободы с тою степенью общего подчинения, какую она в известных случаях требует и предполагает, необходимо значительное развитие цивилизации. При слабости принудительных средств, которыми располагает федеративная система, установление и поддержание ее гораздо более зависит от воли, от личной свободы человека, нежели установление и поддержание какой бы то ни было другой системы.

Итак, федеративная система очевидно требует от общества, к которому она применяется, наибольшей суммы разума, нравственности, цивилизации. А между тем эту-то именно систему и старался установить феодализм. Феодальная система была настоящею федерациею. В основании ее лежали те же начала, на которых утверждается ныне, например, федерация Североамериканских Соединенных Штатов. Она оставляла каждому владельцу наибольшую долю правительственной власти, а сюзерена или общее собрание баронов облекала только возможно меньшею частью этой власти, да и то лишь на случай необходимости. Отсюда понятна невозможность установить подобную систему среди невежества, среди грубых, необузданных страстей, словом — среди всех нравственных несовершенств людей в феодальную эпоху. Свойства такого правительства противоречили идеям и нравам тех самых людей, к которым оно должно было применяться. Можно ли удивляться после этого неудаче подобных попыток политической организации?

Мы рассмотрели феодальное общество сначала в простейшем, основном его элементе, потом в целом его составе. Исходя от этих двух точек зрения, мы старались найти, что оно сделало и что по самой природе своей должно было сделать в отношении к развитию цивилизации. Из всего сказанного вытекает два следствия:

1) Феодальная система должна была оказать весьма сильное и, вообще говоря, благотворное влияние на внутреннее развитие отдельной личности. Она возбуждала в людях идеи, сильные ощущения, нравственные потребности; она послужила к развитию благородных характеров и побуждений.

2) С общественной точки зрения, она не могла установить никакого законного порядка, никакой политической гарантии. Она была необходима для возрождения в Европе общества, до такой степени расстроенного варварством, что оно стало окончательно неспособно к более правильной организации; но и феодальная форма, недостаточная в самих основаниях своих, не могла достигнуть ни более правильного устройства, ни расширения. Единственное политическое право, которому феодальное устройство сумело дать силу в европейском обществе — это право сопротивления. Я говорю не о законном сопротивлении: в столь неразвитом обществе о нем не могло быть и речи. Прогресс общества состоит именно в замене, с одной стороны, частного произвола общественной властью, с другой — личного сопротивления законным. Такова высокая цель, главное усовершенствование общественного порядка. Личной свободе предоставляется большой простор; но когда она заблуждается, когда от нее приходится требовать отчета в действиях, тогда вступает в свои права общественное мнение; от него исключительно зависит решение процесса, начатого против индивидуальной свободы. Такова система законного порядка и законного сопротивления. Нетрудно

понять, что в феодальную эпоху не было и не могло быть ничего подобного. Право сопротивления, нашедшее себе защиту и применение в феодальном устройстве, было правом сопротивления личного — право страшное, несовместное с идеей общества, потому что оно ведет к насилию, к войне, т. е. к уничтожению общества, но вместе с тем это право, которое всегда существует в глубине человеческой души, совершенное уничтожение его было бы равносильно рабству. Сознание этого права погибло, подавленное и поруганное, в римском обществе и не могло возродиться из его остатков; из принципов христианского общества оно также не проистекало, по крайней мере не проистекало непосредственно. Оно вновь вошло в европейские нравы при посредстве феодальной системы. Сделать право сопротивления излишним и бесполезным — это задача цивилизации; постоянное провозглашение его — это заслуга феодализма.

Таков, по-видимому, результат исследования феодального общества, рассматриваемого в самом себе, в своих общих элементах, независимо от исторического развития его. Подтверждается ли этот результат фактами, историей? Действительно, случилось то, что должно было случиться; феодальное устройство сделало то, что оно должно было сделать; судьба его соответствовала его внутренним качествам. Исторические события доказывают верность всех предположений и догадок, почерпнутых нами из самой сущности феодализма.

Бросим беглый взгляд на общую историю феодальной системы от X до XIII века. Нельзя не признать, что она оказала важное и благотворное влияние на индивидуальное развитие человека, на развитие чувств, характеров, идей. В истории этого времени мы встречаемся со множеством благородных чувств, великих подвигов, прекрасных проявлений человеческой природы, очевидно составляющих последствия феодальных нравов. Рыцарство мало сходно с феодализмом, но, однако, оно порождение его. Этот идеал возвышенности, велико-

душия, преданности есть порождение феодальной системы, и он говорит в ее пользу.

Далее, мы видим, что под покровом феодализма в феодальных замках появляются первые проблески европейской фантазии, первые опыты поэзии, литературы, первые умственные наслаждения, испытанные Европою по выходе ее из состояния варварства. Для подобного развития необходимы душевные и жизненные побуждения, необходим досуг, необходимы тысячи других условий, несовместных с трудным, печальным, грубым, тяжелым существованием низших классов народонаселения. Во Франции, в Англии, в Германии с феодальною эпохою тесно связаны первые литературные воспоминания, первые умственные наслаждения Европы.

Но, с другой стороны, если мы будем вопрошать историю о влиянии, которое имел феодализм на общество, мы получим ответ, не менее согласный с нашими предположениями: повсюду феодальное устройство противилось как утверждению общественного порядка, так и расширению свободы. С какой бы точки зрения мы ни рассматривали общественный прогресс, феодализм всегда представится вам препятствием на пути его. Поэтому-то с самого возникновения феодального общества, против него восстают и непрерывно борются с ним обе силы, наиболее содействовавшие развитию порядка и свободы, с одной стороны монархическая власть, с другой — власть народная, король и народ. В разные времена были сделаны попытки правительственного устройства феодального общества на основаниях более законных и менее исключительных. В Англии трудились над этим Вильгельм Завоеватель и его сыновья, во Франции — Людовик Святой, в Германии — многие императоры; но все попытки, все усилия их остались тщетными. Самая природа феодального общества отвергала порядок и законность. В новейшее время некоторые историки пытались возвысить феодализм как общественную систему; они видели в нем законное, правильное, прогрессивное

состояние, представляли его золотым веком. Но спросите их, где и когда существовало это состояние, к какому времени и месту они его относят, — вы не получите ответа. Феодализм — это утопия, не имеющая под собой никакой почвы, это драма, для которой в прошедшем нет ни театра, ни актеров. Причину заблуждения этих историков открыть не трудно; она же объясняет нам заблуждения тех, которые не могут произнести слово «феодализм» без проклятия. И те и другие не приняли в соображение двойственности феодализма, не потрудились отличить его влияние на умственное развитие человека, на чувства, характеры, страсти от его влияния на общественный строй. Одни не могли допустить, чтобы общественная система, в которой было столько благородных чувств, доблестей, среди которой родились все литературы, в которой нравы получили некоторую возвышенность, некоторое величие, — чтобы эта система была в то же время так дурна и гибельна, какую представляют ее. Другие видели только зло, причиненное феодализмом массе народонаселения, преграду, поставленную им на пути развития порядка и свободы, и не могли поверить, чтобы он произвел благородные характеры, великие доблести, вообще вызвал какой бы то ни было прогресс. И те и другие, повторяю, упустили из виду двойственный элемент цивилизации. Они не заметили, что цивилизация состоит из двух отдельных развитий, из которых одно может в данное время совершаться независимо от другого, хотя по прошествии веков, после длинного ряда фактов, они непременно должны соединиться воедино.

Впрочем, феодальная система была тем, чем она должна была быть, и сделала то, что должна была сделать. Индивидуальность, энергия личности — таков был преобладающий характер победителей Римской империи, поэтому результатом общественного устройства, основанного ими и для них, прежде всего должно было быть не что иное, как развитие личности, индивидуальности человека. Внутренние, нравственные

наклонности человека, вносимые им в общественную систему при самом установлении ее, имеют могущественное влияние на общественный быт, а общественный быт, в свою очередь, действует на наклонности, укрепляет и развивает их. В германском обществе господствовала личность; и феодальное общество, порождение германского, естественно употребляло все свое влияние в пользу развития личности. Тот же факт мы встречаем и во всех других элементах цивилизации; они остались верны своему принципу; каждый из них подвигался вперед и двигал мир по тому пути, на который вступил с самого начала. В следующем нашем чтении история церкви и ее влияние на европейскую цивилизацию от V до XII века представит нам новое, несомненное доказательство этой же истины.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Религия содержит в себе принцип ассоциации. – Принуждение не составляет существенного характера правительства. – Условия законного правительства: 1) предоставление власти достойнейшим; 2) уважение к свободе управляемых. – Церковь, будучи корпорацией, а не кастой, удовлетворяла первому из этих условий. – Различные роды назначения и избрания должностных лиц, действовавшие в церкви. – Она не исполнила второго условия, незаконно расширив начало авторитета и употребив во зло материальную силу. – Движение и свобода умов в недрах церкви. – Отношения церкви к светским государям. – Независимость духовной власти, возведенная в степень принципа. – Притязания и усилия церкви подчинить светскую власть.

Мы исследовали характер и влияние феодальной системы; теперь предметом наших занятий будет христианская церковь в промежуток между V и XII веками. Я говорю *церковь*, потому что, как я уже заметил, я предполагаю рассмотреть не христианство в собственном смысле слова как религиозную систему, а церковь как церковную организацию, как христианское духовенство.

В V веке это общество было почти вполне организовано. Конечно, оно подверглось впоследствии многочисленным, весьма существенным переменам; но уже и к тому времени церковь, рассматриваемая как корпорация, как правительство христианского народа, достигла полного и независимого существования.

Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в огромном различии между состоянием церкви и других элементов европейской цивилизации в V веке по Р.Х. К числу основных элементов нашей цивилизации я отнес муниципальное устройство, феодальную систему, королевскую власть и церковь.

В V веке муниципальное устройство было не чем иным, как обломком Римской империи, призраком без жизни, без определенной формы; феодальная система еще не выходила из хаоса, королевская власть существовала только по названию. Все светские элементы нового общества были или в упадке, или в младенчестве. Одна только церковь была молода и в то же время благоустроена; она одна приобрела окончательную форму и притом сохраняла всю свою первоначальную мощь; она одна соединяла в себе прогресс и порядок, энергию, т. е. она обладала обоими великими средствами к влиянию. Не нравственная ли жизнь, не внутреннее ли движение, с одной стороны, и порядок, дисциплина — с другой, помогают учреждениям овладеть обществами? Церковь затрагивала притом все важнейшие вопросы, занимающие человека; она заботилась о решении всех вопросов человеческого духа, о жизни и участи человека. Поэтому-то и влияние ее на европейскую цивилизацию было чрезвычайно велико, больше, может быть, нежели каким представляли его самые ярые противники церкви или самые ревностные ее защитники, стремящиеся к одной цели — служить церкви или бороться с нею — и те и другие рассматривали влияние ее исключительно с политической точки зрения и, как мне кажется, не могли ни справедливо судить о нем, ни обнять его во всей его обширности.

Церковь представляется в V веке независимым, прочно устроенным обществом, стоящим между властителями мира, государями, обладателями светской власти, с одной стороны, и народонаселением — с другой. Она служила связующим звеном между ними и на всех распространяла свое влияние.

Чтобы вполне узнать и понять это действие, необходимо, следовательно, рассмотреть церковь с трех сторон. Сначала нужно изучить ее в ней самой, отдать себе отчет в ее свойствах, в ее внешнем устройстве, в принципах, господствовавших в ней, в ее сущности; затем исследовать ее отношения к светским властителям: королям, феодальным владельцам и пр.; на-

конец, определить ее отношения к народу. Когда же из такого тройственного исследования мы выведем полную картину церкви, ее начал, ее состояния, того влияния, которым она должна была отличаться, тогда мы проверим наши выводы историей; мы рассмотрим, согласуются ли факты, события V–XII веков с результатами, представляемыми нам изучением естественных свойств церкви и ее отношений как к светским властителям, так и к народу.

Начнем с самой церкви, с ее внутреннего состояния, с ее природы.

Прежде всего нас поражает факт, который, может быть, важнее всех прочих: это само существование церкви, существование церковного правительства, духовенства, духовной корпорации, сословия священнослужителей, религии, породившей жречество.

Для многих просвещенных людей, уже одни эти слова: сословия священнослужителей, духовная корпорация, церковное правительство, по-видимому, решают все. Люди эти убеждены, что религия, дошедшая до сословия священнослужителей, до законно устроенного духовенства, одним словом, религия, сопряженная с целю правительственной системой, имеет скорее вредное, нежели полезное влияние. По их мнению, религия есть чисто личное отношение человека к Богу, и всякий раз, когда она теряет этот характер, когда между человеком и предметом религиозных верований, т. е. Богом, становится внешний авторитет, всякий раз религия искажается, и обществу угрожает опасность.

Мы не можем оставить без рассмотрения этот вопрос. Чтобы понять влияние христианской церкви, надо знать, в чем состоит вообще влияние церкви, духовенства по самому свойству этого учреждения. Необходимо прежде всего определить, составляет ли религия явление чисто индивидуальное, вызывает ли, порождает ли она что-нибудь кроме интимных отношений человека к Богу; становится ли она между людьми источ-

ником новых отношений, из которых необходимо образуется религиозное общество со своим особым правительством.

Если ограничивать религию религиозным чувством в собственном смысле слова, вполне реальным, но в то же время несколько смутным, несколько неопределенным, единственною характеристикой которого могло бы служить само его имя, чувством, обращаясь то к внешней природе, то к таинным сторонам души человеческой, сегодня к поэзии, завтра к тайнам будущего, чувством, блуждающим повсюду, везде ищущим себе удовлетворения и нигде не останавливающимся, — повторяю, если ограничивать религию таким чувством, то она по необходимости должна остаться чисто индивидуальною. Подобное чувство может, конечно, вызвать людей к мгновенной ассоциации; оно может, должно даже, находить наслаждение в симпатии, питаться и укрепляться ею; но по своей колеблющейся, изменчивой природе, оно никогда не делается началом прочного обширного союза, не применится никакой системе правил, обрядов, форм; одним словом, не создаст ни религиозного общества, ни соответствующей ему правительственной системы.

Но, если я только не ошибаюсь, такое религиозное чувство не составляет полного выражения религиозной природы человека. Я думаю, что религия есть нечто совершенно иное и притом гораздо более важное.

В природе, в судьбе человека есть задачи, разрешение которых находится вне пределов земной жизни, которые связаны с порядком вещей, недоступным видимому миру; а между тем они непреодолимо тревожат душу человека, стремящегося во что бы то ни стало к разрешению их. Разрешение этих задач, верования, догматы, заключающие или по крайней мере имеющие притязание заключать в себе такое разрешение, — вот первый объект, первый источник религии.

К ней ведет еще другая дорога. Для тех из вас, кто хотя сколько-нибудь изучал философию, очевидно, я думаю, что нравст-

венные идеи существенно отличны от религиозных, что понятие о добре и зле, обязанность избегать зла и делать добро, — суть законы, которые человек находит в собственной своей природе, подобно законам логическим; источник их — в самом человеке, применение их — в его действительной жизни. Но из этих фактов необходимо рождается вопрос: где происхождение нравственности, и к чему ведет она? Эта обязанность делать добро, существующая сама по себе, представляет ли она независимый от всего факт, без причины и цели? Не скрывает ли она, или лучше сказать, не указывает ли она человеку на его происхождение, на его назначение, выходящее за пределы этого мира? Вопрос этот является сам собою, он неизбежен, чрез него именно нравственность и приводит человека к религии, открывает ему ту божественную сферу, с которою она сама состоит в тесном единстве.

Таким образом, с одной стороны, сама человеческая природа, с другой — необходимость найти происхождение — цель нравственности, составляют неиссякаемые источники религии. Область религии содержит в себе не одно только простое чувство, описанное нами; она представляет совокупность: 1) учений, возбужденных вопросами, которые носит в себе сам человек; 2) правил, соответствующих этим учениям и дающих смысл и силу естественной нравственности, и наконец, 3) обещаний, обращенных к надеждам человека на будущую жизнь. Вот составные части религии; вот какую она является на самом деле, представляя нечто несравненно большее, нежели простое видоизменение чувствительности, порыв воображения или особый род поэтического вдохновения.

Итак, по существу своему, по истинным своим элементам, религия представляется не чисто индивидуальным фактом, а могучим источником общности. Будем ли мы смотреть на нее, как на систему верований, догматов? Истина не принадлежит никому в особенности; она всемирна, безусловна; люди чувствуют в себе потребность общими силами искать

и исповедывать ее. Обратимся ли мы к правилам, проистекающим из религиозных учений? Закон, обязательный для одного лица, должен быть обязателен и для всех; нужно обнародовать его, доставить ему всеобщее господство. То же самое относится и к обещаниям, связанным с религиозными верованиями и правилами: надо распространять их, надо призывать всех к пользованию обещанными плодами. Таким образом, из существенных элементов религии рождается религиозное общество и рождается так неизбежно, что слово, выражающее самое энергичное из общественных чувств, самую настоятельную потребность распространения идей, расширения общества, есть слово «*прозелитизм*», преимущественно прилагаемое к религиозным верованиям, и, по-видимому, исключительно посвященное им.

Когда религиозное общество однажды образовалось, когда соединилось известное число людей с общими религиозными верованиями и надеждами, под действием общих религиозных правил, — для них необходимо правительство. Нет общества, которое могло бы просуществовать одну неделю, — что я говорю! — один час — без правительства. С самой первой минуты своего существования, вследствие самого факта этого существования, общество уже нуждается в правительстве, которое провозглашало бы истину, служащую соединительным звеном общества, которое бы объявляло и поддерживало правила, проистекающие из этой истины. Необходимость власти, правительства в религиозном обществе, как и во всяком другом, заключается в самом факте существования общества. Образование правительства происходит совершенно естественно. Едва ли возможно доискаться во всех подробностях каким образом, вообще, правительство водворяется и утверждается в обществе; одно лишь несомненно: при нормальном, закономерном течении дел, не нарушаемом вмешательством силы, власть достается способнейшим, лучшим людям, могущим повести общество к предназначенной цели. Идет ли

дело о военном предприятии? властью овладевают храбрейшие. Имеет ли общество своим предметом ученое исследование или предприятие? главою его является наиболее сведущий из членов. Когда мир предоставлен естественному своему течению, врожденное неравенство людей всюду получает свободное развитие; каждый занимает то место, какое способен занять. А в религиозном отношении, как и во всяком другом, люди не равны по талантам, способностям и силам. Один из них лучше всех прочих умеет представить религиозное учение в истинном его свете и покорить ему умы людей; другой имеет наиболее данных, чтобы утвердить действие религиозных правил; третий обладает особенным искусством в поддержании и оживлении религиозных чувствований и надежд. То же неравенство способностей и влияния, из которого порождается власть в гражданском обществе, порождает ее и в религиозном обществе. Миссионеры появляются и сознают свое призвание точно так же, как и полководцы. Итак, духовное правительство, с одной стороны, возникает из самой природы религиозного общества, а с другой — естественно развивается в нем под влиянием человеческих способностей и неравномерного их распределения. Лишь только в человеке зарождается религиозное чувство, как развивается и религиозное общество; лишь только является религиозное общество, как оно создает свое правительство, т. е. духовенство.

Но тут возникает сильное возражение. В религиозном обществе, скажут мне, нельзя ни приказывать, ни заставлять; никакое принуждение не может быть в нем законным. В нем нет места правительству, потому что должна существовать полная свобода.

Нет, мы составим себе весьма узкое и неправильное понятие о правительстве, если будем думать, что оно заключается исключительно или преимущественно в принудительном элементе, в той силе, с помощью которой достигается повиновение.

Я оставляю религиозную точку зрения и обращаюсь к гражданскому правительству. Следите, пожалуйста, вместе со мною за обычным ходом событий. Общество существует; во имя его, для его пользы надо совершить какое бы то ни было действие: издать закон, сделать распоряжение. Конечно, для удовлетворения каждой из этих общественных потребностей можно найти надлежащее средство; есть средство издать хороший закон, принять хорошую меру, произвести справедливое решение. Какова бы ни была цель предприятия, с каким бы оно ни было сопряжено интересом, — во всяком случае существует истина, к открытию которой должно стремиться, и от которой должен зависеть способ исполнения предприятия.

Первая обязанность правительства состоит в отыскании этой истины, в отыскании того, что справедливо, разумно, полезно для общества. Достигнув этой цели, правительство провозглашает результат своих усилий и затем старается заслужить всеобщее одобрение, доказать, что оно находится на прямом, настоящем пути. Есть ли во всем этом хотя бы что-нибудь принудительное? Решительно ничего. Теперь предположите, что истина, от которой зависело разрешение известного дела, найдена, провозглашена, и что вслед за тем все умы убеждены, все воли покорены ей; все признают, что правительство право, и добровольно, по собственному побуждению повинуются ему. И тут нет принуждения, нет повода к насильственным действиям, а между тем разве нет правительства? Разве во всем этом не видно его участие? Очевидно, что и здесь правительство действовало, исполняло свою задачу. Принуждение является только тогда, когда возникает сопротивление со стороны индивидуальной воли, когда идея, мера, принятая властью, не встречает всеобщего одобрения и добровольного повиновения. Тогда правительство вынуждает покорность силою: это необходимое последствие несовершенства человеческой природы, несовершенства, распространяющегося как на власть, так и на общество. Вполне обойтись без принуждения нельзя никогда; гра-

жданские правительства до известной степени всегда должны будут прибегать к силе. Несмотря на это, принудительная сила, очевидно, не составляет сущности правительства. Всякий раз, когда в ней не предстоит необходимости, правительства, к общему благополучию, действуют без нее, и высшее усовершенствование правительственной власти заключается именно в том, чтобы по возможности избегать принуждения, ограничиваясь чисто нравственными средствами, нравственным влиянием на людей. Чем реже правительство прибегает к принуждению, тем вернее оно истинной своей сущности, тем лучше оно исполняет свое призвание. Оно не отступает, не роняет своего значения, как это обыкновенно утверждают, а действует иначе, с несравненно большею силою. Правительства, употребляющие всего чаще принудительную силу, успевают вообще гораздо менее, нежели те, которые почти вовсе не употребляют ее. Обращаясь к разуму, убеждая свободную волю, действуя чисто нравственными средствами, правительство не только не уменьшает, но расширяет, возвышает свое значение; тогда именно совершает оно наиболее дел, и притом дел истинно великих. Наоборот, беспрерывно употребляя принуждение, оно стесняет, суживает сферу своих действий, совершает весьма немногое, да и это немногое совершает дурно.

Итак, сущность правительства отнюдь не заключается в принуждении, в употреблении силы. Для образования правительства нужна в особенности такая система средств и сил, которая имела бы целью достигнуть наилучшего разрешения каждого отдельного случая, открыть какую-либо социальную истину и ввести эту истину в умы, убедить людей к добровольному принятию ее. После этого не трудно понять, что правительство может существовать, может быть необходимым и в таком обществе, в котором нет повода к принуждению или даже где оно безусловно не допускается.

Все сказанное выше применяется и к правительству религиозного общества. Конечно, оно не должно употреблять при-

нудительной силы; употребление ее, с какою бы то ни было целью, было бы незаконно уже потому, что единственным поприщем действия духовенства есть человеческая совесть; но, несмотря на отсутствие принудительной силы, духовное правительство существует и должно исполнять все те действия, которые изложены мною. Оно должно искать, каким религиозным учением объясняются загадочные стороны назначения человека, а если уже есть общая система верований, в которой разрешены эти вопросы, то открывать и выставлять в истинном свете последствия системы в применении к каждому отдельному случаю. Оно должно провозглашать и поддерживать правила, соответствующие такому учению, должно проповедывать и объяснять их, и, когда общество заблуждается, напоминать ему о них. Тут нет ничего принудительного; изыскание, проповедывание, объяснение религиозных истин, в случае надобности — увещание, порицание — вот в чем заключается задача и обязанность духовного правительства. Уничтожьте всякую возможность принуждения — все существенные вопросы правительственной организации не перестанут заявлять себя и требовать разрешения. Вопрос, например, о том, необходимо ли сословие духовных должностных лиц, или же можно довериться религиозному вдохновению каждого человека; вопрос спорный между большею частью религиозных обществ и сектою квакеров, всегда будет существовать и требовать обсуждения. Если признать необходимость духовенства, тогда возникает другой вопрос: чему следует отдать предпочтение — системе ли равенства, т. е. сословию должностных лиц, равных между собою и управляющих по общему соглашению, или же иерархическому устройству, допускающему различные степени власти. И этот вопрос не исчезнет, хотя бы духовенство было лишено всякой принудительной власти. Итак, ошибочно было бы разрушать религиозное общество для того, чтобы иметь право уничтожить и духовное правительство; гораздо правильнее будет признать, что религиозное общество образу-

ется естественно, само собою; что из него столь же естественно проистекает духовное правительство и что главная задача, подлежащая разрешению, состоит в том, на каких условиях должно существовать это правительство, в чем заключаются его основы, принципы, условия его законности. Вот существенный вопрос, к которому приводит существование духовного правительства, столь же необходимого, как и всякое другое.

Условия законности одни и те же и для духовного правительства, и для всех других; условия эти сводятся к двум главным: *первое*, чтобы власть всегда находилась — по крайней мере насколько это возможно в пределах человеческого несовершенства — в руках лучших и способнейших людей; чтобы законное превосходство, разбросанное в обществе, было отыскано, выставлено в настоящем свете и призвано к раскрытию общественного права, к отправлению общественной власти; *второе*, чтобы власть, законно установленная, уважала законную свободу подчиненных ей лиц. Надлежащая система организации власти, надлежащая система гарантий для личной свободы — вот два условия, с которыми связано истинное достоинство всякого вообще правительства, духовного или светского. Таковы данные для произнесения над правительством окончательного приговора.

Итак, вместо того, чтобы упрекать церковь — правительство христианского мира — за самое существование ее, надобно определить, как было устроено это правительство, соответствовали ли его принципы двум существенным условиям всякого нормального правительства. Рассмотрим же церковь по отношению к этим двум условиям.

Когда говорят о порядке возникновения и передачи власти в христианской церкви, то весьма часто обозначают духовенство таким словом, которое вовсе не подходит к нему и которое нужно устранить; это слово — *каста*. Сословие церковных должностных лиц часто называют кастой. Выражение это неверно: идея касты предполагает идею наследственно-

сти. Окиньте взглядом весь мир, возьмите все страны, в которых существовали касты, Индию, Египет, — вы увидите, что существенным признаком каст везде была наследственность, то есть переход одного и того же общественного состояния, одной и той же власти от отца к сыну. Где нет наследственности, там нет и касты, а есть корпорация. Дух корпорации имеет свои невыгодные стороны, но он резко отличается от духа касты. К христианской церкви неприменимо название касты. Безбрачность священников сделала невозможным обращение католического духовенства в касту¹.

Вы понимаете, конечно, все последствия такого различия. С системою касты, с фактом наследственности неразрывно связано понятие о привилегии; оно вытекает из самого определения слова *каста*. Когда одни и те же должности, одна и та же власть делаются наследственными в одних и тех же семействах, — ясно, что с этими должностями соединена привилегия, что никто не может приобрести их независимо от своего происхождения. Так действительно и случилось: там, где церковное правительство переходило в руки касты, оно становилось предметом привилегии; оно делалось доступным только для людей, принадлежавших к касте. Ничего подобного не встречается в христианской церкви; напротив того, она постоянно поддерживала начало равного допущения всех людей, каково бы ни было их происхождение, к отправлению всех церковных должностей, к получению всех церковных почестей. Духовное поприще, особенно в промежуток времени между V и XII веками, было открыто для всех. Ряды духовенства пополнялись из всех классов, из низших, как и из высших, и даже преимущественно из низших. Вокруг него все делалось предметом привилегии; оно одно поддерживало на-

¹ Хотя безбрачия духовенства не существует в иных христианских исповеданиях, но и там не могло возникнуть касты, ибо избрание любого рода деятельности не допускало возникновения таковой.

чало равенства, конкуренции; оно одно облекало властью всякое законное превосходство. Вот первое важное и естественное последствие того факта, что церковь была корпорацией, а не кастой.

Переходим к другому последствию того же факта. Каста отличается духом неподвижности. Это положение не нуждается в доказательствах. Откройте историю и вы увидите, что дух неподвижности овладевает всяким обществом, в котором господствует каста. В известные эпохи и до известной степени проявлялась, правда, и в христианской церкви боязнь прогресса. Но нельзя сказать, чтобы это чувство преобладало в ней; нельзя сказать, чтобы христианская церковь оставалась неподвижной в течение веков; напротив, она постоянно находилась в движении, побуждаемая то нападениями внешней оппозиции, то собственной потребностью в реформе и внутреннем развитии. Вообще говоря, это общество постоянно изменяющееся, движущееся, имеющее разнообразную и прогрессивную историю. Нет сомнения, что равное допущение всех к церковным должностям, постоянное пополнение церкви на основании принципа равенства, могущественно содействовало поддержанию и непрерывному одушевлению в ней движения и жизни и не позволяло восторжествовать духу неподвижности, застоя.

Каким же образом церковь, доступная для всех людей, удостоверялась в праве их на обладание властью? Каким образом открывалось и выдвигалось вперед из недр общества всякое законное превосходство, имеющее право на участие в духовном правительстве?

Два начала господствовали в церкви: 1) избрание низшего высшим, выбор, назначение; 2) избрание высшего подчиненными, т. е. избирательство в тесном смысле, как мы теперь это понимаем.

Посвящение в священники, например, право сделать кого-либо священником, принадлежало одному только высшему

духовенству; выбор подчиненного в этом случае производился начальником. Точно так же, при раздаче некоторых церковных бенефиций, связанных с феодальными обязанностями, назначение владельцев находилось в руках высших лиц: короля, папы или сеньора. В других случаях, действовал принцип избирательства в тесном смысле слова. В рассматриваемую нами эпоху право избрания епископов долго принадлежало всему духовенству; иногда в этом участвовали и миряне. В монастырях аббат избирался монахами. В Риме папы избирались коллегиею кардиналов, а до учреждения этой коллегии — всем римским духовенством. Итак, в рассматриваемую нами эпоху, в церкви существовали и действовали оба начала, по которым может происходить установление и признание власти: выбор низшего высшим и избрание высшего подчиненными; тем или другим путем выдвигались люди, призванные к обладанию известною долею церковной власти.

Эти два начала не только существовали друг подле друга, но, существенно различные между собою, находились в постоянной борьбе. По прошествии многих веков, после многих переворотов, назначение низшего высшим получило перевес в христианской церкви. Но между V и XII веками преобладало еще, вообще говоря, противоположное начало — избрание высшего подчиненными. Не следует удивляться одновременному существованию двух столь различных начал; взгляните на общество, на естественный ход исторических событий: вы увидите, что везде передача власти совершается тем и другим из указанных мною способов. Церковь не изобрела их; она нашла их уже выработанными вековою деятельностью человеческого рода и оттуда заимствовала их. И в том, и в другом способе есть своя доля истины и пользы. Их соединение часто было бы лучшим средством к установлению законной власти. К несчастью, один только из этих способов — назначение низшего высшим — получил преобладание в церкви, хотя, впрочем, и другой никогда не исчезал в ней окончательно. Под раз-

ными наименованиями, с большим или меньшим успехом, он появлялся в ней во все эпохи, с такою, по крайней мере, силою, что мог протестовать и нарушать течение давности.

В рассматриваемое нами время, христианская церковь почерпала неиссякаемую силу в своем уважении к равенству и к законным превосходствам. Это было самое популярное общество, самое доступное, открытое для всех талантов, для всех благородных стремлений человеческой природы. Этим она в особенности обязана своим могуществом, гораздо более, чем своим богатством и незаконным средствам, к которым она, к сожалению, слишком часто прибегала.

Что касается до второго условия нормального правительства — уважения к свободе — то с этой стороны церковь оставляла желать весьма многое.

В ней выработалось два дурных начала: одно признанное, воплощенное, так сказать, в учении церкви; другое — введенное в ее среду человеческою слабостью, но отнюдь не как естественное последствие христианского учения.

Первое начало — отрицание прав личного разума, притязание на передачу верований сверху вниз, во все религиозное общество, без предоставления кому бы то ни было права самостоятельной оценки их. Возвести такое притязание в принцип легче, чем доставить ему действительное преобладание. Убеждение не входит в разум человека, если сам разум не пролагает ему к себе дорогу; нужно, чтобы убеждение сумело заставить принять себя. В каком бы виде оно не представлялось, какое бы имя ни носило, разум всматривается в него, и если оно проникает в разум, то, следовательно, оно принято им. Человеческий разум постоянно действует под различными формами на идеи, которым стараются подчинить его. Несомненно, впрочем, что разум может сбиваться с истинного пути; он может, до известной степени, отречься от своего назначения, ограничить сферу своей деятельности; он может быть приведен к злоупотреблению

своими силами или к неполному пользованию ими. Таково было весьма часто последствие вредного начала, принятого церковью; но что касается до полного и совершенного действия этого принципа, то оно никогда не имело и не могло иметь места.

Второе дурное начало — это право принуждения, присвоенное себе церковью, право, противоречащее самому свойству религиозного общества, происхождению церкви, ее первоначальным правилам: право, оспаривавшееся многими из знаменитейших отцов церкви, св. Амвросием, св. Гиларием, св. Мартином, но тем не менее приобретающее перевес и стремившееся к преобладанию. Притязание вынуждать верование — если только эти два слова могут быть поставлены друг подле друга — или материально наказывать за верование, преследование ереси, т. е. пренебрежение законной свободы человеческой мысли — вот заблуждение, которое проникло в церковь еще гораздо ранее V столетия и весьма дорого обошлось ей.

Итак, рассматривая церковь в отношении к свободе ее сынов, нельзя не признать, что начала ее по этому предмету были менее законны, менее благотворны, нежели по предмету образования церковной власти. Не должно, однако, думать, что одно дурное начало влечет за собою радикальную порчу учреждения и что оно действительно причиняет все то зло, которое носит в самом себе. Ничто так не извращает истории, как логика: ум человеческий, остановившись на одной идее, извлекает из нее все возможные последствия, заставляет ее произвести все зависящие от нее действие и в этом виде вносит ее в историю. На самом деле бывает совсем не то: события не так скоры в своих выводах, как ум человеческий. Во всем и везде существует такая глубокая, неизбежная смесь добра и зла, что куда бы мы ни проникли, во всех самых сокровенных элементах общества или души человеческой мы найдем одновременное существование, одновременное развитие этих двух фак-

тов, борющихся между собою, но не исключających друг друга. Человеческая природа никогда не доходит до последних пределов добра или зла; она непрерывно переходит от одного к другому, восставая в ту минуту, когда, по-видимому, она всегда ближе была к падению, ослабевая, когда, по-видимому, шла самыми твердыми стопами. И здесь мы встречаем тот характер нестройности, разнообразия, борьбы, который я уже признал отличительным признаком европейской цивилизации. Кроме того, есть еще один общий факт, свойственный церковному правительству и требующий внимательного изучения.

В настоящее время, говоря о каком бы то ни было правительстве, мы знаем, что оно имеет притязание управлять только внешними действиями человека, гражданскими отношениями людей между собою: этим, по собственному признанию правительств, ограничивается их обязанность. Что касается до человеческой мысли, совести, нравственности в тесном смысле слова, личных мнений и нравов, то во все это правительства не вмешиваются, во всем этом господствует свобода.

Христианская церковь действовала и хотела действовать совершенно иначе: она старалась управлять именно человеческою мыслью, человеческою свободою, нравами, личными мнениями. Она не установила кодекса, подобного нашим, в котором определялись бы только проступки, в одно и то же время противные нравственности и опасные для общества, — кодекса, по которому влекли бы за собою наказание только действия, соединяющие в себе этот двойственный характер; она составила перечень всех поступков нравственно преступных, т. е. грехов, и для всех их установила меры взыскания и предупреждения. Словом, церковное правительство, в противоположность новейшим, обращалось не к внешнему человеку, не к чисто гражданским отношениям людей между собою, а к внутренней природе человека, к его мысли, свободе, ко всему, что есть в нем самого задушевного, свободного, непокорного принуждению. Итак, по самой сущности своей за-

дачи, равно, как и по смыслу некоторых основных начал своей правительственной организации, церковь легко могла быть увлечена к тирании, к незаконному употреблению силы. Но, с другой стороны, сила эта возбуждала непобедимое противодействие. Как бы мало не оставалось у них простора и движения, человеческая свобода и мысль энергически сопротивляются всякой попытке, направленной к их подчинению, и беспрестанно заставляют тяготеющий над ними деспотизм отрекаться от своих притязаний. Это происходило и в недрах христианской церкви. Мы видим преследование ереси, осуждение права личного анализа, презрение к человеческому разуму, принцип повелительной передачи учений путем авторитета. А между тем найдите общество, где бы личный разум развивался с большею смелостью, нежели в церкви! Что такое секты, ереси, как не плод личных, отдельных мнений? Секты, ереси, вся оппозиционная партия в христианской церкви служит неопровержимым доказательством господствовавшей в ней жизни, нравственной деятельности — жизни бурной, трудной, усеянной опасностями, заблуждениями, преступлениями, но благородной и сильной, давшей место развитию лучших сторон ума и воли. Оставьте оппозицию и вступите в самые недра церковного правительства; вы увидите, что устройство и деятельность его далеко не соответствует некоторым принятым в нем началам. Оно отрицает право исследования, оно хочет уничтожить свободу личного разума, а между тем беспрестанно обращается к разуму; господствующий в нем факт — свобода. В чем состоят его учреждения, его способы действия? В провинциальных, национальных, вселенских соборах, в постоянной корреспонденции, постоянном обнаружении писем, увещаний, сочинений. Никакое правительство не прибегало так часто к совещаниям, к общему обсуждению дел. Можно подумать, что находишься в греческой философской школе; а между тем дело идет не об ученом споре, не об изыскании отвлеченных истин — дело идет о власти,

о принятии административных мер, об издании законов, словом, о правительстве. Но в недрах этого правительства умственная жизнь была так сильна и энергична, что она сделалась господствующим фактом, подчинившим себе все другие; везде видно действие разума и свободы.

Несмотря на все вышесказанное, я далек от той мысли, что дурные начала, которые я старался отличить и которые, по моему мнению, существовали в системе церковного правительства, остались без всяких последствий. В изучаемую нами эпоху они уже приносили горькие плоды, а позже принесли плоды еще гораздо более горькие, но они не сделали всего того зла, которое могли сделать, они не заглушили добра, возраставшего на той же почве.

Такова была церковь, сама по себе, в своем внутреннем состоянии, по своей природе. Рассмотрим теперь ее отношения к государям, к светским владыкам; это вторая точка зрения, с которой мы должны изучить ее.

После падения империи, когда вместо древнего римского устройства, среди которого родилась и развилась церковь, с которым она имела общие обычаи, старинные связи, она увидела себя лицом к лицу с варварскими королями, варварскими военачальниками, скитавшимися по всей территории и поселившимися в замках, с людьми, у которых не было еще ничего общего с нею, ни преданий, ни верований, ни чувств, она почувствовала себя в большой опасности и невольно была объята ужасом.

Одна идея сделалась господствующею в церкви — овладеть этими новыми пришельцами, обратить их в христианскую веру. Сношения церкви с варварами сначала не имели почти никакой другой цели.

Чтобы действовать на варваров, нужно было преимущественно обращаться к их чувствам и воображению. Оттого-то в то время и увеличивается число, великолепие, разнообразие религиозных церемоний. Летописи свидетельствуют

о том, что этим средством церковь всего удачнее действовала на варваров; она обращала их красотой представляемых ею зрелищ.

Когда варвары утвердились в завоеванных землях и приняли крещение, когда между ними и церковью установилась некоторая связь, церковь тем не менее продолжала подвергаться с их стороны довольно большим опасностям. Грубость, запальчивость варваров были так велики, что новые верования и чувства, внушенные им, имели над ними очень мало власти. Насилие легко одерживало верх, и церковь, подобно остальному обществу, делалась жертвою его. Для защиты своей, церковь провозгласила начало, выраженное, хотя и не столь определенно, еще во времена империи — начало отделения духовной власти от светской и их взаимной независимости. С помощью этого начала церковь вела свободную жизнь рядом с варварами, она утверждала, что сила не имеет никакого влияния на систему религиозных верований, надежд, обещаний, что духовный мир и светский должны существовать совершенно независимо друг от друга.

Отсюда ясно, какие благотворные последствия проистекали из этого начала. Независимо от временного значения его для церкви, оно принесло еще ту неоцененную пользу, что положило начало разделению властей, контролирование одной из них другою.

Кроме того, поддерживая независимость умственного мира вообще, в целом его составе, церковь подготовила независимость умственного мировоззрения каждого отдельного человека, независимость личной мысли. Церковь утверждала, что система религиозных верований не может подпасть под иго силы; каждое отдельное лицо, естественно, стало применять к самому себе этот взгляд. Принцип свободного анализа, свободы личной мысли, решительно совпадает с принципом независимости духовного авторитета вообще в отношении к светской власти.

К сожалению, от потребности в свободе нетрудно перейти к жажде преобладания. Это случилось и в недрах церкви: вследствие естественного развития в ней честолюбия и гордости, церковь вознамерилась утвердить не только независимость, но и господство духовной власти над светскою. Не следует, однако, думать, что единственным источником этого намерения была слабость человеческой природы; оно имело и другие, более глубокие и важные причины.

Когда в мире идей господствует свобода, тогда человеческая совесть и мысль не подчинены власти, которая бы оспаривала у них право свободного обсуждения и решения, которая бы употребляла против них силу; когда нет внешнего, твердо установившегося духовного правительства, которое бы домогалось права предписывать мнения и пользовалось этим правом, тогда едва ли может возникнуть идея преобладания духовной власти над светскою. Таково, отчасти, современное положение. Но когда — как это было в X веке — существует правительство духовного мира, когда мысль и совесть подчинены законам, учреждениям, властям, присвоившим себе право приказывать и принуждать, одним словом, когда духовная власть устроена твердо и прочно, когда она, во имя права и силы, действительно овладела человеческим разумом и совестью, тогда она, естественно, должна предъявить притязания на господство над светскою властью. «Как! Я имею право, имею влияние на все, что только есть в человеке возвышенного и независимого, на его мысль, волю, совесть, а между тем не буду иметь господства над его внешними, материальными, мирскими интересами! Неужели я, орган справедливости и истины, не могу определить и светские, мирские отношения сообразно с справедливостью и истиною?» В силу одного этого умозаключения, духовная власть должна была стремиться к вторжению в область светской власти. И это тем более, что духовный мир обнимал собою в то время решительно все стороны развития человеческого духа. Была только одна наука — богословие, один

духовный мир — богословский; все другие науки: риторика, арифметика, даже музыка — были не чем иным, как отраслями богословия. Находясь таким образом во главе всей умственной жизни людей, духовная власть, естественно, должна была стремиться к общему владычеству над миром.

К тому же влекла ее и другая причина: ужасное состояние мира, насилие, неправда, господствовавшие в гражданском правительстве тогдашних обществ. В рассматриваемую нами эпоху, светская власть была грубою силою, неукротимым грабежом. Церковь, как ни несовершенны были еще ее понятия о нравственности и справедливости, стояла несравненно выше такого светского правительства; голос народов постоянно призывал ее занять его место. Когда папы или епископы провозглашали, что такой-то государь потерял свои верховные права, что подданные его разрешены от данной ими присяги на верность — это вмешательство, без сомнения, служившее поводом к важным злоупотреблениям, в некоторых отдельных случаях нередко бывало законно и благотворно. Вообще, когда люди были лишены свободы, место ее всегда заступала для них религия. В X веке народы не были в состоянии защищать свои права от злоупотреблений светской власти; религия принимала их сторону во имя веры. В этом заключается одна из причин, наиболее содействовавших победам теократического начала.

Третья, слишком мало, по моему мнению, исследованная причина того же явления — это положение владык церкви, многообразное значение, которое они имели в обществе. С одной стороны, они были прелатами, членами духовенства, представителями духовной власти и, следовательно, независимы; с другой стороны, они были вассалами и в качестве таковых не чуждыми гражданского феодализма. Это еще не все: будучи вассалами, они были и подданными; многое из древних отношений римских императоров к епископам перешло в отношения духовенства к варварским государям.

Вследствие целого ряда событий, изложение которых потребовало бы слишком много времени, епископы считали варварских государей отчасти преемниками римских императоров и наследниками прав их. Итак, высшие члены духовенства имели тройственный характер: они были духовными сановниками, вполне независимыми; затем феодальными владельцами, подчиненными известным обязанностям и повинностям, и, наконец, простыми подданными, повинующимися самодержавному государю. Последствия такого положения были следующие: светские властители, не менее епископов алчные и честолюбивые, часто пользовались правами своей верховной или феодальной власти для нарушения духовной независимости и для получения права раздачи бенефиций, назначения епископов и т. п. Епископы, со своей стороны, часто прикрывались своею духовною независимостью для того, чтобы отказаться от исполнения обязанностей, лежавших на них как на вассалах или подданных; с обеих сторон было сильное искушение: для государей — к уничтожению духовной независимости, а для верховных членов духовенства — к употреблению духовной независимости как средства к приобретению всемирного преобладания.

Этот результат обнаружился в фактах всем известных, в споре об инвеституре, в борьбе папской власти с империею. Разнообразие прав и обязанностей высших духовных лиц и трудность соглашения их — вот истинный источник неопределенности и борьбы всех этих притязаний.

Наконец, церковь имела еще третий род отношений к государям, для нее наиболее губительный. Она имела притязания на право принуждения, она хотела стеснять и карать еретиков; но у нее самой не было средств к осуществлению этого намерения; она не располагала никакою материальною силою; осудив еретика, она ничего не могла предпринять для исполнения своего приговора. Как же поступала она? Она прибегала к тому, что называлось светскою силою; как средство принуждения она

употребляла гражданскую власть. Отношение ее к этой власти становилось вследствие этого зависимым и подчиненным. Печальная необходимость, к которой привело ее принятие дурного начала, принципа принуждения и преследования.

На этом мы остановимся; время не позволяет нам исчерпать в этой лекции весь вопрос о церкви. Нам остается познакомиться с ее отношениями к народу, показать, какие принципы господствовали в этих отношениях, какие последствия они должны были иметь для общей цивилизации. Потом мы постараемся подтвердить историею, фактами, церковными переворотами от V до XII века те выводы, которые мы сегодня извлекли из самого свойства учреждений и начал церковного устройства.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Отделение лиц правящих от лиц управляемых в христианской церкви. – Влияние мирян на духовенство. – Набор духовенства во всех классах общества. – Влияние церкви на общественный порядок и на законодательство. – Система духовных наказаний. – Исключительно богословское развитие человеческого духа. – Церковь вообще становится на сторону власти. – Различные состояния церкви от V до XII века: 1) императорская церковь; 2) варварская церковь; развитие начала разделения властей; монашеские ордена; 3) феодальная церковь; попытки организации; потребность в реформе; Григорий VII. – Теократическая церковь. Возрождение духа исследования; Абельяр. – Движение общин.

В последней нашей лекции мы успели исследовать состояние церкви от V до XII века. Мы убедились, что она должна быть рассмотрена с трех сторон: прежде всего в самой себе, во внутреннем ее устройстве, в ее сущности как отдельное и независимое общество; затем в отношениях ее к государям, к светской власти, и наконец, в отношениях ее к народам; но мы исполнили только первые две части этой задачи. Теперь нам остается познакомиться с церковью в ее отношениях к народам. Затем мы попытаемся определить, на основании этого исследования, общее влияние церкви на европейскую цивилизацию от V до XII века. Наконец, мы проверим наши выводы фактами, самую историю церкви в эту эпоху.

Не трудно понять, что, говоря об отношениях церкви к народам, мы по необходимости ограничимся самыми общими чертами. Мы не можем войти в подробное рассмотрение всех обычаев церкви, каждодневных отношений духовенства к ми-

рянам. Я должен представить вам только главнейшие начала и важнейшие последствия системы и образа действий, которых держалась церковь в отношении к христианскому миру.

Весьма характерный факт и, можно сказать, коренной недостаток отношений церкви к народам — это отделение лиц правящих от лиц управляемых, отсутствие всякого влияния со стороны последних на первых, независимость христианского духовенства от общества верующих.

Без сомнения, это зло было неизбежным последствием того состояния, в котором находились и человек, и общество, потому что оно весьма рано появилось в христианской церкви. В рассматриваемое нами время отделение духовенства от народа совершилось еще не вполне. В известных случаях, например при избрании епископов, по крайней мере иногда допускалось еще непосредственное участие христианского народа. Но это участие все более и более ослабевало, проявлялось все реже и реже. Стремление к отчуждению, к независимости духовенства составляет как бы самую историю церкви, начиная с ее колыбели.

Нельзя не сознаться, что отсюда возникла большая часть злоупотреблений, которые уже с того времени, а тем более впоследствии, так дорого стоили церкви. Не следует, однако, обвинять ее в этом безусловно, не следует считать стремление к отчуждению свойственным одному только христианскому духовенству. В самой природе религиозного общества есть сильная склонность превозносить правящих над управляемыми, приписывать первым нечто особенное, божественное. Это — следствие самого призвания их, того значения, которое они имеют в глазах народа. Но в религиозном обществе такое явление губительнее, чем в каком бы то ни было другом. Религиозное общество имеет дело с разумом, совестью, будущей судьбою людей, т. е. с тем, что только есть в них душевного, личного, свободного. Понятно, до известной степени, что человек может предоставлять внешней власти управление

своими материальными интересами, своею земною участью, хотя и отсюда должно проистекать для него не мало зла. Я понимаю того философа, который на извещение, что в его доме пожар, отвечал: «Скажите об этом жене: я не вмешиваюсь в хозяйственные дела». Но когда дело идет о совести и мысли, о внутренней природе человека, тогда отречение от права управлять самим собою, подчинение посторонней власти, есть нравственное самоубийство, рабство сто раз худшее крепостной зависимости.

Таково между тем было зло, которое хотя и не достигло полного развития, как это мы сейчас докажем, но все более и более усиливалось в христианской церкви, в ее отношениях к мирянам. Мы уже видели, что свобода не была достаточно обеспечена даже в недрах церкви, для самих членов духовенства. Тем незначительнее были гарантии свободы вне церкви для мирян. Между членами духовенства бывали по крайней мере споры, совещания, содействующие развитию умственных сил; движение распрей отчасти заменяло свободу. Ничего подобного не было между духовенством и народом. Миряне в отношении к духовному правительству были не чем иным, как простыми зрителями. Уже весьма рано родилась и укрепилась идея, что богословие, религиозные вопросы и дела составляют исключительную принадлежность духовенства, что духовенство одно имеет право заниматься ими и тем более решать их без всякого вмешательства со стороны мирян. В изучаемую нами эпоху эта теория была уже в полной силе; нужны были целые столетия и страшные перевороты, чтобы разрушить ее, чтобы сделать религиозные вопросы и науку общественным достоянием. Итак, отделение духовенства от христианского народа совершилось почти вполне как в теории, так и на практике еще до XII века.

Из этого еще не следует заключать, что даже и в то время христианский народ не имел никакого влияния на свое правительство. Он терпел недостаток не во влиянии, а в праве

законного участия в делах управления. Совершенная безгласность народа немислима вообще, а в особенности при таком правительстве, которое основано на верованьях, общих для правящих и управляемых. Везде, где только развивается такая общность идей, где одно и то же умственное движение увлекает за собою и правительство, и народ, там устанавливается между ними необходимая связь, которую не может вполне уничтожить никакой недостаток правительственной организации. Чтобы яснее выразить мою мысль, я возьму пример, близкий к нам и к нашему политическому миру: никогда, ни в какую эпоху своей истории, французский народ не имел менее законного влияния на свое правительство, как в XVII и в XVIII веках, при Людовиках XIV и XV. Всем известно, что в это время почти вовсе не было учреждений, которые могли бы служить органом народного голоса; не существовало почти никакого прямого и официального вмешательства народа в дела правительства. А между тем нет сомнения, что народ пользовался тогда гораздо большим влиянием на свое правительство, нежели в то время, когда часто созывались генеральные штаты (*états généraux*), когда парламенты часто вмешивались в политику, когда законное участие народа в делах управления было несравненно сильнее.

Следовательно, есть сила, которая не заключается в законах и в случае необходимости умеет обойтись без учреждений — сила идей, разума, общественного мнения. Во Франции в XVII и XVIII столетиях общественное мнение было несравненно сильнее, чем в какую бы то ни было другую эпоху. Не имея законных средств влияния, оно влияло на правительство косвенно — силою идей, разделяемых и правящими, и управляемыми, необходимостью, в которую были поставлены первые обращать внимание на мнение последних. Подобный факт имел место в христианской церкви между V и XII веками. Конечно, христианскому народу не доставало законных средств действия; но в области религии совершалось большое

умственное движение; это движение распространялось в одно и то же время и на мирян, и на духовенство, и таким образом давало первым возможность действовать на последнее.

Вообще, при изучении истории, следует обращать большое внимание на косвенные влияния; они гораздо действительнее и иногда несравненно благотворнее, нежели обыкновенно думают. Человеку свойственно желание действовать быстро, открыто, желание присутствовать при своем собственном успехе, торжестве и наслаждаться своим могуществом. Исполнение этого желания не всегда возможно, даже не всегда полезно. Есть времена, положения, в которых одни только косвенные и невидимые влияния бывают выгодными и ведут к цели. Приведем еще пример из политического мира. Английский парламент, как и многие другие подобные собрания, неоднократно — например в 1641 году — требовал права непосредственно назначать главнейших членов высшего правительства: министров, государственных советников и т. п. Он признавал такое прямое влияние на правительство огромною и верною для себя гарантиею. Иногда он и пользовался им, но всегда безуспешно. Назначения были неудовлетворительны, дела управления шли плохо. Между тем, что мы видим теперь в Англии? Не от влияния ли Палат зависит образование министерства, назначение всех высших сановников? Да, но это влияние косвенное, а не прямое. Цель, к которой так долго стремилась Англия, достигнута, но другим путем; первым она никогда не могла бы прийти к желаемому результату.

Всему этому есть причина, на которой необходимо несколько остановиться. Прямое влияние требует со стороны лиц, облеченных им, гораздо более познаний, осторожности, благоразумия. Кто имеет возможность быстро и неуклонно идти к своей цели, тот должен быть твердо уверен, что достигнет ее. Косвенные влияния, наоборот, действуют среди затруднений и испытаний, сдерживаются, исправляются ими. Прежде, нежели достигнуть цели, они подвергаются обсуждению, напа-

дениям, поверке. Само торжество их бывает медленно, условно, неполно. Вот почему, когда степень развития и зрелости умов еще не позволяет вверить им с полной безопасностью прямое, непосредственное влияние и действие, нельзя не отдать предпочтения влияниям косвенным, при всей, во многих случаях, неполноте, недостаточности их. Такого именно рода и было влияние христианского народа на свое правительство, влияние неполное, без сомнения, слишком недостаточное, но тем не менее действительное и постоянное.

Существовала и другая причина сближения между христианскою церковью и мирянами: это распределение, если можно так выразиться, христианского духовенства между всеми общественными сословиями. Везде, где церковь получила устройство, независимое от управляемого ею народа, сословие священнослужителей почти всегда состояло из людей, находящихся в более или менее одинаковом положении. Могло и между ними существовать довольно важное неравенство; но, вообще говоря, духовная власть принадлежала корпорациям священников, живших одною общею жизнью и из глубины храма управлявшим народом, послушным их закону. Христианская церковь была организована совершенно иначе. Везде, начиная с жалкого жилища колона или раба, у подножья феодального замка и до королевского дворца, везде находился священник, член духовенства. Духовенство находилось в тесной связи со всеми сословиями. Такое разнообразие в положении христианских священников, разделявших судьбу всех классов общества, было великим соединительным началом между духовенством и мирянами, началом которого по большей части лишены церкви, образующие духовное правительство. Кроме того, духовные лица входили, как уже было сказано, в состав феодальной организации: они были в одно и то же время членами иерархий гражданской и церковной. Отсюда — интересы, обычаи, нравы, общие и светскому, и церковному миру. Часто, не без основания, порицают епископов, ходивших

на войну, священников, которые вели светский образ жизни. Несомненно, это было большое зло, но все же менее вредное, нежели в других странах, где духовные лица никогда не выходили из храма, жили совершенно отдельно от общества. Епископы, до известной степени участвующие в гражданских беспорядках, предпочтительны священнослужителям, совершенно чуждым народу, его занятиям и нравам. В христианском мире между народом и духовенством существовало такое равенство положения и участи, которое если не устраняло, то, по крайней мере, уменьшало вредные последствия отделения лиц правящих от лиц управляемых.

Теперь, доказав действительность такого отделения и определив его пределы, посмотрим, как управляла христианская церковь, каким образом она действовала на народы, подчиненные ее власти. Что предпринимала она, с одной стороны, для умственного развития человека, для нравственного усовершенствования отдельных лиц, с другой — для улучшения общественного быта?

Что касается до развития отдельных лиц, то оказывается, что в рассматриваемое нами время христианская церковь не много заботилась о нем: она старалась внушить сильным мира более мягкие чувства, более справедливости, более гуманности в их отношениях к слабым; в слабых она поддерживала нравственную жизнь, чувства, надежды, высшие тех, на которые обрекла их повседневная их деятельность. Но для личного развития в собственном смысле этого слова, для облагораживания и возвышения духовной природы человека, христианская церковь сделала немного, по крайней мере в отношении к мирянам. Все, что она сделала в этом направлении, ограничивалось только средою церковного общества; она много заботилась о развитии духовенства, об образовании священников; для них у нее были школы и все учреждения, какие только возможны были во время печального состояния тогдашнего мира. Но это были учреждения церковные, пред-

назначенные для образования духовных лиц; вне этой сферы, влияние церкви на прогресс идей и нравов было косвенно и медленно. Без сомнения, христианская церковь возбуждала всеобщую умственную деятельность, открывая широкое поприще для всякого, кого признавала способным служить ей; но в этом и заключается почти все, что она делала в то время для умственного развития людей, не принадлежавших к церковному обществу.

Несравненно обширнее и действительнее было, по моему мнению, влияние церкви на улучшение общественного быта. Несомненно, что она упорно боролась с важнейшими недостатками этого быта, например с рабством. Многие утверждали, что уничтожением рабства в новом мире мы вполне обязаны христианству. Я нахожу это мнение преувеличенным: рабство долго существовало в недрах христианского общества, не возбуждая в нем большого удивления или сильного негодования. Необходима была масса причин, сильное развитие других идей, других основ цивилизаций, чтобы уничтожить это страшное зло, эту несправедливость из всех несправедливостей. Однако и церковь, несомненно, способствовала ограничению рабства. Вот неопровержимое тому доказательство: в разные эпохи большая часть формул отпущения на волю имела религиозное основание; освобождение рабов почти всегда совершалось во имя религиозной идеи, надежд на будущее, духовного равенства людей.

Усилия церкви направлены были также к уничтожению множества варварских обычаев, к улучшению уголовного и гражданского законодательства. Вам известно, до какой степени это законодательство, несмотря на некоторые содержащиеся в нем семена свободы, было в то время нелепо и пагубно; вы знаете, что лишены смысла пытки, судебный поединок, простая присяга нескольких лиц считались единственными средствами к обнаружению истины. Церковь старалась заменить их другими, более разумными, более законными спосо-

бами. Я уже сообщал о различии, которое существует между вестготскими законами, составляющими по большей части произведение толедских соборов, и законами других варварских народов. Сравнивая их, нельзя не заметить огромного превосходства постановлений церкви в деле законодательства, справедливости во всем, что относится к отысканию истины, к улучшению судьбы человеческого рода. Конечно, большая часть этих постановлений заимствована из римского законодательства, но они погибли бы, если бы христианская церковь не охраняла и не защищала их, если бы она не заботилась об их распространении. Идет ли дело, например, об употреблении присяги в судопроизводстве, — откройте закон вестготов и вы увидите, с какою мудростью устанавливается в нем этот обряд.

Судья должен для лучшего изучения дела спросить сначала свидетелей, а потом исследовать письменные документы, чтобы таким образом истина открылась с большею достоверностью и чтобы не так легко представлялась необходимость в присяге. Отыскание истины и права требует, чтобы документы обеих сторон были рассмотрены во всей подробности и чтобы обряд присяги, угрожающий тяжущимся, назначаем был внезапно и неожиданно. Пускай тяжущиеся призываются к присяге только в таких делах, в которых судья, несмотря на все усилия, не откроет ни одного документа, ни одного доказательства, ни одного достоверного признака истины.

В уголовном законодательстве отношение наказаний к преступлениям определено на основании довольно точных философских и нравственных основ. Оно представляет нам результат усилий просвещенного законодателя, который борется с грубой силою и дикими нравами варваров. Глава *De coede et morte hominum*¹, в сравнении с соответствующими законами

¹ Об убийении, о смерти людей.

других народов, служит весьма замечательным тому примером. У других народов, важность преступления определялась почти исключительно происшедшим от того убытком, и наказание состояло в том материальном вознаграждении, которое вытекает из мировой сделки. У вестготов преступление приведено к своему настоящему нравственному элементу, т. е. к умыслу. Различные оттенки виновности — случайное, невольное убийство, убийство по неосторожности, убийство, которому предшествовал вызов, убийство с заранее обдуманном намерением или непредумышленное — разграничены и определены с такою же почти точностью и ясностью, как и в наших кодексах, и различные наказания установлены с довольно справедливою постепенностью. Правосудие и справедливость законодателя пошло еще дальше. Он пытался если не уничтожить, то по крайней мере смягчить эту неравномерность законной оценки людей, которая была принята в других варварских законодательствах. Единственное различие, сохранившееся в вестготских законах, — это различие между свободным человеком и рабом. По отношению к свободным людям степень наказания не зависит ни от происхождения, ни от звания убитого, но единственно от нравственной виновности убийцы. По отношению к рабам, не решаясь совсем отнять у господина право жизни и смерти, законодатель по крайней мере хотел ограничить его, обставляя действие его гласностью и правильными формами. Я считаю необходимым привести самый текст закона:

Если никакой преступник или участник в преступлении не должен оставаться безнаказанным, то не следует ли тем более наказывать того, кто по злобе и легкомыслию убил человека? А так как господа, в гордости своей, часто лишают жизни своих рабов, без всякой вины со стороны последних, то необходимо совершенно уничтожить это беззаконие и постановить, чтобы настоящее правило на вечные времена было соблюдаемо всеми. Господин или госпожа ни в каком случае не могут

без публичного суда лишить жизни никого из своих рабов или подчиненных, мужского или женского пола. Если раб или другой какой-либо служитель совершит преступление, которое может навлечь на него смертный приговор, то господин или его обвинитель должен известить о том местного судью, или же графа, или герцога. После обсуждения дела, если преступление будет доказано, то преступник да подвергнется, или чрез посредство судьи, или чрез посредство господина, заслуженной им смертной казни, таким, однако, образом, что если судья не захочет сам предать смерти преступника, то должен произнести над ним письменно смертный приговор, и тогда от господина будет зависеть убить раба или оставить ему жизнь. Правда, если бы раб, с неукротимой дерзостью, сопротивляясь господину, ударил или покуšлся ударить его оружием, или камнем, или чем-либо другим, а господин, защищаясь, убил бы раба в гневе своем, то господин несколько не подлежит наказанию за убийство. Но должно будет доказать, что дело происходило именно таким образом, и доказать свидетельством или присягою рабов, мужского или женского пола, присутствовавших при том, и присягою самого лица, совершившего убийство. Но кто по одной только злобе, собственною ли рукою или рукою другого, убьет своего раба без публичного суда, тот будет объявлен бесчестным, лишен права быть свидетелем, принужден провести остаток жизни в изгнании и раскаянии, а имущество его перейдет к ближайшим родственникам, которым по закону принадлежит право наследства.

В учреждениях церкви есть факт, на который до сих пор вообще не обращали еще настоящего внимания — это система наказаний, система, в настоящее время тем более достойная изучения, что она в отношении к принципам и приложению уголовного права почти вполне согласна с идеями новейшей философии. Изучая сущность церковных наказаний, публичного покаяния, занимавшего в ряду этих наказаний главное место, вы увидите, что главною задачею их было возбуждение в душе преступника раскаяния, а в свидетелях — нравственного страха, внушаемого примером. Кроме того, мы нахо-

дим здесь и другую идею — идею искупления. Я не знаю, вообще говоря, можно ли отделять идею искупления от идеи наказания, и не содержит ли в себе всякое наказание, независимо от потребности вызвать раскаянье в преступнике и предупредить подобные преступления, тайную и настоятельную потребность искупить совершенное зло. Но оставляя в стороне этот вопрос, нельзя не убедиться, что раскаянье и пример — вот цель, к которой стремится церковь во всей своей системе наказаний. И не такова ли цель истинно философского законодательства? Не во имя ли этих самых начал просвещеннейшие публицисты прошедшего столетия и нашего времени требовали реформы в европейском уголовном законодательстве? Почитайте их сочинения, Бентама например, — вас поразит сходство предлагаемых ими мер наказания с мерами, которыми пользовалась церковь. Без сомнения, публицисты ничего не переняли у церкви, а церковь в свою очередь едва ли предполагала, что пример ее когда-либо будут приводить в подтверждение планов наименее набожных философов.

Наконец, она пыталась также всеми средствами уничтожить в обществе господство силы, постоянные войны. Всякий знает, что такое был «божий мир» (*la trêve de Dieu*) и множество других мер того же рода, посредством которых церковь боролась с злоупотреблением силы и старалась ввести в общество более порядка и гуманности. Эти факты так известны, что я считаю лишним входить в подробное рассмотрение их.

Таковы главные результаты, которые я мог показать вам, говоря об отношениях церкви к народам. Мы рассмотрели ее с трех сторон, указанных мною в самом начале: мы познакомились с нею внутри и извне, в ее внутреннем устройстве и в ее двойственных внешних отношениях. Нам остается с помощью того, что нам известно, определить посредством наведения, предположения общее влияние церкви на европейскую цивилизацию. Эта задача, если не ошибаюсь, уже почти решена нами, по крайней мере в главных ее чертах; простой

перечень фактов и господствующих принципов церкви раскрывает и объясняет ее влияние. Результаты, вместе с причинами, некоторым образом уже прошли пред вашими глазами. Если же мы постараемся кратко выразить сущность этих результатов, то получим два следующие общие положения:

Во-первых, церковь должна была иметь весьма большое влияние на нравственную и умственную деятельность новой Европы, на общественные идеи, чувства и нравы. Факт этот ясен; нравственное и умственное развитие Европы отличалось главным образом богословским характером. Возьмите историю V–XVI столетий; духом своим человек вполне подчинен богословию; вопросы философии, политики, истории рассматриваются только с богословской точки зрения. Господство церкви в умственном мире простирается так далеко, что даже математические и физические науки находятся в зависимости от ее учения. Богословский дух — это как бы кровь, протекающая в жилах новой Европы, до появления Бэкона и Декарта. Бэкон в Англии и Декарт во Франции в первый раз отвели разум с богословского пути.

Тот же факт мы встречаем во всех отраслях литературы: и там беспрестанно проявляются богословские обычаи, чувства, язык.

Вообще говоря, это влияние было благотельно; оно не только способствовало и воодушевляло умственное движение в Европе, но учения и правила, во имя которых церковь руководила этим движением, несравненно превосходили все то, что было известно древнему миру. Здесь было в одно и то же время и движение, и прогресс.

Кроме того, свойство христианской церкви сообщило развитию человеческого духа в новом мире такую обширность, такое разнообразие, какого оно до того времени никогда не имело. На Востоке разум находится в полной зависимости от религии; в Греции он почти исключительно ограничивается земною жизнью человека; на Востоке пренебрегают, мож-

но сказать, человеком, его природою, его земным существованием; в Греции главное место занимает человек со своими страстями, наслаждениями, чувствами, мирскими интересами. В настоящее время разум, в его новейшем направлении, запечатлен в одно и то же время и божественным, и человеческим характером. Человеческие чувства и интересы занимают важное место в наших литературах; однако в них на каждом шагу встречается и религиозное направление человека, та сторона его существования, которая соединена с иным, неземным миром. Оба великих источника развития и прогресса — человечество и религия — шли вперед в одно и то же время, и влияние церкви, несмотря на все тиранические действия, сопряженные с ним, в умственном отношении более развивало, чем сдерживало, более расширяло, чем стесняло развитие человечества.

С политической точки зрения влияние церкви представляется нам совсем в другом виде. Конечно, способствуя смягчению чувств и нравов, уничтожая множество варварских обычаев, церковь могущественно содействовала усовершенствованию общественного быта, но собственно в политическом мире, в отношениях правительства к подданным, власти — к свободе, влияние ее, вообще говоря, едва ли было благотельно. С этой стороны церковь постоянно являлась представительницею и покровительницею двух систем, или теократической, или римско-императорской, т. е. деспотизма либо в религиозной, либо в гражданской форме. Возьмите все учреждения, все законодательство церкви, ее постановления (каноны), судопроизводство, — господствующим началом всюду представится вам либо теократия, либо империя. Ослабевая, церковь обращалась за помощью к абсолютной власти императоров; укрепляясь, она гордо требовала этой власти для самой себя, во имя своего духовного могущества. Не следует останавливаться на некоторых отдельных случаях и фактах. Конечно, церковь часто держала сторону народных прав против дурного

управления государей, часто даже одобряла и вызывала восстание. Часто также она защищала пред государями права и интересы народов. Но когда между властью и свободой возгорался спор о политических гарантиях, когда дело шло об установлении системы прочных учреждений, которые бы действительно оградили свободу от насильственных притязаний власти, тогда церковь обыкновенно принимала сторону деспотизма.

Мы не должны слишком сильно восставать против человеческой слабости духовенства или против других неизбежных недостатков церкви. Причина всего этого более глубокая.

В чем заключаются требования какой бы то ни было религии? Ее цель управлять человеческими страстями и волею. Всякая религия есть власть, правительство, сила, останавливающая и умиряющая человека. Во имя божественного закона она обуздывает человеческую природу. Следовательно, она имеет дело главным образом со свободой человека: в этой свободе встречается сопротивление, ее старается победить она. Такова задача религии, ее назначение, ее надежда.

Правда, направляя свои усилия против человеческой свободы, стараясь подчинить себе волю человека, религия может действовать на человека одним только нравственным средством — им же самим, его волею и свободой. Прибегая к другим внешним средствам, к силе, оболъщению, одним словом, к мерам, чуждым свободному участию и согласию человека, религия обходится с человеком, как с водою, ветром, как со всякою чисто материальною силою; тогда она не идет к своей цели, не приобретает власти над волею и не управляет ею. Для того чтобы религия действительно соответствовала своему назначению, нужно, чтобы она была принята свободною волею человека; нужно, чтобы человек подчинялся ей добровольно, непринужденно, в самом подчинении сохраняя свою свободу. Вот двойственная задача, которую должна решить религия.

Но она слишком часто не понимала этой задачи, видела в свободе не средство, а препятствие, забывала свойство той

силы, на которую действовала, и с душою человека обращалась, как с материальною силою. Вследствие такого заблуждения, ей почти всегда приходилось принимать сторону власти, деспотизма, против свободы человека: видя в этой свободе не что иное, как сильного врага, она старалась скорее обуздать, нежели обеспечить ее. Если бы церковь отдавала себе ясный отчет в своем образе действий, если бы она не увлекалась естественным, но опасным заблуждением, то она увидела бы, что для нравственного ограничения свободы необходимо обеспечить ее, что религия может и должна действовать одними только нравственными средствами; она стала бы уважать человеческую волю, стараясь управлять ею. Она забывала все это, и духовная власть сама потерпела от того столь же сильно, как и свобода.

Этим я закончу исследование главных последствий влияния церкви на европейскую цивилизацию; я представил их в следующем двойственном результате: великое и благотворное влияние на умственный и нравственный мир человека и влияние более вредное, чем полезное, на мир политический. Теперь мы должны подтвердить наши положения фактами, оправдать историей то, что вывели из самой природы и состояния церковного общества. Посмотрим, какова была судьба христианской церкви от V до XII века, развивались ли вышеупомянутые начала и результаты так, как это предположено мною.

Не предполагайте, чтобы эти начала и последствия появлялись одновременно и с такою же ясностью, с какою я изложил их. При изучении давно минувших веков, весьма часто впадают в важную ошибку, забывают нравственную хронологию, забывают — странная забывчивость! — что отличительный характер истории есть последовательное развитие. Возьмем жизнь какого-либо великого человека — Кромвеля, Густава Адольфа, кардинала Ришелье. Он выступает на историческое поприще, подвигается вперед, приближается к цели; он испытывает на себе влияние великих событий и сам в свою очередь про-

изводит влияние на них; наконец, он доходит до конца своего поприща; тогда только мы узнаем его таким, каким он, словно после долгой работы, вышел из рук Провидения. Между тем в начале своей деятельности он не был тем, чем мы его видим впоследствии; ни в одну из отдельных минут его жизни не найдем мы в его характере совершенной полноты и оконченности; он образовался, выработался постепенно, последовательно. Люди развиваются в нравственном отношении точно так же, как и в физическом; они изменяются с каждым днем; в духовной природе их беспрестанно совершаются перевороты. Кромвель 1650 года не был Кромвелем 1640 года. Конечно, индивидуальность человека в известной степени всегда остается верною самой себе; но сколько переменяется в нас идей, чувств, желаний! Как много мы теряем и приобретаем! В течение всей своей жизни человек ни разу не бывает во всех отношениях тем, чем в конце своего жизненного поприща.

Между тем вот ошибка, которая часто встречается у историков: составив себе полное понятие о человеке, они видят его таким во все продолжение его деятельности для них. Кромвель, вступающий в 1628 году в парламент, ничем не отличается от Кромвеля, тридцать лет спустя умирающего в Уайт-Галльском дворце. Та же ошибка беспрестанно распространяется и на учреждения, на общие причины и влияния. Постараемся избежать ее. Я представил вам в главных чертах принципы церкви и происшедшие от них последствия; но заметьте, что исторически эта картина не точна; явления, указанные мною, совершались отдельно, последовательно; они рассеяны в пространстве и во времени. В указанных фактах вы не встретите ни целостности, ни быстрой систематической последовательности событий. Там возникает одно начало, там другое; все неполно, неровно, разбросано; целостность, общность мы увидим не ранее, как в Новейшие времена, в конце нашего поприща. Мы познакомимся с различными состояниями, через которые прошла церковь в промежуток времени между V и XII столетиями.

Нам не удастся найти в этом обозрении полного доказательства указанных мною положений; однако законность их достаточно подтвердится и тем, что будет здесь найдено нами.

Первое состояние, в котором является церковь в V веке, есть состояние императорской церкви, церкви римских императоров. Во время падения Римской империи церковь была уверена, что она достигла своей конечной цели, что торжество ее полно и прочно. Ей удалось наконец вполне победить язычество. Последний император, принявший сан языческого верховного жреца, Грациан, умер в конце IV века. Грациана называли еще верховным жрецом, подобно Августу и Тивериию. Столь же тверда была уверенность церкви в победе ее над еретиками, в особенности над арианами, главною из всех ересей того времени. Император Феодосий установил против ариан в конце IV века полное и строгое законодательство. Таким образом церковь господствовала и преобладала над обоими величайшими врагами своими. В это именно время она утратила поддержку Римской империи и увидела себя окруженною другими язычниками, другими еретиками – варварами, готами, вандалами, бургундами, франками. Падение было ужасно. Нам не трудно понять, какая горячая привязанность к империи должна была сохраниться в недрах церкви. Действительно мы видим, что она сильно дорожит последними остатками империи – муниципальным устройством и абсолютною властью. И когда ей удалось обратить варваров в христианство, она пытается восстановить империю; она обращается к варварским королям, советует им сделаться римскими императорами, принять все императорские права, поставить себя к церкви в те же отношения, в каких прежде была с нею Римская империя. Вот смысл усилий епископов V и VI веков. Таков общий дух церкви.

Все усилия епископов не имели успеха: римское общество не могло быть восстановлено руками варваров. Подобно светскому миру, церковь сама впала в состояние варварства. Это

второй период истории церкви. Сравнивая церковных летописцев VIII века с летописцами предшествовавших веков, нельзя не заметить между ними огромного различия. Исчезли все остатки римской цивилизации, исчезла даже правильность языка: все, так сказать, погружается в варварство. С одной стороны, варвары вступают в духовенство, делаются священниками, епископами, с другой — епископы перенимают жизнь варваров и, не покидая своей епархии, становятся начальниками дружин, бродят по стране, грабя и сражаясь, подобно спутникам Хлодвига. По указанию Григория Турского, таким образом жили многие епископы, например Салон и Сагиттарий.

В недрах варварской церкви развились два важные факта. Первый — это отделение духовной власти от светской, принцип, развившийся именно в это время, что и весьма естественно. Не будучи в состоянии восстановить абсолютную власть Римской империи, церковь по необходимости должна была искать свою долю могущества в независимости. Она на каждом шагу должна была защищаться собственными своими силами, потому что ей беспрестанно угрожала опасность. Варвары непрерывно вмешивались в дела церкви, желая овладеть ее богатствами, доменами, ее властью. Епископы, священники имели одно только средство защиты против этих нападений: они принуждены были объявить, что духовный мир вполне независим от светского и что никто не имеет права вступаться в дела первого. Этот принцип везде сделался оборонительным оружием церкви против вмешательства варваров.

Второй важный факт, принадлежащий к тому же времени, есть развитие монашества на Западе. Известно, что св. Бенедикт дал западным монахам устав в начале VI века, когда число монахов еще не было так многочисленно. После того число их изумительно увеличилось. Сначала монахи не были членами духовенства и считались мирянами. Уже и тогда из их среды избирались священники, даже епископы; но составною частью духовенства в собственном смысле слова монахи сде-

лались только в конце V и в начале VI века. Тогда священники, епископы стали переходить в монашество в той уверенности, что они чрез это более успеют в религиозной жизни. Оттого монашеский мир внезапно получил в Европе сильное развитие. Монахи несравненно больше, чем белое духовенство, влияли на воображение варваров; их многочисленность внушала уважение, равно как и особенность их образа жизни. Белое духовенство, епископы и простые священники скоро утратили часть своего влияния на воображение варваров, которые привыкли оскорблять, грабить их. Напасть же на монастырь, на это сборище святых людей в освященном месте, казалось для варваров более важным и трудным делом. В эпоху варварства, монастыри были местом убежища для церкви, подобно тому как сама церковь была местом убежища для мирян. Туда удалялись благочестивые люди, подобно тому как на Востоке они удалялись в Фиваиду, чтобы избегнуть светской жизни и испорченности нравов Константинополя.

Таковы два важные факта, принадлежащие к варварской эпохе церковной истории; с одной стороны, развитие принципа отделения духовной власти от светской, с другой – возникновение на Западе монашеского духовенства.

В конце варварской эпохи совершилось новое поползновение восстановить Римскую империю: это была попытка Карла Великого. Церковь и светский государь снова заключили между собою тесный союз. Это было для пап временем большой покорности и вместе с тем быстрого усиления. Попытка еще раз не удалась; империя Карла Великого пала; но выгоды, полученные церковью из союза с нею, остались неприкосновенными. Папы окончательно сделались главою христианства.

По смерти Карла Великого возобновляется беспорядок. Он поглощает собою и церковь, наравне с светским обществом; первая, как и последнее, выходит из него, вступая в пределы феодальной системы. Это ее третье состояние. Разрушение Карловой монархии повергло церковь в такое же почти

положение, как и светское общество: исчезло всякое единство, все сделалось местным, отдельным, личным. Тогда в недрах духовенства возникает борьба, небывалая прежде борьба чувств и интересов феодального владельца с чувствами и интересами священнослужителя. Верховные владыки церкви поставлены между этими двумя положениями: одно стремится к преобладанию над другим; церковный дух уже не столь силен, не столь всеобъемлющ; личный интерес занимает более видное место; жажда независимости, обычаи феодальной жизни ослабляют связи церковной иерархии. Но в среде самой церкви является попытка предупредить последствия такого разъединения. В различных местах мы видим усилие образовать национальную церковь с помощью феодальной системы, с помощью собраний и общих совещаний. В это именно время, в феодальную эпоху, встречается наибольшее число соборов, съездов, церковных собраний, провинциальных или национальных. К такому церковно-национальному единству с наибольшим жаром стремились во Франции. Представителем этой идеи может быть признан архиепископ Реймский Гинкмар; он постоянно старался организовать французскую церковь, он придумывал и употреблял все средства общения и взаимных сношений, которые бы могли восстановить в феодальной церкви некоторое единство. Гинкмар защищал независимость церкви, с одной стороны, от светской власти, с другой — от папы. Узнав, что папа собирается прибыть во Францию и намеревается отлучить епископов от церкви, Гинкмар сказал: «*Si excommunicaturus venerit, excommunicatus abibit*»².

Но попытка организовать таким образом феодальную церковь не достигла своей цели, как и попытка преобразования императорской церкви. Невозможно было установить единство в феодальной церкви. Разъединение продолжалось, все бо-

² Если он придет с целью отлучать от церкви, то уйдет сам отлученным от нее.

лее и более усиливаясь. Каждый епископ, каждый прелат, каждый аббат уединялся все больше и больше в своей епархии или монастыре. От той же причины возникали и беспорядки. Это время наибольших злоупотреблений симонии, время совершенно произвольной раздачи церковных бенефиций, наибольшей безнравственности духовенства.

Эта безнравственность сильно оскорбляла и народ, и лучшую часть духовенства. Весьма рано зарождается в церкви дух реформы, потребность в авторитете, который бы собрал все разъединенные элементы и подчинил их своему влиянию. Клавдий, епископ Туринский, Агобард, архиепископ Лионский, предпринимали в своих епархиях некоторые попытки подобного рода; но дело было выше их сил; из всех церковных властей, с успехом могла совершить его только одна — римская курия, папа. Оттого эта власть и не замедлила получить преобладание. В течение XI века церковь вступила в свое четвертое состояние, в состояние церкви теократической и монашеской. Создателем этого нового положения церкви — насколько человек вообще может быть создателем — был Григорий VII.

Мы привыкли считать Григория VII за приверженца неподвижности, противника умственного развития, общественного прогресса, за человека, обрекавшего мир на состояние неподвижности или реакции. Подобное мнение не верно: Григорий VII был реформатор путем деспотизма, подобно Карлу Великому и Петру Великому. Он был в церковном мире почти тем же, чем Карл Великий для Франции, а Петр Великий для России были в мире светском. Он хотел преобразовать церковь, а посредством церкви — светское общество, распространить в них более нравственности, справедливости, благоустройства; орудием этого преобразования Григорий VII избрал папский престол, в пользу которого оно и было направлено.

В то самое время, когда Григорий VII, в видах реформы и прогресса, а никак застоя и реакции, стремился подчинить весь мир церкви, а церковь — папской власти, внутри монасты-

рей происходила подобная же попытка, подобное же движение. И там явилась горячая потребность в порядке, дисциплине, строгой нравственности. Это было время, когда Роберт Молемский вводил в Сито свой строгий монастырский устав, время св. Норберта и реформы каноников, время реформы в Клюни, наконец, великой реформы св. Бернара. В монастырях господствовало всеобщее движение; старые монахи восставали против него, находя его весьма вредным, говоря, что это посягательство на их свободу, что необходимо сообразоваться с духом времени, что немислимо возвращение к первоначальной церкви, и отзываются о всех реформаторах, как о безумных мечтателях, тиранах. Прочтите историю Нормандии Ордерика Виталья — вы на каждом шагу встретите там подобные жалобы.

Итак, по-видимому, все было в пользу церкви, ее единства и власти. Но в то самое время, когда папская власть старалась присвоить себе управление всем миром, когда монастыри перевоспитывали себя в нравственном отношении, в то самое время несколько сильных, хотя и отдельно стоявших людей, потребовали для человеческого разума право быть чем-нибудь в человеке, право управлять его мыслями. Люди эти, по большей части, не нападали на общепринятые мнения, на религиозные верования; они утверждали только, что разум имеет право доказывать и опровергать эти мнения и верования, что недостаточно одно провозглашение их авторитетом. Иоанн Эринген, Росцелин, Абельяр — вот чрез каких представителей личный разум снова стал домогаться своего права; вот первые двигатели того стремления к свободе, которое присоединилось к преобразовательным стремлениям Гильдебранда и св. Бернара. Отыскивая господствующий характер этого стремления к свободе, мы видим, что оно не было переменою мнений, восстанием против системы общественных верований; это было просто заявление права рассуждать, принадлежащего разуму. Воспитанники Абельяра, как он сам говорит в сво-

ем «*Введении в богословие*», просили у него «философских аргументов, которыми бы мог удовлетвориться разум, умоляя его научить их не только повторять, но и понимать то, что он передавал им, потому что нельзя верить, не понимая, смешно проповедывать то, чего не постигают ни учитель, ни ученики... Изучение философии не может иметь никакой другой цели, как только приводить к Богу, к которому все должно стремиться. Для чего же и позволяется верующим чтение книг, рассуждающих о мирских делах и сочинений язычников, как не для того, чтобы приготовить их к пониманию истин св. Писания, чтобы развить искусство, необходимое для защиты этих истин? Вопросы, составляющие предмет христианской веры, трудны и сложны: необходимо пользоваться всеми силами нашего разума для того, чтобы софизмы врагов христианства не нарушили чистоту нашей веры».

Церковь скоро поняла всю важность этого первого порыва к свободе, этого возрождения духа исследования и анализа. Обозначенная своими внутренними реформами, церковь тем не менее начала опасаться и немедленно объявила войну новым преобразователям, метод которых был для нее гораздо опаснее их учения. Вот великий факт, появляющийся в конце XI и в начале XII века, в то время, когда церковь находится в теократическом и монашеском состоянии. К этому времени принадлежит первая серьезная борьба между духовенством и свободными мыслителями. Споры Абеяра и св. Бернара, Суассонский и Санский соборы, на которых осужден был Абеяр, суть не что иное, как выражение борьбы, игравшей такую важную роль в истории новейшей цивилизации. Такова главная отличительная черта состояния церкви в XII веке, на котором мы и остановимся сегодня.

В это же самое время происходило другое движение, совершалось освобождение городских общин. Странная непоследовательность невежественных и грубых нравов! Если бы эти горожане, так страстно стремившиеся завоевать себе свободу,

узнали, что есть люди, домогавшиеся признания прав человеческого разума, права анализа, люди, которых церковь признает еретиками, — то эти люди тут же были бы сожжены или побиты камнями. Абельяр и его приверженцы не раз подвергались такой опасности. С другой стороны, мыслители, боровшиеся за права человеческого разума, говорили об усилиях освобождавшихся горожан, как об ужасном беспорядке, как о разрушении общества. Философское и общинное движение, освобождение политическое и освобождение умственное враждовали между собою. Нужны были целые века, чтобы прекратить вражду между этими двумя великими силами, чтобы заставить их убедиться в общности своих интересов. В XII веке у них не было ничего общего. Мы скоро убедимся в том, когда в следующем нашем собрании будем рассматривать освобождение городских общин.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Сравнительная картина городских общин в XII и XVIII веках. – Двойной вопрос: – 1) Об освобождении общин. – Состояние городов между V и X вв. – Упадок их и возрождение. – Восстание общин. – Хартии, данные им. – Социальные и нравственные последствия освобождения общин. – 2) О внутреннем управлении общин. – Народные собрания. – Должностные лица. – Высшая и низшая буржуазия. – Различное состояние общин в различных странах Европы.

Мы довели до XII века историю двух первых элементов новой цивилизации – историю феодального устройства и историю церкви. Сегодня мы должны заняться третьим из этих основных элементов, т. е. городскими общинами, ограничиваясь и здесь XII веком как пределом, на котором мы до сих пор постоянно останавливались.

В отношении к общинам мы поставлены иначе, нежели в отношении к церкви или феодальному устройству. Феодализм и церковь в рассмотренный нами промежуток времени достигли уже некоторой полноты и оконченности, хотя впоследствии и получили еще дальнейшее развитие; мы видели, как они родились, выросли, созрели. Ничего подобного нельзя сказать об общинах. Они получают место в истории только в конце изучаемой нами эпохи, в XI и XII столетиях. Конечно, у них и прежде была история, достойная изучения; следы их существования встречаются гораздо раньше этого времени; но с полной ясностью, в качестве важного элемента новой цивилизации, они являются на великой сцене мира только в XI веке. Вот отчего, изучая феодальное устройство и цер-

ковь в промежуток времени между V и XII столетиями, мы видели связь между причинами и действиями, видели, каким образом последние возникали из первых; всякий раз, когда посредством предположения, догадки, мы выводили из принципов известные результаты, мы могли доказать свои выводы исследованием самых фактов. При изучении общин мы будем лишены такой возможности; мы будем присутствовать при их рождении, и потому я могу показать вам сегодня только причины, происхождение их. О последствиях существования общин, о влиянии их на ход европейской цивилизации, я буду говорить как бы предсказаниями. Мне будет невозможно подтвердить слова свои свидетельством современных известных фактов. Только впоследствии времени, между XII и XV веками, мы встретим полное развитие городских общин; только тогда учреждение принесет все плоды свои, а история докажет справедливость наших выводов. Обратите внимание на эту особенность нашего положения, и она заранее покажет вам, как много неполного и преждевременного будет представлять картина, которую я собираюсь изложить пред вами.

Допустим, что в 1789 году, при самом возникновении страшного преобразования Франции, среди нас неожиданно появился бы горожанин (буржуа) XII века и прочел бы — если бы только умел читать — один из тех памфлетов, так сильно волновавшие умы, например памфлет Сиейса *Qu'est-ce que le tiers?* Глаза его с удивлением останавливаются на следующей фразе, составляющей сущность памфлета: «Среднее сословие — это французский народ, за исключением дворянства и духовенства». Какое впечатление произвела бы подобная фраза на ум этого человека? Думаете ли вы, что он понял бы ее? Нет, он не понял бы слов «французский народ», потому что они не представляют собою ни одного из известных, современных ему фактов; а если бы он и усвоил фразу, если бы он ясно представил себе эту власть, приписываемую среднему сословию над целым обществом, он, несомненно, пришел бы к такому убеждению, что

эта мысль безумна и дерзка, потому что она в сильнейшей степени противоречила бы всем его идеям и чувствам.

Теперь, пусть этот удивленный горожанин пойдет за нами в одну из французских городских общин XVIII столетия — реймскую, бовескую, ланскую, нойонскую: им овладеет удивление совершенно другого рода. Он подходит к городу и не находит ни башен, ни валов, ни городской милиции (*milica bourgeoise*), одним словом, никакого средства к защите; все открыто, все предоставлено первому пришельцу, первому, кто захотел бы занять город. Горожанин беспокоится за безопасность общины, она кажется ему слабою, весьма плохо обеспеченною. Он входит в самый город, справляется о его положении, о порядке управления, об участи жителей. Ему говорят, что вне городских стен существует власть, которая облагает город податями по своему произволу, не спрашивая на то его согласия, которая созывает милицию и, также без ее согласия, посылает ее на войну. Ему говорят о должностных лицах города, о мэре, о членах городского совета, — и в то же время он узнает, что горожане не сами назначают их. Он слышит, что дела общины решаются не в ней самой, что ими, независимо от нее, издали, управляет королевский чиновник, интендант. Но это еще не все: ему говорят, что жители лишены права собираться и обсуждать сообща свои общественные дела, что церковный колокол уже не сзывает их на площадь. Горожанин XII века не знает, что и думать об этих нововведениях. Пораженный, уничтоженный величием, значением, которое приписывает себе совокупность городских общин — среднее сословие, он в то же самое время находит во внутреннем быте городов такую слабость, зависимость, такое ничтожество, хуже которого он ничего не может себе представить. Он переходит от одного зрелища к другому, противоположному, видит буржуазию, с одной стороны, облеченную правами верховной власти, с другой — бессильною. Понять, согласить все эти противоречия он не мог бы без сильного умственного потрясения.

Попробуем теперь мы, горожане XIX века, перенестись в свою очередь в XII столетие; мы увидим подобное же, двойственное зрелище, только в обратном смысле. Каждый раз, когда мы будем рассматривать государство, правительство, дела высшего управления, общество в целом его составе, — мы не найдем буржуазии, не услышим о ней; она ни в чем не принимает участия, она лишена всякого значения. Но этого мало: если мы поинтересуемся узнать, что думают и говорят сами горожане об общих делах страны, как они смотрят на свои отношения к центральному правительству Франции, и тут мы найдем, что способ выражения их необыкновенно робок и унижен. Их прежние повелители, владельцы, от которых они силою исторгли свою свободу, обращаются с ними, по крайней мере на словах, с изумительною для нас надменностью, не возбуждающею в горожанах ни удивления, ни негодования.

Вступим теперь во внутренность городской общины, посмотрим, что делается там. Сцена изменяется; мы видим себя как бы в крепости, защищаемой вооруженными горожанами; эти горожане сами облагают себя податями, назначают своих должностных лиц, судят, наказывают, собираются для обсуждения своих дел; в этих собраниях принимают участие все городские жители. Города имеют свою милицию и ведут от своего имени войну со своим сеньором; одним словом, они управляют сами собою, пользуются правами верховной власти. Не тот ли же это контраст, который во Франции XVIII века так удивил горожанина XII века? Здесь произошла только перемена ролей. Здесь *нация горожан* — все, отдельная община — ничто; там *нация горожан* — ничто, община — все.

Конечно, много необыкновенных событий, много переворотов должно было совершиться между XII и XVIII столетиями, чтобы породить столь великую перемену в положении одного класса общества. Однако, несмотря на эту перемену, среднее сословие 1789 года в политическом отношении, без сомнения, является потомком и наследником городских общин XII века.

Эта надменная, честолюбивая нация, так высоко поднимающая свои притязания и требования, с таким блеском провозглашающая свою державность, желающая не только преобразовать себя, управлять сама собою, но и преобразовать весь мир и управлять им, — эта нация неоспоримо, по крайней мере отчасти, получила начало от городских общин, в тиши, хотя и отважно восставших в XII веке, с единственной целью освободиться в той или другой части территории из-под мелкой тираннии некоторых феодальных владельцев.

Несомненно, в общинах XII столетия мы не встретим объяснения такой метаморфозы; она совершилась между XII и XVIII веками; причины ее заключаются в последовательных событиях этих веков; там и найдем мы их, подвигаясь вперед в рассматриваемом нами предмете. Однако возникновение среднего сословия играет важную роль в его истории; оно не раскроет нам всех тайн его судьбы, но покажет нам первоначальный зародыш ее. Первобытные свойства среднего сословия отражаются и в последующей истории его, и даже гораздо больше, нежели кажется с первого взгляда. Я предполагаю, вы убедитесь в этом даже из неполной картины состояния городских общин в XII веке.

Чтобы вполне усвоить это состояние, нужно рассмотреть общины с двух главных точек зрения, разрешить два важных вопроса: первый — о самом освобождении общин, вопрос о том, каким образом произошел этот переворот, какие причины вызвали его, какие изменения он внес в положение горожан, какие были его последствия для общества, для других сословий, для государства. Другой вопрос относится к управлению общин, к внутреннему быту освобожденных городов, к отношениям горожан между собою, к началам, формам, нравам, господствовавшим в городах. Из этих двух источников, с одной стороны, из перемены, внесенной в общественное положение горожан, с другой — из внутреннего управления и общинного состояния их, проистекло все влияние город-

ских общин на новую цивилизацию. Все факты, обязанные своим происхождением этому влиянию, должны быть отнесены к той или другой из названных мною причин. Таким образом изучив и усвоив вполне, с одной стороны, освобождение общин, с другой — порядок управления их, мы как бы овладеем двумя ключами к их истории. В заключение лекции, я скажу несколько слов о различном состоянии общин в различных местах Европы. Факты, которые я укажу вам, не могут относиться безразлично ко всем городским общинам XII века — итальянским, испанским, английским, французским. Конечно, есть известные факты, общие всем странам Европы; но каждая из них имеет свои существенные и важные особенности. Я отмечу эти особенности мимоходом; мы встретимся еще с ними впоследствии, при дальнейшем ходе цивилизации, и тогда познакомимся с ними поближе.

Чтобы дать себе отчет в самом освобождении общин, необходимо припомнить, каково было состояние городов от V до XI века, со времени падения Римской империи до того момента, когда возник общинный переворот. И здесь представляется много разнообразия: состояние городов было чрезвычайно разнообразно в различных странах Европы: однако есть общие факты, которые относятся ко всем почти городам; этими фактами и я постараюсь ограничиться. После этого я перейду к особенностям французских общин, преимущественно северных, находящихся выше Роны и Луары: они будут составлять самую выпуклую часть картины, которую я попытаюсь набросать пред вами.

После падения Римской империи, между V и X столетиями, состояние городов не было состоянием ни рабства, ни свободы. При употреблении и выборе слов так же легко впасть в ошибку, как и при изображении людей и событий, о чем я уже говорил в предыдущей лекции. В обществе, в языке, после долгого существования их, слова принимают полный, определенный, точный смысл, смысл некоторым образом за-

конченный и официальный. Время внесло в смысл каждого слова множество идей, пробуждающихся вместе с самим произнесением этого слова; но одни из них образовались раньше, другие позже, и потому они не все могут быть отнесены к известному времени. Слова «рабство» и «свобода», например, возбуждают теперь в нашем уме идеи гораздо более полные и точные, нежели соответствующие им факты VIII, IX или X века. Если бы мы стали утверждать, что города в VIII веке находились в состоянии свободы, то мы зашли бы слишком далеко; так как со словом «свобода» мы соединяем только такое значение, под которое вовсе не подходят факты VIII века. Мы не менее ошиблись, если бы сказали, что города находились в состоянии рабства; под этим словом подразумевается в данную минуту нечто совершенно непохожее на муниципальные явления того времени. Повторяю, города не находились тогда в состоянии ни рабства, ни свободы: они были подвержены всем бедствиям, происходившим от слабости; горожане были жертвою непрерывных притеснений, нападений, грабежей со стороны сильных; однако, несмотря на множество страшных неурядиц, несмотря на разорение жителей и уменьшения числа их, города удержали за собою некоторое значение. В большей части городов было духовенство, епископ, обладавший большею властью, имевший влияние на жителей, служивший связью между ними и победителями, поддерживавший таким образом в некоторой степени независимость города и покрывавший его щитом религии. Кроме того, в городах остались остатки римских учреждений. В это время (как видно из фактов, тщательно собранных гг. Савиньи, Гульманом, девицею де Лезардьер и др.) часто встречаются заседания сената, курии; упоминается о публичных собраниях, о муниципальных должностных лицах. Гражданские дела, завещания, дарственные записи, множество других актов гражданской жизни окончательно совершаются в курии должностными лицами ее, как то происходило и в римских муниципиях. Правда, эти ос-

татки муниципальной свободы и деятельности все уменьшались. Варварство, беспорядки, постоянно увеличивающиеся бедствия, ускоряли запустение городов. Водворение владельцев страны в селениях и рождающийся перевес земледельческой жизни стали новой причиной упадка городов. Сами епископы, вступив в область феодальной системы, начали мало-помалу пренебрегать своею муниципальной деятельностью. Наконец, после окончательного торжества феодальной системы, горожане хотя и не дошли до степени колонов, но все без исключения подчинились феодальным владельцам, вошли в состав феодалов, и лишились при этом той доли независимости, которою обладали даже в наиболее варварские времена, в первые века после вторжения варваров. Так что, начиная с V века до момента полной организации феодального общества, состояние городов постоянно ухудшалось.

После окончательного установления феодальной системы, когда каждый человек занял свое определенное место и приобрел поземельную оседлость, когда прекратилась бродячая жизнь, города начали чрез несколько времени вновь приобретать известное значение и развивать свою деятельность. Вам известно, что человеческая деятельность имеет большое сходство с плодородием земли; лишь только прекращается беспорядок, она появляется, под влиянием ее все зарождается и процветает. При малейшем проблеске порядка и спокойствия, человек снова пробуждается к надежде, а с надеждою — к труду. Подобное случилось и с опустевшими городами. Лишь только феодальное устройство сделалось прочным, между феодальными владельцами появились новые потребности, желание прогресса, улучшения. Для удовлетворения этого желания в городах, принадлежавших к феодалам, вновь появились, конечно, в небольшом объеме, торговля и промышленность; люди, хотя и медленно, вернулись в города. В числе обстоятельств, которые могли тому содействовать, находится, по моему мнению, одно, недостаточно еще выясненное — это право

убежища в церквах. Еще прежде, нежели стены и укрепления городов были в состоянии доставлять убежище несчастным сельским жителям, когда вне церкви еще нигде не было безопасности, обстоятельство это само по себе привлекало в города множество гонимых и беглецов. Они поселялись или в самой церкви или вокруг нее; подобной защиты искали не только люди низших сословий, рабы, колоны, но часто и важные лица, богатые изгнанники. В современных летописях можно найти массу подобных примеров. Мы видим из них, как люди, незадолго пред тем сильные, но при нападении более сильного соседа или даже самого короля, покидают свои домены, уносят все, что могут взять с собою, и, укрываясь в городе под покровительством церкви, вступают таким образом в разряд горожан. Такие изгнанники, по моему мнению, имели немалое влияние на развитие городов; они обогатили их и положили начало народонаселению, превосходящему во всех отношениях массу городских жителей. Впрочем, где только однажды образовалось сколько-нибудь значительное собрание, туда, как известно, всегда стекаются люди, — оттого ли, что там легче найти безопасность или же под влиянием общительности, присущей человеку.

Благодаря совокупному действию всех этих причин, усиление городов совершилось одновременно с окончательным установлением феодального устройства. Безопасность, однако, возвращалась в города в гораздо меньшем, противу прежнего, размере. Кочевая жизнь, правда, прекратилась; но победители, новые землевладельцы, все еще считали эту жизнь лучшим средством для удовлетворения своих грубых страстей. Раньше, когда у них являлась необходимость грабить, они предпринимали набег, отправлялись в другое место искать нового счастья, новых владений. Когда каждый достиг известной оседлости, когда необходимо было отказаться от этого завоевательного бродяжничества, жадность, грубые потребности, необузданные желания оставались еще в полной своей силе.

Тяжесть их обрушивалась главным образом на несчастных горожан. Грабежи устраивались уже не вдали, а вблизи. Насилия феодальных владельцев над горожанами усиливаются в X веке. Всякий раз, когда собственник домена, в состав которого входил город, чувствовал потребность удовлетворить своему алчному вымогательству, он нападал на городских жителей. В это время было особенно много жалоб горожан на совершенное отсутствие безопасности в торговле. После своего обычного объезда, купец не мог спокойно вернуться в город; на всех проезжих местах и дорогах подстерегали его феодальные владельцы со своими слугами. Момент возрождения промышленности был именно моментом самого полного недостатка безопасности. Ничто так сильно не раздражает и не возмущает человека, как подобная неудача в его труде, лишаящая его плодов, которые он ожидал получить. Он оскорбляется, огорчается этим гораздо больше, нежели страданиями, претерпеваемыми среди устроенной с давнего времени однообразной жизни, когда отнимаемые у него блага не составляли результат его собственного труда, когда они не возбуждали в нем всех радостей надежды. В прогрессивном движении, ведущем человека или целое народонаселение к новой, более счастливой судьбе, заключается особенно энергическое начало сопротивления насилию и неправде, — начало более сильное, чем в каком бы то ни было другом общественном положении.

Вот в каком состоянии находились города в продолжение X столетия. У них было более интересов, принадлежащих к защите и охранению городов; а защита была для них необходимее, нежели когда-либо, потому что эти интересы, эти силы, эти богатства все более и более возбуждали зависть феодальных владельцев. Опасность и зло увеличивались вместе с возможностью противиться им. Притом феодальное устройство подавало всем участвовавшим в нем постоянный пример сопротивления; оно не представляло из себя организованного, грозного, могущественного правительства, способного одним

своим вмешательством везде водворить порядок и повиновение. Напротив того, везде видно было зрелище личной воли, не желающей повиноваться. Таково было положение большей части феодальных владельцев в отношении к своим сюзеренам, мелких собственников в отношении к более значительным. Итак, в то самое время, когда города были подавляемы и притесняемы, когда они должны были охранять и защищать новые, более важные интересы свои, — в это самое время они имели пред глазами постоянный пример восстания, сопротивления. Феодальное устройство оказало человечеству ту услугу, что беспрестанно представляло людям действия личной воли, появляющейся во всей своей энергии. Пример этот не остался без последствий; несмотря на свою слабость, несмотря на чрезвычайное неравенство свое с феодальными владельцами, города возмутились со всех сторон.

Трудно определить с точностью время этого возмущения. Вообще говорят, что освобождение общин началось в XI веке; но при всех великих переворотах, сколько неизвестных, неудачных попыток предшествуют усилию успешному! Провидение, для исполнения своих предназначений, всегда обильно расточает отвагу, доблести, пожертвования — одним словом, людей; торжество дела покупается неопределенным числом безвестных, бесплодных, по-видимому, трудов, ценою жизни множества мужественных людей, отчаявшихся в достижении желанной цели. Несомненно, то же случилось и с городскими общинами. В VIII, IX и X веках, без сомнения, было много попыток к сопротивлению, к освобождению, но они не имели успеха, и потому остались забытыми, без славы. Тем не менее попытки эти повлияли на следующие события; они возбуждали, поддерживали дух свободы; они подготавливали великое восстание XI века.

Я умышленно употребил слово «восстание». Освобождение общин в XI веке было результатом настоящего восстания, настоящей войны — войны, объявленной жителями го-

родов своим феодальным владельцам. Первый факт, постоянно встречающийся в подобных переворотах — это восстание вооруженных чем ни попало горожан; это изгнание людей владельца, совершавших в городе какое-нибудь насилие; поход против замка, одним словом, все признаки войны. Если восстание не удалось, что делает победитель? Он приказывает разрушить укрепления, устроенные горожанами не только вокруг города, но даже вокруг каждого дома. Когда горожане заключили конфедерацию, когда они давали обещание действовать сообща и присягали к верности общине, — первым делом каждого горожанина было приготовить себя и свое жилище к сопротивлению. Общины, имена которых теперь совершенно неизвестны, например, небольшая община Везеле в провинции Ниверне, вели с своим владельцем продолжительную и упорную борьбу. Везелейскому аббату удалось одержать победу. Он тотчас же приказал уничтожить укрепления, возведенные около городских домов. В истории сохранились имена многих горожан, укрепленные дома которых подверглись таким образом немедленному разрушению.

Изучим жилища наших предков, способ постройки познакомит нас с их образом жизни — все предназначено для войны, все носит воинственный характер.

Вот какова была постройка дома горожанина в XII веке, насколько теперь можно судить о том: обыкновенно он строился в три этажа, в каждом по одной комнате; комната, расположенная на одном уровне с улицей (*pièce du rez-de-chaussée*) служила общей залой; в ней обедало все семейство хозяина. Первый этаж был весьма возвышен, в видах безопасности — замечательнейшее обстоятельство в постройке целого здания. В этом этаже комната, в которой горожанин, хозяин дома, жил со своею женою. Наверху дома почти всегда находилась угловая башня, по большей части четырехугольная, — еще признак военного положения, еще средство к защите. Во втором этаже комната, назначение которой неизвестно; в ней ве-

роятно жили дети и остальные члены семейства. На самом верху весьма часто помещалась небольшая платформа, без сомнения, служившая наблюдательным пунктом. Вся постройка дома напоминает военное время. Война — вот очевидный, отличительный характер, настоящее название того движения, которое породило освобождение общин.

Когда война продолжалась несколько времени, каковы бы ни были воюющие стороны, она необходимо влечет за собою мир. Мирные договоры городских общин и их противников — это хартии, грамоты (*les chartes*). Общинные хартии не что иное, как мирные договоры между горожанами и феодальными владельцами.

Восстание было повсеместно. Под этими словами не следует, однако, понимать какое-либо соглашение, союз между всеми горожанами одной и той же страны. Положение общин почти везде было одинаково; они почти все подвергались одной и той же опасности, страдали от одних и тех же бедствий. Располагая почти равными средствами сопротивления и защиты, они употребили их приблизительно в одно и то же время. Может быть, сила примера также имела при этом некоторое влияние, и успех одной или двух общин был заразителен. Хартии, по-видимому, написаны иногда по одному образцу. Нойонская хартия, например, служила образцом для Бовейской, Сен-Кантенской и др. Однако я сомневаюсь, чтобы влияние примера было так сильно, как обыкновенно полагают. Сообщения были затруднительны, редки; слухи неопределенны и непродолжительны; гораздо более основания предполагать, что восстание было результатом одинакового положения общин, самобытного, всеобщего движения их. Под словом «всеобщее» я разумею только повсеместность движения, потому что, повторяю, в движении этом не было ни единодушия, ни предварительного соглашения; все носило на себе характер частности, местности: каждая община от своего лица восставала против своего владельца; все зависело от местных условий.

Велики были превратности счастья в этой борьбе. Не только успех был изменчив, но даже тогда, когда мир, по-видимому, был заключен, когда хартия была уже закреплена присягою обеих сторон, даже тогда хартию эту нарушали при всяком удобном случае. Короли играли важную роль во все время этой борьбы. Я буду говорить об этом подробно, когда мы коснемся самой королевской власти. Влияние ее на освобождение общин было то восхваляемо и возносимо, может быть, слишком высоко, то оспариваемо и, по моему мнению, слишком унижаемо. Сегодня я скажу только, что власть эта часто вмешивалась в общинное движение, призываемая то общинами, то феодальными владельцами; занимала самые противоположные роли; действовала то по одному принципу, то по другому; беспрестанно изменяла свои виды, намерения, образ действий; но вообще деятельность ее была обширна и имела более хороших, нежели дурных последствий. Несмотря на все эти перемены счастья, несмотря на непрерывное нарушение хартий, освобождение городских общин в XII столетии окончательно совершилось. Европа, и в особенности Франция, которая в течение целого века, постоянно была театром восстаний, теперь приобрела хартии, более или менее благоприятные для общин; общины пользовались ими с большею или меньшею безопасностью, но во всяком случае пользовались ими. Факт преобладал и юридическая сторона его была признана всеми.

Попытаемся теперь определить непосредственные последствия этого великого факта и изменения, внесенные им в общественное положение горожан. Прежде всего заметим, что, по крайней мере сначала, он нисколько не изменил отношения горожан к общему правительству страны, к тому, что мы теперь называем государством. Они по-прежнему не принимали в нем никакого участия; все оставалось местным, заключенным в пределах феода. Одно только обстоятельство несогласно с этим общим положением: между горожанами и королем

начинает с тех пор увеличиваться некоторая связь. В некоторых случаях, горожане просили у короля помощи против сеньора или ручательства в исполнении хартии, обещанной или данной сеньором. В других случаях, сеньор прибегал к суду короля для разбора споров своих с горожанами. По просьбе той или другой стороны и вследствие множества разнообразных причин, королевская власть вмешивалась в распри общин с феодальными владельцами; отсюда частные, иногда довольно тесные сношения горожан с королем. Этими сношениями буржуазия сблизилась с центром государства, положила начало своему участию в общих правительственных делах.

Хотя освобождение общин и не уничтожило преобладавший в то время характер местности, но оно дало начало новому, повсюду распространенному классу народа. Между горожанами не было никакого внешнего союза; как сословие они не обладали общественной, публичной жизнью. Но страна была покрыта людьми, поставленными в одинаковое положение, имевшими одни и те же интересы, нравы; между ними должна была установиться мало-помалу известная связь, известное единство, — и вот источник, из которого возникла буржуазия. Образование великого общественного сословия — буржуазии — было неизбежным последствием местного освобождения горожан. Не следует думать, что это сословие уже тогда было тем, чем сделалось позже. Не только положение его, но и самые элементы, его составлявшие, были в то время совершенно другие. В XII веке буржуазия состояла исключительно из купцов, торговцев, производивших незначительные обороты, и небольших земле- или домовладельцев, поселившихся в городе. Три века спустя, буржуазия содержала уже в себе кроме того адвокатов, медиков, ученых всякого рода (так называемых литераторов), всех местных чиновников. Буржуазия образовалась постепенно, из весьма различных элементов; в ее истории вообще мало обращали внимания как на эту постепенность, так и на это разнообразие. Говоря о буржуа-

зии, предполагали, по-видимому, что она во все времена состояла из одних и тех же элементов. Подобное предположение нелепо. Может быть, в самом разнообразии состава буржуазии в различные эпохи и необходимо искать тайну судьбы ее. Не имея среди себя ни должностных лиц, ни ученых, не будучи тем, чем она сделалась в XVI веке, буржуазия не имела в государстве ни своего будущего характера, ни значения. Чтобы понять все превратности ее могущества и счастья, следует обратить внимание на то, как в ее недрах последовательно появлялись новые отрасли деятельности, новые нравственные положения, новое настроение умов. В XII веке она заключала в себе только мелких торговцев, которые, сделав свои покупки и продажу, возвращались на жительство в город, и из небольших земле- и домовладельцев, поселившихся там постоянно. Таково сословие горожан в Европе, в его первоначальных элементах.

Третий важный результат освобождения городских общин — это борьба между сословиями, борьба наполняющая всю новую историю. Из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа. В других странах, я уже дал вам это заметить, такая борьба привела к совершенно другим результатам; в Азии, например, одно сословие вполне поработило другое и сословия были заменены кастами, и общество сделалось неподвижным. В Европе, слава богу, не случилось ничего подобного; ни одно сословие не в состоянии было ни победить, ни поработить другие; борьба породила не неподвижность, а прогресс. Отношения различных классов между собою, необходимость бороться и поочередно уступать друг другу, разнообразие их интересов и страстей, потребность победить друг друга и невозможность вполне достигнуть этой цели — вот откуда, может быть, появилось самое энергическое, самое плодотворное начало развития европейской цивилизации. Сословия постоянно боролись между собою, ненавидели друг друга; сильное различие в положении, интересах, нравах породило между ними глубокую

политическую неприязнь, а между тем они прогрессивно расширялись, сближались между собою, уподоблялись друг другу; в каждой стране Европы рождался и развивался какой-то общий дух, какое-то единство интересов, идей, чувств, которое восторжествовало над различием и враждою. Во Франции, например, в XVII и XVIII столетиях общественное и нравственное различие сословий было еще весьма сильно; однако нет сомнения, что уже и в это время слияние сделало большие успехи, что уже и в это время существовал французский народ в полном смысле этого слова, — народ, который не состоял исключительно из одного какого-либо класса, но обнимал собою все сословия, одушевленные одним общим чувством, соединенные в одной общественной жизни, наконец, глубоко запечатленные национальностью, единством.

Таким образом, из недр разнообразия, вражды, войны возникло то национальное единство, которым теперь отличается Европа, и которое, с увеличивающимся ежедневно успехом, не перестает стремиться к дальнейшему развитию и усовершенствованию. Таковы главнейшие из внешних, видимых, общественных последствий интересующего нас переворота. Посмотрим, каковы были его нравственные результаты, какие изменения произошли в душе самих горожан, чем сделало, чем должно было сделать их в нравственном отношении новое общественное положение их.

Одно обстоятельство неизбежно поражает нас, когда мы рассматриваем отношения буржуазии к государству вообще, к государственному правительству, к общим интересам страны, не только в XII веке, но и в последующих столетиях: я подразумеваю изумительную робость горожан, униженность их, чрезмерную скромность их притязаний, касательно общего управления страны, ограниченность требований их по этому предмету. Ничего не обнаруживает в них того истинно политического духа, который стремится к влиянию, к преобразованиям, к власти; ничто не свидетельствует о смело-

сти их мыслей, об обширности их честолюбия; они похожи на честных и рассудительных вольноотпущенников. В политической сфере есть только два источника, из которых можно получить возвышенное честолюбие и стойкость мысли. Для этого нужно либо сознание большего значения, большего влияния на судьбу других, влияния действующего в обширных размерах, либо — энергическое чувство полной личной независимости, уверенность в своей личной свободе, непризнание над собою никакой другой воли, кроме своей собственной. От этих двух условий зависят смелость мысли, возвышенность честолюбия, потребность действовать в обширной сфере и извлекать из своей деятельности великие результаты. Ни то, ни другое из этих условий мы не находим в положении средневековых горожан. Вы видели уже это значение, важность их заключалась в них самих; вне своего города, в государстве, они не имели почти никакого влияния. С другой стороны, они не могли быть одушевлены сильным чувством личной независимости. Тщетно они побеждали, тщетно получали хартию; горожанин, сравнивая себя с мелким владельцем, жившим близ города и незадолго перед тем побежденным им, тем не менее чувствовал превосходство этого владельца над собою; ему было неизвестно то гордое чувство независимости, которое одушевляло феодального сеньора; свою долю свободы он был обязан не самому себе, а своему союзу с другими — пособию непрочному и дорогому. Отсюда — тот характер осторожности, умственной робости, боязливой скромности, приниженности в языке, даже при твердом, решительном образе действий, которым так глубоко запечатлена жизнь не только горожан XII века, но и их отдаленных потомков. Их не тянет к обширным предприятиям; участвуя против своей воли в таких предприятиях, они беспокойны, смущены; их тревожит мысль об ответственности, они чувствуют себя вне своей сферы и стараются вернуться в нее; они готовы заключить мир по дешевой цене. Вот отчего история Европы,

а особенно Франции, представляют нам буржуазию уважаемую, пользующуюся уважением и вниманием, но не грозною; она редко производила на своих противников впечатление великой и гордой силы, силы истинно политической. Не следует изумляться этой слабости новейшей буржуазии; главная причина этого явления заключается в самом возникновении буржуазии, в рассмотренных мною обстоятельствах ее освобождения. Возвышенность честолюбия, независящая от общественных условий, обширность и стойкость политической мысли, потребность участвовать в общих делах страны, наконец, полное сознание величия человека как человека и власти, принадлежащей ему, когда он способен ею пользоваться, — все эти чувства, склонности еще новы в Европе. Они имеют свое начало в новейшей цивилизации, они составляют результат той славной, могущественной всеобщности, которою отличается эта цивилизация и которая не может не упорочить за обществом, в делах управления страны такое влияние, такой перевес, какого не имели и не могли иметь наши предки-горожане.

Но, с другой стороны, в борьбе местных интересов, происходившей в тесных пределах общины, горожане приобрели и обнаружили небывалую степень энергии, преданности, терпения и твердости. Трудность предприятия и опасности, соединенные с ним, требовали сильного развития личного мужества и отваги. В наше время распространены весьма ложные понятия о жизни горожан XII и XIII столетий. Вы читали в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард» описание литтиского горожанина XV века: он сделал из него такого буржуа, каких мы видим в комедии, тяжелого на подъем, нерешительного, не имеющего ни опытности, ни смелости, исключительно занятого тем, как бы удобнее устроить свою жизнь. Нет, на груди горожан того времени всегда была кольчуга, а в руке пика; их жизнь была почти так же бурна, воинственна, сурова, как и жизнь феодальных владельцев, с которыми они сража-

лись. В этих непрерывных опасностях, в борьбе со всеми трудностями действительной жизни, они приобретали тот мужественный характер, ту неукротимую энергию, которые отчасти утратились среди мирной деятельности новейших времен.

Ни один из указанных мною общественных или нравственных результатов освобождения общин не достиг в XII веке полного своего развития: они выяснились и сделались заметными только в следующих столетиях. Но зародыш их, несомненно, находился в первоначальном положении общин, в способе их освобождения и в месте, которое горожане вслед за тем заняли в обществе. Вот почему я имел право познакомиться с этими результатами. Проникнем теперь в самую общину XII века, посмотрим, как она управлялась, какие начала и факты преобладали в отношениях горожан между собою.

Вы помните, что говоря о муниципальном устройстве, завещанном Римскою империею новому миру, я сообщил вам, что римский мир был обширным союзом муниципий, некогда обладавших верховною властью, подобно самому Риму.

Каждый из этих городов сначала ничем не отличался от Рима; он представлял из себя небольшую, независимую республику, которая сама заключала мир, объявляла войну, управляла собою сама по своему усмотрению. По мере того как эти города входили в состав римского мира, права, образующие сущность верховной власти, — право мира и войны, право давать законы, право налагать подати, — из каждого города переходили в Рим и там сосредоточивались. Осталась одна лишь державная муниципия — Рим, который господствовал над множеством других муниципий, сохранявших только гражданскую жизнь. Характер муниципальной системы изменился; из политического правительства, из особого рода устройства верховной власти, она опустилась на степень простого способа администрации. Вот важный переворот, совершившийся под владычеством римских императоров. Муниципальное устройство как способ администрации ограничивалось заведыванием ме-

стных интересов, гражданских дел города. В таком именно положении падение Римской империи оставило города и городские учреждения. Среди беспорядка, варварства, все идеи, все факты перемешались между собою; особенные свойства верховной власти и администрации слились в одно целое. Различие между ними исчезло; течение дел обуславливалось требованиями необходимости; от нее зависело появление в каждом отдельном месте лиц, облеченных правами верховной и административной власти. Когда города восстали, с целью обезопасить свое существование, они приняли на себя державную власть. Получив себе право набирать милицию, облагать себя податями на случай войны, назначать своих начальников и должностных лиц, одним словом, право самоуправления, горожане поступали таким образом не под влиянием какой-нибудь политической теории, не из чувства собственного достоинства, но для того, чтобы иметь возможность сопротивляться феодальным владельцам, против которых они восстали. Самоуправление внутри городов было средством защиты, необходимым условием внешней безопасности. Таким образом, державность возвратилась в муниципальное устройство, из которого она была изгнана завоеваниями римлян. Общины снова сделались державными. Таков политический характер их освобождения. Не следует, однако, думать, чтобы державность их была полная. В городах постоянно оставался какой-нибудь остаток внешней, чуждой власти; иногда феодальный владелец удерживал за собою право посылать в город чиновника, помощниками которого служили муниципальные должностные лица; иногда он сохранял право собирать в свою пользу известные доходы; иногда ему была назначена известная дань. Иногда, наконец, право внешней верховной власти над общиною переходило в руки короля. Вступив в свою очередь в область феодальной системы, общины приобрели вассалов, сделались сюзеренами и вместе с тем овладели долею верховной власти, принадлежавшею сюзеренам.

Эти феодальные права общин соединились с правами, завоеванными во время восстания; таково было действительное основание державности общин.

Каким же образом совершалось, по крайней мере первоначально, внутреннее управление общин, насколько можно судить об этом по крайне неточным памятникам? Из всей совокупности жителей получалось народное собрание общины; все, давшие присягу на верность общине, — а присягу эту обязан был давать всякий, кто жил в стенах города, — созываемы были колокольным звоном в общее собрание, которое назначало должностные лица. Число и форма должностей были весьма изменчивы. Выбрав должностных лиц, собрание расходилось, а выбранные сановники почти одни управляли городом с довольно неограниченным произволом, под страхом одной только ответственности новых выборов или же народного мятежа — главнейшего средства ответственности того времени.

Мы видим, что внутренняя организация общины разделяется на два весьма простых элемента: общее собрание жителей и правительство, облеченное почти неограниченной властью, под ответственностью восстания, бунта. Водворение благоустроенного правительства, установление истинных гарантий порядка и прочности было немыслимо, особенно при тогдашнем состоянии нравов. Горожане по большей части были до такой степени невежественны, грубы, дики, что управлять ими было очень трудно. Через некоторое время в общинах было почти столь же мало безопасности, как и прежде, в сношениях горожан с феодальным владельцем. Несмотря на то, в городах весьма скоро образовалось новое сословие, а именно высшая буржуазия. Причины тому ясны. Состояние людей и общественных положений вызвало за собою установление законно устроенных промышленных цехов, корпораций. В общинах получили господство привилегии, имевшие своим последствием сильное неравенство между горожанами. Вскоре

появилось повсюду известное число богатых горожан и рабочее население, более или менее многочисленное, имевшее, несмотря на свою сравнительную незначительность, большое влияние на управление, общины. Таким образом общины распались на высшую буржуазию и низшее население, подверженное всем заблуждениям, всем недостаткам черни. Высшая буржуазия увидела себя поставленную между чрезвычайною трудностью управлять таким народонаселением и постоянными попытками прежнего владельца общины вновь захватить утраченную власть. Таково было положение общин не только в одной Франции, но и во всей Европе до XVI века. В этом, может быть, заключается главная причина, помешавшая общинам во многих странах Европы, особенно во Франции, приобрести то политическое значение, которым они могли бы пользоваться. Два различные духа беспрестанно сталкивались в них: в низшем народонаселении — слепой, необузданный, дикий демократический дух, и наоборот, в высшей буржуазии — дух робости, уступчивости, удивительной готовности подчиниться королю или прежним сеньорам, с целью водворить в общине некоторый порядок, некоторое спокойствие. Ни то, ни другое из этих стремлений не могло доставить общинам важного места в государстве.

Все эти явления не обнаружили еще в XII веке; однако их можно было предвидеть по характеру восстания, по самому началу его, по состоянию различных элементов городского народонаселения.

Таковы, если не ошибаюсь, главные отличительные черты и общие результаты освобождения общин и затем внутреннего управления их. Я уже имел честь предупредить вас, что эти явления не были так однообразны, так повсеместны, какими я их представил.

История европейских общин представляет весьма много разнообразия. Например, в Италии и в южной Франции господствовало римское муниципальное устройство; в народо-

населении не было такого разъединения, такого неравенства, как на севере. И общинная организация была на юге несравненно лучше, под влиянием ли римских преданий, или же сравнительного благосостояния народа. На севере в общинной жизни преобладало феодальное устройство. Там, по-видимому, все обуславливается борьбою против феодальных владельцев. Южные общины гораздо более обращали внимания на свою внутреннюю организацию, улучшения, прогресс; они были предназначены сделаться независимыми республиками. Судьба северных общин, особенно во Франции, представляется более суровою, неполною; она не содержит в себе зачаток обширного развития. Если бы мы осмотрели общины германские, испанские, английские, то встретили бы мы в них много других особенностей. Я не могу войти в такие подробности; некоторые из них будут указаны нами, по мере того как мы будем подвигаться в истории цивилизации. При своем возникновении, все вещи обладают почти одною и тою же физиономиею: разнообразие проявляется только в последовательном развитии вещей. Потом настает новое развитие, побуждающее общество стремиться к высокому и свободному единству — великой цели всех усилий и стремлений человеческого рода.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Взгляд на общую историю европейской цивилизации. – Ее отличительный и основной характер. – Время, когда этот характер начинает проявляться. – Состояние Европы между XII и XVI столетиями. – Характер крестовых походов. – Их нравственные и общественные причины. – В конце XIII века эти причины уже не существуют. – Влияние крестовых походов на цивилизацию.

Я еще не представил вам полный план моего курса. Я начал тем, что показал вам предмет его, а потом подвигался все дальше и дальше, не рассматривая европейскую цивилизацию в полном ее составе, не указывая вам одновременно точку исхода, путь и цель, или, другими словами, начало, середину и конец ее. Теперь мы дошли до того времени, когда общее обозрение, общий очерк рассматриваемого нами мира становится необходимым. Эпоха, уже рассмотренная нами, объяснялась как бы сама собою или ближайшими ясными результатами своими, но времена, к которым мы теперь приступаем, не могут быть поняты, не могут даже возбудить живого интереса, если они не будут соединены с самыми косвенными, отдаленными последствиями своими. В такой обширной работе, какова наша, наступает момент, когда трудно решиться идти вперед, не имея пред собою ничего, кроме неизвестности и мрака; в этот момент становится необходимым знать не только откуда идешь и где находишься, но и куда направляешь шаги свои. Вот потребность, которую мы теперь ощущаем. Чтобы понять эпоху, до которой мы достигли, чтобы вполне оценить ее значение, необходимо обратить внимание

на отношения ее к новейшему времени. Истинный смысл ее раскрылся очень поздно.

Нам уже известны почти все существенные элементы европейской цивилизации. Я говорю «почти», потому что еще не познакомил вас с королевскою властью. Настоящая минута для развития королевской власти наступила лишь в XII и даже в XIII веке; тогда только учреждение это получило правильное устройство и начало занимать место, окончательно принадлежащее ему в новейшем обществе. Вот почему я не говорил до сих пор о королевской власти; она будет предметом следующей моей лекции. За исключением ее, повторяю, нам известны все важнейшие элементы европейской цивилизации: мы присутствовали при колыбели феодальной аристократии, церкви, городских общин; мы видели учреждения, соответствовавшие этим фактам, — и не только учреждения, но и принципы, идеи, которые были необходимым последствием фактов.

При изучении феодальной системы, мы увидели возникновение новейшего семейного устройства, домашней жизни; мы поняли чувство личной независимости во всей его силе и энергии, поняли, какое место должно было принадлежать ему в нашей цивилизации. Рассматривая церковь, мы видели появление чисто духовного общества, отношения его к обществу светскому, теократический принцип, отделение духовной власти от светской, первые попытки гонения, первоначальный голос свободы совести. Образование городских общин показало нам ассоциацию, основанную на совершенно других началах, нежели ассоциации феодальная или церковная, — различие общественных сословий, вражду их, первые основные черты нравов новейшей буржуазии, умственную робость рядом с энергией души, демагогический дух рядом с духом законности. Одним словом, все элементы способствовавшие образованию европейского общества, все, чем оно было, все, что занимало его, уже прошло некоторым образом пред вашими глазами.

Перенесемся теперь в среду новейшей Европы, — я говорю не о современной Европе, после изумительного переворота, которого мы были свидетелями, но о Европе XVII и XVIII столетия. Спрашиваю вас: узнаете ли вы в ней общество, виденное вами в XII веке? Какая огромная разница! Я уже объяснил эту разницу в отношении к городским обществам: я старался показать вам, как среднее сословие XVIII века было мало похоже на среднее сословие XII. Примените это сравнение к феодальной системе и к церкви — вас поразит такое же несходство. Между дворянством двора Людовика XV и феодальной аристократией так же мало сходства, как между церковью кардинала Берни и церковью аббата Сугерия, как между средним сословием XVIII века и буржуазией XII. В промежуток времени между этими двумя эпохами, общество, в полном своем составе, подверглось коренному преобразованию, хотя важнейшие элементы его были сформированы уже и в XII веке. Я постараюсь различить со всею ясностью общий, существенный характер этого преобразования.

Между V и XII столетиями общество содержало в себе все, что мы встретили и описали в нем: королей, светскую аристократию, духовенство, горожан, колонов, власть религиозную, власть светскую, одним словом, зачатки всего того, из чего мог образоваться народ, правительство; а между тем в нем не было ни народа, ни правительства. В изучаемое нами время не было ничего похожего на нацию, на правительство, в том смысле, в котором принято теперь понимать эти слова. Мы встречали множество частных сил, отдельных фактов, местных учреждений, но не видели ничего общего, публичного, не видели ни политики в собственном значении этого слова, ни истинной народности.

Бросим теперь взгляд на Европу в XVII и XVIII столетиях; здесь, наоборот, повсюду мы видим правительство и народ. Действие общественной власти на целую страну, влияние страны на власть, которая ею управляет — вот общество, вот исто-

рия; содержанием, предметом истории становятся отношения этих двух великих сил, союз их или борьба. Дворянство, духовенство, буржуазия, все эти сословия, все эти частные силы отодвигаются на второй план, уподобляются теням, бросаемым великими делами — народом и его правительством.

Вот, если не ошибаюсь, существенный признак, отличающий новейшую Европу от прежней; вот преобразование, совершившееся между XIII и XVI столетиями. В этих столетиях, т. е. в периоде времени, которое мы начнем изучать, и должно искать тайну великой перемены, указанной нами. Отличительный характер этого периода состоит именно в том, что он превратил прежнюю Европу в новейшую; отсюда — его важность и историческое значение. Если не изучать его с этой точки зрения, если не стараться искать в нем главным образом того, что оно породило, то он показался бы не только неясным, но и в высшей степени утомительным и скучным. В самом деле, рассматриваемое в самом себе, отдельно от своих результатов, это время представляется лишенным всякого определенного характера; замешательство растет непрерывно, без видимых и необходимых причин; движения лишены всякой цели; волнения остаются без последствий; королевская власть, духовенство, дворянство, среднее сословие — все элементы общественного быта вращаются как бы в одном и том же круге, равно неспособные и к прогрессу, и к покою. Совершаются попытки всякого рода и ни одна из них не достигает цели; пытаются утвердить правительство, установить политическую свободу; стремятся даже к религиозным реформам, — ничто не удается, ничто не ведет к желанной цели. Если род человеческий когда-либо казался обреченным на бурную и вместе с тем неподвижную жизнь, на постоянный, но бесплодный труд, то таким представляется его положение, его история именно в промежуток времени между XIII и XV столетиями.

Мне известно одно только сочинение, где время это воспроизведено с полною истиною: «История герцогов Бургунд-

ских» Баранта. Я говорю не об истине, которую отличаются картины нравов, подробный рассказ событий, но о той общей истине, которая из целой книги делает верный образ, правдивое отражение эпохи, со всею ее деятельностью и со всем ее однообразием. Но эта самая эпоха проясняется и оживляется, если изучать ее в связи с тем, что последовало за нею, если видеть в ней переход от прежней Европы к новейшей. Тогда открывается в ней целость, определенное направление, прогресс; в медленной, скрытой работе, которою ознаменована она, заключается ее единство, ее значение.

Таким образом история европейской цивилизации может быть разделена на три главных периода: 1) период, который я назову периодом возникновения, образования, когда различные элементы нашей цивилизации выходят из хаоса, получают жизнь и являются в свойственных им формах вместе с принципами, одушевляющими их; это время продолжается до XII века. 2) Второй период есть время опыта, попыток, колебаний; различные элементы общественного быта сближаются, соединяются между собою, испытывают силы, не имея возможности произвести что-либо общее, правильное, прочное. Это состояние оканчивается не ранее XVI века. 3) Наконец период развития в собственном смысле слова, когда общество получает в Европе окончательную форму, следует определенному направлению, быстро, общими силами идет к ясной и точно сознанный цели; эта эпоха началась в XVI веке и продолжается еще в настоящее время.

Вот каким представляется мне, в главных чертах, зрелище европейской цивилизации; в таком именно виде я постараюсь представить ее вам. Теперь мы вступаем во второй период ее. Мы должны определить важнейшие кризисы этого периода, главные причины общественного преобразования, которое было их последствием.

Первое великое событие, представляющееся нам, объясняющее рассматриваемую нами эпоху — это крестовые похо-

ды. Они начинаются в конце XI века и пополняют собой XII и XIII. Событие это, конечно, можно назвать великим, потому что с тех пор как оно совершилось, оно не переставало интересоваться собою историков-мыслителей; прежде даже чем удалось оценить его, все уже инстинктивно чувствовали, что это одно из тех влияний, которые изменяют положение народов и без изучения которых нет возможности понять общий ход событий. Повсеместность, всеобщность — вот первый характер крестовых походов; в них участвовала вся Европа, они были первым европейским событием. До крестовых походов Европа никогда не приводилась в движение одним и тем же стимулом, никогда не участвовала в одном и том же деле; Европы, можно сказать, вовсе не было. Крестовые походы обнаружили существование христианской Европы. Французы составляли главную основу первой армии крестоносцев, но в рядах ее были и германцы, и итальянцы, и испанцы, и англичане. Проследите второй, третий крестовые походы: в них участвуют все христианские нации. Это зрелище беспрецедентное, невиданное прежде. Но это еще не все: крестовые походы, будучи европейским событием, в то же время являлись для каждой страны событием народным; в каждой стране все классы общества одушевлялись одним и тем же чувством, находились под влиянием одной и той же идеи, стремились к одной и той же цели. Короли, рыцари, горожане, земледельцы — все участвовали в крестовых походах, все одинаково сочувственно относились к ним. Проявилось, таким образом, нравственное единство наций — факт столь же новый, как и европейское единство.

В юности народов, когда они действуют самобытно, свободно, без предварительного размышления, без политических намерений и соображений, — события, подобные крестовым походам, называются в истории героическими событиями, героической эпохой жизни народа. В самом деле, крестовые походы составляют героическое событие новой Европы, дви-

жение в одно и то же время личное и общее, национальное, хотя и никем не управляемое. Что таков именно был их первоначальный характер, это подтверждают все письменные свидетельства, доказывают все факты, из которого состояло первое, пришедшее в движение войско крестоносцев. Из народных полчищ, отправившихся на Восток под предводительством Петра Пустынника, без приготовлений, без руководителей и начальников, увлекая за собою, скорей, нежели имея во главе своей, нескольких неизвестных рыцарей. Они проходят чрез Германию, Греческую империю и рассеиваются или погибают в Малой Азии.

В свою очередь высший класс, феодальное дворянство, также устраивает крестовый поход. Под предводительством Готфрида Бульонского, рыцари и подвластные им люди отправляются в путь, полные энергии и отваги. В Малой Азии вожди крестоносцев становятся внезапно равнодушными, усталыми; они отказываются продолжать свое предприятие; у них явилось желание завоевать страну и утвердиться в ней. Но народ, составляющий войско, возмущается этим; он хочет идти к Иерусалиму; освобождение Иерусалима есть цель крестового похода; крестоносцы собрались не для того, чтобы доставить княжества Раймунду Тулузскому, Боэмунду или кому бы то ни было другому. Популярное национальное, европейское стремление одерживает победу над всеми личными целями; предводители не имеют достаточно власти над массами, чтобы подчинить их своим собственным интересам. Государя, не принимавшие участия в первом крестовом походе, вовлечены наконец, подобно народам, во всеобщее движение. Великие крестовые походы XII века совершаются под предводительством королей.

Перехожу теперь прямо к концу XIII века. В Европе продолжают говорить еще о крестовых походах, с увлечением проповедуют их. Папы побуждают к ним государей и народы, созывают соборы, чтобы найти защитников святой земли; но

никто уже не идет туда, никто не беспокоится о ней. В умах европейцев, в европейском обществе произошла перемена, положившая конец крестовым походам. Бывают еще, правда, отдельные походы; несколько рыцарей, несколько народных полчищ еще отправляются в Иерусалим; но общее движение очевидно прекратилось, несмотря на то что не исчезла, по-видимому, ни необходимость, ни возможность продолжать его. Мусульмане торжествуют в Азии. Христианское королевство, основанное в Иерусалиме, покорено ими. Необходимо снова исторгнуть его из рук их, и для этого имеется гораздо более средств, нежели при начале крестовых походов. В Малой Азии, в Сирии, в Палестине много живет еще довольно могущественных христиан. Дорога, образ военных действий известны более чем прежде. При всем этом ничто не в состоянии возобновить крестовые походы. Ясно, что они не соответствуют уже желаниям обеих великих сил общества: с одной стороны, государей, с другой — народов. Часто объясняют это явление усталостью, говорят, что Европа утомилась нападениями на Азию. Но нам необходимо точно определить смысл слова *усталость*, часто употребляемого в подобных случаях; оно далеко не точно. Трудно допустить, что люди могут быть утомлены тем, чего они не делали, утомлены усталостью своих предков. Усталость — явление личное, оно не передается по наследству. Люди XIII века не были утомлены крестовыми походами XII: они находились под влиянием другой причины. В общественных идеях, чувствах, положениях совершился важный переворот. Исчезли прежние потребности, прежние желания. Верования, стремления переменились. Этим политическим или нравственным преобразованием, а не усталостью объясняется различие в образе действий преемственно следующих друг за другом поколений. Изнеможение, приписываемое им, это метафора, лишённая всякой истины.

Две важные причины, одна нравственная, другая общественная, привели Европу к крестовым походам.

Нравственная причина вам известна: это было внушение религиозных верований и чувств. С конца VII века христианство боролось с исламом; после грозившей ему опасности, христианство одержало победу в Европе и успело заключить исламизм в пределах Испании; да и оттуда оно беспрерывно старалось изгнать его. Крестовые походы признаются иногда случайностью, событием неожиданным, неслыханным, вызванным рассказами пилигримов, вернувшихся из Иерусалима, и проповедью Петра Пустынника. Это неверно. Крестовые походы были продолжением, зенитом великой борьбы, возгоревшейся четыре века тому назад между христианством и исламом. До этого времени театром войны была Европа, — теперь война переносится в Азию. Если бы я дорожил теми сравнениями, параллелями, под которые иногда, волею или неволею, подводятся исторические факты, то я мог бы показать вам, что христианство в Азии шло таким же путем, подвергалось той же участи, на какую в Европе был обречен исламизм. Магометанство утвердилось в Испании, завоевало и основало там королевство, княжество. То же самое сделали в Азии христиане. Они находились к магометанам в таких же отношениях, в каких в Испании магометане находились к христианам. Иерусалимское и Гренадское королевства соответствуют друг другу. Впрочем, подобные сходства не имеют большой важности. Для нас важен факт борьбы двух религиозных и общественных систем. Крестовые походы были главным ее кризисом. Таков их исторический характер, такова связь, соединяющая их с общим ходом событий.

Другая причина — общественное положение Европы в XI веке — не менее первой способствовала происхождению крестовых походов. Я уже старался пояснить, почему в Европе между V и VI столетиями не было ничего общего; я старался представить, как все сделалось в ней местным, частным, каким узким горизонтом были ограничены государства, жизнь и умственная деятельность. Отсюда — победа феодального уст-

ройства. Несколько времени спустя, этот ограниченный горизонт оказался не вполне достаточным; мысль и деятельность человека почувствовали потребность покинуть эту тесную сферу, в которой были заключены. Кочующая жизнь прекратилась, но не исчезла страсть к сопряженной с нею подвижности, к приключениям. Народы устремились в крестовые походы, как в новое, более широкое, более разнообразное существование, напоминавшее прежнюю свободу времен варварства и раскрывавшее вместе с тем вдали картину обширной будущности.

Таковы были, по моему мнению, в XII веке две главные, решительные причины крестовых походов. В конце XIII века не существовала уже ни та, ни другая. Человек и общество изменились до такой степени, что не чувствовалось более ни того нравственного побуждения, ни той общественной потребности, которые увлекли Европу против Азии. Не знаю, многие ли из вас читали современных историков крестовых походов, и приходило ли кому-либо из вас на мысль сравнить летописцев первых крестовых походов с летописцами конца XII и XIII веков; например, Альберта Эского (Albert d'Aix), Роберта, Раймунда Ажильского, участвовавших в первом крестовом походе, с Вильгельмом Тирским и Иаковом Витрийским. Сравнивая эти два класса писателей, нельзя не заметить расстояние, отделяющее их друг от друга. Первые — это летописцы, полные жизни, одаренные пылким воображением; они с жаром, с страстью рассказывают о событиях крестового похода. Но умственный кругозор их замечательно узок, у них нет ни одной идеи, выходящей из тесной сферы, в которой они вращаются, они лишены всяких познаний, полны предрассудков, неспособны критически относиться к окружающим их предметам и к рассказываемым ими событиям. Раскройте, наоборот, историю крестовых походов Вильгельма Тирского; вы будете поражены, найдя в нем почти новейшего историка, с развитым, обширным, свободным умом, с редким политиче-

ским пониманием событий, с общими взглядами, с умением судить о причинах и последствиях. Иаков Витрийский представляет пример развития другого рода: это ученый, не только изучивший все то, что относится к крестовым походам, но и занимающийся изучением нравов, географии, этнографии, естественной истории, — ученый, наблюдающий и описывающий мир. Словом, между летописцами первых крестовых походов и историками последних существует огромная разница, ясно свидетельствующая о происшедшем перевороте в умственном настроении.

Этот переворот обнаруживается более всего в способе выражений тех и других писателей о магометанах. Первые летописцы и первые крестоносцы страшно ненавидели магометан. Люди, говорящие о мусульманах, очевидно, не знают их, не могут произнести о них никакого суждения и рассматривают их единственно с точки зрения взаимной религиозной вражды: они презирают их, сражаются с ними, — и больше ничего. Вильгельм Тирский, Иаков Витрийский, Бернар Казнохранитель (Bernard le trésorier) относятся к мусульманам совершенно иначе. Ясно, что, враждуя с ними, они уже не видят в них каких-то чудовищ, что они до известной степени поняли их идеи, что они жили вместе с ними, вступили с ними в сношения, чувствуют к ним даже некоторую симпатию. Вильгельм Тирский восхваляет Нурредина, Бернар — Саладина. Они даже противопоставляют иногда нравы и жизнь магометан нравам и жизни христиан. Описывая магометан, они имеют в виду сатиру против христиан, подобно тому как Тацит изображал нравы германцев в противоположность нравам римлян. Вы видите, какая неизмеримая перемена совершилась в промежуток времени между двумя эпохами: последняя из них поражает нас свободным беспристрастным взглядом на самых врагов христианства, на тех, против кого были устроены крестовые походы, — взглядом, который, несомненно, вызвал бы у первых крестоносцев удивление и гнев.

Таков первый, главный результат крестовых походов; это важный шаг вперед к эмансипации разума, к более обширным и свободным идеям. Предпринятые во имя религиозных верований, под непосредственным влиянием их, крестовые походы положили конец не той доле влияния, которая по праву принадлежит религиозным идеям, но исключительному, деспотическому господству их над человеческим духом. Такой, несомненно неожиданный результат произошел от многих причин. Первая из них, очевидно, есть новость, обширность и разнообразие зрелища, открывшегося перед крестоносцами. С ними случилось то, что обыкновенно бывает с путешественниками. Всем известно, что взгляд путешественников на вещи делается свободнее, что привычка наблюдать различные народности, различные нравы и мнения расширяет идеи, очищает разум от старинных предрассудков. То же явление повторилось и со странствующими племенами, которые мы называем крестоносцами; ум их расширился, возвысился под влиянием всех различных предметов, виденных ими, под влиянием знакомства с чужими нравами. Они вступили в сношения с двумя не только различными, но и более развитыми цивилизациями; с одной стороны, с греческим обществом, с другой — с обществом мусульманским. Нет сомнения, что греческое общество, несмотря на свою обессиленную, испорченную, умирающую цивилизацию, произвело на крестоносцев впечатление общества более развитого, утонченного, просвещенного, нежели их собственное. Подобное увидели они и в мусульманском обществе. летописи содержат в себе любопытные сведения о впечатлении, произведенном крестоносцами на мусульман; последние смотрели на первых как на варваров, как на самых диких, свирепых, глупых людей из всех тех, кого им случалось прежде встретить. Крестоносцы со своей стороны были поражены богатством мусульман, изысканностью их нравов. За этим первым впечатлением скоро последовали частые сношения между обоими народами, сноше-

ния, расширившиеся и сделавшиеся гораздо более важными, нежели обыкновенно думают. Не говоря уже о повседневных сношениях восточных христиан с мусульманами, Восток и Запад узнали, посетили друг друга, вступили друг с другом во взаимную связь. Недавно еще один из ученых, прославляющих Францию в глазах Европы, Абель Ремюза, открыл сношения монгольских ханов с христианскими государями. К французским королям, между прочим, к Людовику Святому, отправляемы были монгольские посланники, с предложением заключить союз и возобновить крестовые походы против турок, в общих интересах монголов и христиан. И таким образом установлялись не только дипломатические, официальные сношения государей, но и частные, разнообразные сношения самих народов. Я приведу буквально слова г. Абеля Ремюза.

Многим итальянским, французским, фламандским монахам поручались дипломатические поручения к великому хану. Знатные монголы приезжали в Рим, Барселону, Валенсию, Лион, Париж, Лондон, Нортэмптон, а францисканец, родом из неаполитанского королевства, был архиепископом в Пекине. Преемником его был профессор богословия в Парижском университете. Но сколько других, неизвестных лиц стремилось вслед за упомянутыми или в качестве невольников, или в надежде на обогащение, или увлекаемые любопытством в неизвестные до тех пор страны. Случай сохранил имена некоторых из таких лиц. Первый посланник, прибывший от татар к королю Венгерскому, был англичанин, изгнанный из отечества за преступление, скитавшийся по всей Азии и наконец поступивший на службу к монголам. Фламандский монах из ордена кордельеров наткнулся в глубине Татарии на женщину из Меца, по имени *Пакетту*, похищенную венгерцами, встретил золотых дел мастера, брат которого торговал в Париже, на новом мосту, и молодого человека из окрестностей Руана, находившегося при взятии Белграда. Он встретил там также русских, венгерцев, фламандцев. Певчий по имени Роберт посетил Восточную Азию и потом, возвратившись в Шартр, умер в тамошней соборной церкви. Один татарин был

поставщиком шлемов при войске Филиппа Красивого. Жан Планкарпин встретил близ Яика русского дворянина по имени Темера, служившего там переводчиком. Многие бреславльские, польские, австрийские купцы сопровождали его в Татарию. Другие возвратились с ним оттуда через Россию — это были генуэзцы, пизанцы, венецианцы. Два венецианских купца, которых случай привел в Бухару, последовали за монгольским посланником, отправленным Хулагу к Хубилаю. Они провели несколько лет в Китае и в Татарии, привезли папе письмо от великого хана, потом опять поехали к великому хану, причем один из них взял с собою сына своего, известного Марко Поло, и наконец еще раз оставили двор Хубилая, чтобы возвратиться в Венецию. Подобные путешествия были часто совершаемы и в следующем столетии: таковы путешествия Иоанна Мандевилля, английского врача, Ордерика Фриульского, Пеголетти, Вильгельма Бульдесельского и многих других. Несомненно, путешествия, оставившие по себе какое-либо воспоминание, составляют только небольшую часть всех подобных предприятий; в те времена больше было людей, готовых совершать дальнейшее странствование, нежели людей, способных описать его. Многие из этих искателей приключений поселялись и умирали в странах, которые посещали. Другие возвращались в отечество, столь же неизвестными, как и прежде, но воображение их было наполнено всем тем, что они видели; они рассказывали о том своей семье, конечно, все преувеличивая, но распространяя вокруг себя, вместе с нелепыми баснями, и полезные, плодотворные предания. Таким образом в Германии, в Италии, во Франции, — в монастырях, среди дворянства и даже в низших классах общества заронены были драгоценные семена, которым суждено было развиться несколько позже. Эти неизвестные путешественники, знакомя чужие страны с искусствами своего отечества, в свою очередь вывозили оттуда другие, не менее драгоценные познания и вступали, сами того не зная, в обмен гораздо более выгодный, нежели всякая торговля. Путешествия эти не только расширяли и облегчали торговлю материями, фарфором, всеми продуктами Индии, не только открывали новые пути для промышленности и коммерческой деятельности, но — что гораздо важнее — они знакомили европейцев, заключенных

со времени падения Римской империи в слишком тесной умственной сфере, с чужими нравами, с неизвестными народами, с необыкновенными произведениями природы. Тогда начали придавать некоторое значение прекраснейшей, населеннейшей и древнейшей по цивилизации части современного мира. Появилось желание изучать искусства, верования, языки народов, в ней обитавших; хотели даже учредить в Парижском университете кафедру татарского языка. Рассказы, сначала несколько опоэтизированные, но вскоре подвергшиеся серьезному и глубокому разбору, повсюду служили источником более точных и разнообразных познаний. Мир как бы расширился со стороны Востока; география сделала огромные успехи, страсть к открытиям сделалась новою формою, в которую облекся предприимчивый дух европейцев. По мере ближайшего знакомства с нашим полушарием, идея о другом полушарии перестала казаться парадоксом, лишенным всякой вероятности, и Христофор Колумб открыл Новый Свет, отыскивая Ципангри Марко Поло.

Вот обширный, новый мир, открывшийся пред умом европейцев в XIII и XIV столетиях под влиянием фактов, составлявших последствие крестовых походов. Без сомнения, это одна из могущественнейших причин развития и свободы духа, проявляющихся в Европе по окончании крестовых походов.

Не меньшего внимания достойно еще другое обстоятельство. До крестовых походов римский двор, центр церкви, вступал в сношения с мирянами единственно чрез посредство духовных лиц, т. е. легатов, посылаемых папою, или же епископов и всего вообще духовенства каждой страны. Правда, бывали и миряне, находившиеся в непосредственных сношениях с Римом, но, вообще говоря, посредником между ним и народами было духовенство. Между тем в продолжение крестовых походов, Рим лежал на пути большей части крестоносцев, отправлявшихся в поход или возвращавшихся домой. Множество мирян познакомились с его политикою и нравами и открыли роль, занимаемую в религиозных спорах лич-

ным интересом. Открытие это, без сомнения, снабдило умы небывалою до того времени смелостью. Рассматривая вообще состояние умов в конце крестовых походов, особенно в отношении к делам церковным, нельзя не обратить внимания на один странный факт: религиозные идеи не изменились; они не уступили место противоположным или даже просто другим, несогласным мнениям. Между тем умы приобрели несравненно более свободы; религиозные верования перестали составлять единственную сферу, в которой бы вращался человеческий разум: не оставляя их, он уже более не ограничивается ими и переносится на другие предметы. Таким образом, в конце XIII века уже не существовала нравственная причина крестовых походов, или по крайней мере самое энергическое побуждение их; в нравственном состоянии Европы совершилась существенная перемена.

Подобное изменение совершилось и с состоянием общественного быта. Много рассуждали о том, какое влияние имели в этом отношении крестовые походы. Нашли, что они принудили большую часть феодальных владельцев продать свои феоды королям или же даровать хартии городским общинам, чтобы приобрести деньги, необходимые для крестового похода. Доказано, что самое отсутствие феодальных владельцев значительно уменьшило власть, принадлежавшую некоторым из них. Не входя в подробное рассматривание этих вопросов, можно, я думаю, представить в нескольких общих выводах влияние крестовых походов на общественный быт Европы.

Они значительно уменьшили число небольших феодов, небольших домен, небольших феодальных владельцев. Они перенесли собственность и власть в меньшее количество рук. Большие, могущественные феоды образуются и расширяются во время крестовых походов.

Я часто сожалел, что у нас нет карты Франции, где бы она была разделена на феоды, подобно тем картам, где Франция представлена с разделением своим на департаменты, округа,

кантоны и общины. Следовало бы отметить на карте все феодалы, их границы, их взаимные отношения и последовательные изменения. Если бы с помощью подобных карт мы стали сравнивать состояние Франции прежде и после крестовых походов, то увидели бы, как много исчезло феодальных владений, и до какой степени увеличились большие и средние феодалы. Это один из важнейших результатов, произведенных крестовыми походами. Но и там, где мелкие владельцы сохранили свои феодалы, они уже не могли жить в таком уединении, как прежде. Владельцы больших феодалов сделались центрами, около которых сгруппировались мелкие собственники. Во время крестовых походов они по необходимости примыкали к богатейшему, могущественнейшему вельможе, получали от него всякого рода пособия, жили вместе с ним, разделяли его судьбу, участвовали в одних и тех же предприятиях. По возвращении крестоносцев, эта общительность, эта привычка жить подле высших лиц удержалась, сделалась необходимою. Вместе с увеличением числа больших феодалов, появившимся после крестовых походов, видно, как владельцы этих феодалов окружают себя внутри своих замков более значительным двором, содержат при себе большее число дворян, которые хотя и сохраняют свои небольшие домены, но не живут уже в них.

Итак, расширение больших феодалов и образование известного числа общественных центров, вместо прежнего разъединения, — вот для недр феодальной системы два важнейших последствия крестовых походов.

Что касается до горожан, то и здесь не трудно заметить подобное явление. Под влиянием крестовых походов образовались большие городские общины. Мелкая торговля, мелкая промышленность не в состоянии были создать таких общин, какими были большие города Италии и Фландрии. Они вызваны торговлею в обширных размерах морскою торговлею, преимущественно торговлею Востока с Западом — а усилению,

развитию морской торговли всего более способствовали крестовые походы.

Вообще, взглядываясь в состояние общества к концу крестовых походов, нельзя не заметить, что предшествовавшее состояние разъединения, разбросанности в жизни и в силах, состояние повсеместной, если можно так выразиться, локализации — исчезло и уступило место противоположному состоянию — стремлению к централизации. Везде происходит сближение; низшие существования поглощаются высшими или группируются вокруг них. По этому направлению идет общество, к этой цели клонится весь его прогресс.

Теперь нам становится ясным, почему в конце XIII и в XIV столетии народы и государи уже не хотели возобновить крестовых походов: они уже не нуждались в них и не чувствовали к ним никакого влечения. Крестовые походы начались под влиянием религиозного чувства, при исключительном господстве религиозных идей над всем существом человека; теперь это господство утратило свою силу. Крестовые походы были также источником новой жизни, более широкой, более разнообразной, более разумной; теперь подобная жизнь становилась возможною в самой Европе, в развитии общественных отношений. В это именно время пред королями открывается поприще политического возвышения. К чему было идти в Азию, чтоб искать там королевства, когда можно было завоевать его у себя дома? Филипп Август неохотно отправился в крестовый поход — это весьма естественно: ему надобно было сделаться королем французским. В таком же положении находились народы. Пред ними открывалась возможность обогащения: они отказывались от приключений, чтобы посвятить себя труду. Приключения для государей заменялись политикой, для народов — трудом в обширных размерах. Страсть к приключениям осталась в одном только классе общества, в той части феодального дворянства, которая не имела права более мечтать о политическом возвышении, и, не чувствуя склонности к труду,

удержала за собою свое прежнее положение, свои прежние нравы. И она по-прежнему устремлялась в крестовые походы, несколько раз пыталась возобновить их.

Таковы, по моему мнению, великие, несомненные, неизбежные последствия крестовых походов; с одной стороны, увеличение идей, освобождение умов от неподвижности, с другой — более обширная общественная жизнь, обширная сфера, открытая для деятельности всякого рода: они закрепили в одно и то же время и личную свободу, и политическое единство. Они способствовали и независимости отдельных лиц, и централизации общества. Многие заняты были вопросом о том, какие средства цивилизации прямо заимствованы были во время крестовых походов от Востока; говорили, что большая часть великих открытий, породивших в XIV и XV столетиях развитие европейской цивилизации, — компас, книгопечатание, порох — были известны Востоку и что крестоносцы могли принести их оттуда. Это до известной степени справедливо, но многие предположения такого рода представляются сомнительными. Бесспорно только общее влияние, общее действие крестовых походов на разум человеческий, с одной стороны, на общество — с другой; они перевели европейское общество с прежней, узкой колеи его на новую, несравненно более широкую дорогу; они положили основание слиянию различных элементов европейского общества в правительства и народы — слиянию, составляющему выдающийся признак новейшей цивилизации. К тому же самому времени относится развитие одного из учреждений, наиболее содействовавших этому великому делу, — королевской власти. Ее история, от происхождения новых европейских государств до XIII века, будет предметом моей следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Важное значение королевской власти в европейской и во всемирной истории. – Настоящие причины этого значения. – Две точки зрения, с которых должно рассматривать королевскую власть. – 1) Собственная, неизменная ее природа. – Королевская власть в коей олицетворение правомерной верховной власти, в ее границах. – Ее изменчивость и разнообразие. – Королевская власть в Европе как результат различных родов власти. – Власть варварская, императорская, религиозная, феодальная. – О современной королевской власти в собственном смысле слова и ее истинном характере.

В последней лекции я старался определить отличительный характер новейшего общества, сравнительно с первоначальным европейским обществом; характер этот, по моему мнению, выражается в том, что все составные части общественного строя, сначала столь многочисленные и разнообразные, сведены к двум главным элементам: правительству, с одной стороны, народу – с другой. Господствующими факторами, первенствующими деятелями истории уже не являются феодальные дворяне, духовенство, короли, горожане, поселенцы, рабы; в новейшей Европе мы встречаем только две великие силы, которые одни руководят историей: правительство и народ. Если в этом заключается результат, выработанный европейскою цивилизациею, то такова и цель, к которой мы должны стремиться, к которой должны привести нас наши исследования. Мы должны проследить возникновение и постепенное развитие этого великого результата. Мы вступили в эпоху, к которой можно отнести его зачатки; мы уже видели, что между XII и XVI веками совершалась в Европе медлен-

ная, скрытая работа, которая привела наше общество к окончательному состоянию его. Мы изучили также первое, по моему мнению, великое событие, быстро подвинувшее Европу по этому пути, — крестовые походы. К той же эпохе, а именно ко времени первых крестовых походов, относится первоначальное развитие учреждения, наиболее, может быть, содействовавшего образованию европейского общества, слиянию всех общественных элементов в две силы — правительство и народ. Это учреждение — королевская власть.

Королевская власть очевидно играла огромную роль в истории европейской цивилизации; чтобы убедиться в этом, достаточно одного беглого обзора фактов; развитие ее долго шло, так сказать, одним шагом с развитием общества, — прогресс их совершался одинаково и одновременно. Этого мало: каждый раз, когда общество приближается к своему окончательному виду, королевская власть видимо усиливается и процветает; так что, когда в главнейших странах Европы важное, решительное влияние на события сосредоточилось почти исключительно в руках правительства и народа, — правительством является королевская власть. И это случилось не в одной только Франции, но и в большей части европейских государств; несколько раньше или несколько позже, под более или менее различными видоизменениями, такой же результат представляет нам история общества в Англии, в Испании, в Германии. В Англии, например, когда происходит перерождение старинных элементов общественного быта, когда они уступают место системе общественных властей? При Тюдорах, т. е. во время наисильнейшего развития королевской власти. То же самое было и в Германии, в Испании, во всех больших европейских государствах.

Если мы оставим в стороне Европу и обратимся к другим частям света, то мы и здесь встретим подобное явление; повсюду королевская власть занимает важное место; она является самым прочным учреждением, которое весьма трудно из-

бегнуть там, где его еще нет, и уничтожить там, где оно уже существует. Азией оно владеет с незапамятных времен. При открытии Америки все существовавшие там большие государства подчинены были, в различных формах, монархическому режиму. Проникая во внутренность Африки, мы встречаем преобладание этой формы правления везде, где только обитают сколько-нибудь многочисленные народы. Королевская власть не только проникла всюду, но приспособилась к самым разнородным состояниям: к цивилизации и к варварству, к самым мирным нравам, как, например, в Китае, и к преобладанию воинственного духа. Она устанавливалась и среди каст при строжайшей обособленности сословий, и среди гражданского равенства, в обществах, наиболее чуждых всякой законной и определенной классификации. Будучи нередко деспотической и притеснительной, она иногда благоприятствовала развитию цивилизации и даже свободы. Она подобна голове, которая может быть приставлена ко множеству различных туловищ, или плоду, который может произрастать на самых разнообразных растениях. Из этого факта мы могли бы извлечь несколько важных и любопытных выводов; ограничусь только двумя. Прежде всего, невозможно допустить, чтобы такое явление было простою случайностью, было продуктом одной только силы или насильственного присвоения власти, между сущностью королевской власти как учреждения и сущностью природы человека или человеческого общества неизбежно должно существовать сильное, глубокое сходство. Конечно, сила участвует в происхождении королевской власти и в значительной мере содействует его прогрессу; но когда великое событие развивается, воспроизводится в течение длинного ряда веков, среди самых разнородных положений, когда история учреждения представляет такой результат, какой я указал в истории королевской власти, — то не приписывайте никогда это событие, это учреждение действию одной только силы. Материальная сила играет важную роль в обыденных де-

лах человека: но она не высший двигатель их; над тою ролью, которую она играет, всегда возвышается нравственная причина, решающая общее направление его деятельности. Сила в истории развития государств — то же самое, что тело в истории развития человека. Конечно, тело имеет огромное значение в жизни человека, но оно не составляет принцип ее. Жизнь обуславливается телом, но не определяется им. То же явление повторяется и в обществе: какую бы роль не играла в нем сила, — не она управляет им, не она руководит его судьбою; под проявлениями силы скрываются идеи, нравственные влияния, которые и управляют прогрессом общества. Такого рода причины, а не материальная сила, без сомнения, и решили судьбу королевской власти.

Второй, не менее важный факт, это гибкость учреждения, способность его видоизменяться, приспособляться к множеству разнородных обстоятельств. Заметьте, какая противоположность: форма учреждения — одна, постоянная, простая; она не представляет того изумительного разнообразия, которым отличаются некоторые другие учреждения, а между тем она усваивается самыми разнородными обществами. Отсюда ясно, что она может существовать при весьма разнородных условиях, что она соответствует в природе человека и общества многим, весьма различным элементам и принципам. Роль королевской власти во всемирной истории, ее свойства, ее последствия не всегда понимались как следует и часто подвергались неправильной оценке. Причина таких ошибок заключается в том, что институт королевской власти не всегда рассматривался во всем своем объеме, с соответствующих ему двух точек зрения. С одной стороны, не все проникали до основного принципа королевской власти, до существенных свойств ее, независящих от обстоятельств, при которых она проявляется; с другой стороны, не обращали достаточного внимания на все превращения, допускаемые ею, на все принципы, с которыми она может вступить в союз. Наша цель — решить эту

двойную задачу и таким образом дать себе полный отчет в результатах, принесенных королевскою властью новейшей Европе, т. е. в дознании, проистекают ли эти результаты из существенных начал самого учреждения или же из видоизменений, которым оно подвергалось.

Сила королевской власти, нравственное могущество, служащее ее истинной основой, без сомнения заключается не в собственной, личной воле человека, в данное время облеченного королевским саном. Народы, принимая королевскую власть как учреждение, философы, поддерживая ее как систему, без сомнения, не думали, не хотели признавать над собою господства личной воли одного человека, по самому существу своему узкой, произвольной, прихотливой, невежественной.

Королевская власть нимало не соответствует личной воле человека, хотя и проявляется в ее форме. Она есть олицетворение правовой державности, верховной власти по праву, т. е. той существенно разумной, просвещенной, справедливой, беспристрастной, самобытной воли, которая выше всякой отдельной личной воли, и потому имеет право управлять людьми. Таково значение королевской власти в понятии народов, такова причина, по которой они подчиняются ей. Но существует ли такая правовая верховная власть, есть ли такой высший закон, который имеет право управлять людьми? Несомненно по крайней мере то, что люди верят в существование такой власти, такого закона; они стараются, постоянно старались и не могут не стараться подчинить себя ему. Представим себе, не говорю народ, но хотя бы самое незначительное собрание людей, подчиненное властителю не по праву, а только фактически, властителю, право которого есть право сильного, который в управлении своем нимало не руководствуется ни разумом, ни справедливостью, ни истиною. Человеческая природа восстает против такого предположения; для нее необходимо верить в право. Она ищет себе властителя по праву, лишь ему одному добровольно повинуетя человек. Что такое

история, как не проявление этого всеобщего факта? Что такое большая борьба, волнующая жизнь народов, как не страстное стремление к правовой верховной власти, стремление встать под руководство ее? И не только народы, но и мыслители твердо верят в существование такой власти, неутомимо ищут ее. Что такое все системы политической философии, как не изыскание правовой верховной власти? Не обсуждается ли в них именно вопрос о том, кто имеет право управлять обществом? Возьмите системы теократическую, монархическую, аристократическую, демократическую; представители их глубоко убеждены, что открыли сущность правомерной верховной власти; все они обещают даровать обществу законного владыку. Такова, повторяю, цель как мыслителей, так и народов, предмет усилий и тех и других.

Да и как не верить в существование правовой верховной власти, как не искать ее? Возьмем самый простой случай: предположим, что нужно совершить какое-нибудь действие, касающееся либо целого общества, либо нескольких его членов, либо одного человека. Совершение этого действия, без сомнения, всегда подлежит известным правилам; всегда существует законная воля, которою следует руководствоваться, которую должно осуществить на самом деле. Проникните ли вы в мельчайшие подробности общественной жизни, возвыситесь ли вы до самых важных ее событий — везде вы найдете истину, требующую приведения ее в известность, найдете справедливую, разумную идею, требующую практического применения. Вот сущность правомерной верховной власти, к которой не перестают и не могут перестать стремиться мыслители и народы.

В какой мере человеческая сила и воля могут олицетворять собою правомерную верховную власть, в истинном смысле этого слова? Есть ли в этом предположении что-либо неизбежное, опасное и ложное? Как судить в особенности об олицетворении правового единодержавия в образе королевской

власти? При каких условиях, в каких пределах можно допустить такое олицетворение? Вот важные вопросы, которых нам не придется разбирать здесь в подробности; но мы по необходимости должны были указать на них; а теперь, мимоходом, скажем о них несколько слов.

Я утверждаю — и в этом отношении слова мои подтверждаются здравым смыслом, — что верховная власть, по праву полная и неизменная, никому принадлежать не может, что всякое присвоение ее какой-либо единичной силе опасно и ложно в самых коренных основаниях своих. Отсюда проистекает необходимость ограничения всякой власти, каково бы ни было ее имя, ее форма; отсюда — неизбежная незаконность всякой абсолютной власти, каково бы ни было ее происхождение — завоевание ли, наследственность или избрание. Можно не соглашаться в средствах изыскания правомерной верховной власти; они изменяются, смотря по времени и месту; но никогда и нигде никакая сила не может законно быть признана единственным источником, представителем этой власти.

При всей справедливости этого принципа, королевская власть, в какой бы системе она не проявлялась, представляет собою олицетворение державности по праву. Обратитесь к теократической системе: вы увидите, что король — образ Божий на земле, другими словами, что он олицетворяет собою верховную справедливость, истину, благо. Предложите тот же вопрос юристам: они ответят вам, что король — это живой закон, другими словами, что король есть олицетворение правомерной верховной власти, олицетворение закона, имеющего право управлять обществом. Спросите, наконец, самую королевскую власть, в системе так называемой абсолютной монархии: она назовет себя олицетворением государства, общественного интереса. В какой бы системе, в каком бы положении вы ни рассматривали королевскую власть, всегда и везде вы встретитесь с притязанием ее представлять собою ту правомерную верховную власть, которая одна только способна за-

конно управлять обществом. В этом нет ничего удивительного. В чем заключаются отличительные признаки верховной власти по праву, свойства, проистекающие из самой сущности ее? Прежде всего, это власть единственная в своем роде; истина, справедливость — только одна, а следовательно, может быть только одна правомерная верховная власть. Далее, она постоянна, неизменна, как и сама истина; она стоит выше всех превратностей, случайностей этого мира; она не имеет ничего общего с ними; она относится к миру, как зритель и судья: таково назначение ее. Эти естественные свойства правомерной державности внешним образом все соединяются в королевской власти; она представляется самою наглядною формою, самым верным изображением их. Прочтите сочинение Бенжамена Констан, в котором он так остроумно представил королевскую власть нейтральною, посредническою силою, возвышающеюся над случайностями, над волнениями общества, и принимающею участие только в важнейших кризисах его. Такая картина не напоминает ли вам положения правомерной верховной власти в управлении обществом? В этой идее есть, без сомнения, нечто поразительное для ума, потому что она с чрезвычайною быстротою перешла из книг в факты. Один государь сделал ее даже — в бразильской конституции — основанием своего престола; в этой конституции королевская власть является посредником, возвышающимся над действующими властями в качестве зрителя и судьбы в политической борьбе.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали королевскую власть, сравнивая ее с идеею правомерной державности, вы найдете между ними большое внешнее сходство, которое не могло не поразить умы людей. Вот почему каждый раз, когда воображение или мысль людей обращалась предпочтительно к созерцанию или изучению правомерной верховной власти, ее природы, ее отличительных признаков — люди склонялись на сторону королевской власти. Когда перевес принадлежал религиозным идеям, постоянное размышление о Боге, о божестве

ственных свойствах приводило людей к монархической системе. Когда в обществе преобладали юристы, привычка изучать под именем законов сущность правомерной верховной власти благоприятствовало развитию учения об олицетворении этой власти в королевском сане. Внимательное, напряженное размышление о природе и свойствах правомерной державности всегда давало силу и вес королевской власти, отражавшей в себе эту державность, если только тому не препятствовали другие причины. Бывают, кроме того, времена, особенно благоприятствующие такому олицетворению, — времена наибольшего развития индивидуальных сил, со всеми своими случайностями и прихотями, времена всеобщего господства эгоизма, основанного либо на невежестве и грубости, либо на испорченности нравов. В такое время общество, отданное на жертву личным силам и лишенное возможности возвыситься с помощью добровольного содействия этих сил до общей воли, соединяющей и укрощающей их, — общество, говорю я, страстно жаждет верховной власти, которой принуждены были бы подчиниться все частные лица; и лишь только является какое-нибудь учреждение, носящее в себе некоторые признаки правомерной верховной власти, обещающее установить действие этой власти, — общество страстно примыкает к такому учреждению, подобно изгнаннику, укрывающемуся в церковной обители.

Такие явления нередки во времена юности народов, в эпохи, подобные той, которую мы недавно изучали. Королевская власть вполне соответствует этим эпохам брожения, когда общество жаждет правильной организации, устройства, но не умеет воспользоваться для этого согласным и свободным содействием отдельных индивидуальных сил. Бывают и другие эпохи, когда польза королевской власти обуславливается совершенно иными причинами. Почему республиканский Рим, до такой степени близкий к распадению, существовал еще пятнадцать столетий под именем империи, которая в сущности была не чем иным, как систематическим упадком, продол-

жительною агониею? Это было делом монархической власти; она одна только могла поддерживать общество, которому угрожал разрушением эгоизм. Императорская власть пятнадцать веков предупреждала падение Рима. Итак, в известные времена одна только королевская власть может замедлить распада общества; бывают и другие времена, когда она одна может ускорить возникновение общества, — в обоих случаях потому именно, что она яснее, сильнее всякой другой формы правления представляет собою идею правомерной верховной власти и пользуется влиянием, свойственным этой власти. В какую бы эпоху мы ни рассматривали королевскую власть, мы увидим, что ее существенный характер, нравственное начало, истинное ее значение, ее внутренняя сила, заключается в следующем: она есть образ, олицетворение, внешний представитель той единственной, высшей, несомненно, законной воли, которая одна имеет право управлять обществом.

Рассмотрим теперь королевскую власть с другой точки зрения, т. е. в ее изменчивости, в разнообразии исполненных ею ролей и произведенных ею последствий; мы должны дать себе отчет в этом явлении и определить его причины.

При этом анализе мы немедленно можем возвратиться к истории, и именно к занимающей нас истории европейской цивилизации. По странному стечению обстоятельств, королевская власть в новейшей Европе проявилась во всех тех формах, в каких представляет ее вообще всемирная история. Если бы можно было употребить математическое выражение, то я сказал бы, что королевская власть в Европе была как бы производною всех возможных родов королевской власти. Я изложу ее историю между V и XII веками; вы увидите, сколько различных форм она принимала, и до какой степени проявился в ней характер разнообразия, сложности, борьбы, свойственный вообще всей европейской цивилизации.

В V веке, в эпоху вторжения германцев, две королевские власти стоят одна против другой: власть варварская и импе-

раторская — власть Хлодвига и власть Константина — весьма различные как в своих началах, так и в результатах. Варварская королевская власть по существу своему есть власть избирательная; германские короли были избираемы, хотя избрание их совершалось и не в тех формах, с которыми мы теперь привыкли соединять эту идею; это были военачальники, власть которых должна была быть свободно признана множеством товарищей, дружинников, повинующихся храбрейшему, искуснейшему из их среды. Избрание — вот источник варварской королевской власти, ее первоначальный, существенный характер. Но уже в пятом веке этот характер королевской власти несколько изменился: в состав ее уже в то время вошли другие, разнородные элементы. Начальники некоторых племен властвовали довольно долго: одни семейства сделались более влиятельными, могущественными, богатыми, нежели другие. Отсюда начало наследственности: военачальников стали избирать почти исключительно из этих семейств. Вот первый посторонний элемент, присоединившийся к господствовавшему избирательному началу. Другая идея, другой элемент также проник в институт королевской власти — это элемент религиозный. У некоторых варварских народов, например у готов, существовало убеждение, что семейства королей происходят от семейств богов или героев, признанных богами, как например Одина. В таком же положении находились цари, описываемые Гомером: они также происходили от богов и полубогов и потому пользовались особым религиозным почитанием, несмотря на всю ограниченность их власти.

Такова варварская королевская власть в V веке, уже успевшая сделаться разнохарактерною и неопределенною, хотя в ней и господствует еще первоначальный ее принцип.

Перехожу к римской императорской, монархической власти. Она представляется в совершенно другом виде: она — олицетворение государства, преемница державных прав и величия римского народа. Взгляните на монархию Августа, Тибе-

рия: император — это представитель сената, комисс целой республики, он наследует ее; она сосредоточивается в его лице. Не доказывается ли это скромностью речей первых императоров, по крайней мере тех из них, которые были люди со смыслом и понимали свое положение? Они чувствовали себя в присутствии народа, незадолго пред тем еще обладавшего державностью, а теперь отрекшегося от нее в их пользу; они говорили с ним как его представители, уполномоченные, но на самом деле пользовались с ужасающею силою всею властью народа. Такое преобразование для нас весьма понятно; мы сами были свидетелями подобного явления: мы видели, как верховная власть от народа перешла к одному человеку — это история Наполеона. И он был олицетворением державного народа, он беспрестанно вспоминал о том. Он говорил: «Кто, подобно мне, был избран 18 миллионами людей? Кто, подобно мне, был истинным представителем народа?» И когда на его монетах вычеканено было с одной стороны «*Французская республика*», а с другой — «*Наполеон Император*», не подходило ли это к вышеизложенному факту, не было ли это олицетворением народа, сделавшегося монархом?

Таков был основной характер императорской монархической власти; она удержала его в продолжение первых трех веков империи, и даже не ранее, как при Диоклетиане, выработала окончательную форму свою. Но уже в это время она была близка к великой перемене: уже зарождался новый вид королевской власти. В течение трех веков христианство старалось ввести в империю религиозный элемент. При Константине ему удалось доставить этому элементу, если не преобладающее, то по крайней мере важное значение. Здесь монархическая власть представляется с совершенно другой стороны; происхождение ее не на земле; государь уже не представитель общественной верховной власти: он образ Божий, представитель, посланник Божества. Власть нисходит к нему сверху вниз, между тем как в императорской монархии власть восходила сни-

зу вверх. Положения эти совершенно несходны между собою; столь же различны и последствия их. С принципом религиозной королевской власти трудно совместить свободу и политические гарантии, но самый принцип — возвышенный, нравственный, благотворный. Вот идея, сложившаяся о короле в VII веке, под влиянием системы религиозной королевской власти; мы видим ее в положениях Толедского собора:

«Король зовется королем (rex) оттого, что он управляет справедливо (recte). Действуя справедливо, он законно обладает именем короля; но действуя без справедливости, он презренно теряет его. Поэтому предки наши не без причины говорили: rex ejus eris si resta facis; si autem non facis, non eris. (Действуя справедливо, будешь их королем; действуя несправедливо — не будешь). Две главные королевские доблести суть справедливость и истина.

Королевская власть, как и народы, обязана уважать законы. Повинуясь воле небес, мы даем самим себе, наравне с нашими подданными, мудрые законы, которым наше собственное величество и величество наших преемников обязано повиноваться, подобно тому как повинуются им все народонаселение нашего королевства.

Бог, создатель всего мира, организуя человеческое тело, вверху его поставил голову и оттуда провел нервы во все части его. Он поместил в голове и светильник очей, с тем чтобы она могла различать все вредное. Он установил силу разума, возложив на нее управление всеми частями тела и мудрое распоряжение их действиями. Поэтому нужно прежде всего определить то, что касается государей, озаботиться о безопасности их, оградить его жизнь, и потом устроить все то, что относится к народам таким образом, чтобы обеспечивая как следует безопасность королей, обеспечить вместе с тем и безопасность народов»¹.

Но в систему религиозной королевской власти с течением времени всегда входит другой, независимый от нее элемент. Ря-

¹ Forum judicum.

дом с нею появляется новая сила, более нежели сама королевская власть приближенная к Богу, т. е. к источнику этой власти. Между Богом и королями, между королями и народами становится духовенство, церковная власть; так что королевская власть, образ Божества на земле, подвергается опасности снизойти на степень орудия земных истолкователей божественной воли. Новая причина колебания самого учреждения.

Вот различные роды королевской власти, проявившиеся в V веке на развалинах Римской империи: власть варварская, власть императорская и власть религиозная, — последняя еще в самом начале своего развития. Участь их столь же разнородна, как и их начала. Во Франции варварская королевская власть преобладает во все время царствования первой династии. Были, правда, попытки духовенства сообщить ей императорский или религиозный характер; но господствующим принципом ее тем не менее остается избрание из среды королевского семейства, с некоторою примесью наследственности и религиозных идей.

В Италии, у остготов, императорская королевская власть обуздывает варварские обычаи. Теодорих признает себя преемником императоров. Чтобы удостовериться в этом, достаточно прочесть сочинения Кассиодора.

В Испании королевская власть представляется более религиозною, чем где бы то ни было. Верховная власть или, по крайней мере, преобладающее влияние принадлежит толедским соборам; поэтому религиозный характер господствует, если не собственно в управлении вестготских королей, то в законах, в принципах, которые внушает им духовенство.

В Англии, у саксов, почти вполне сохраняются варварские нравы. Королевства гептархии суть не что иное, как владения различных дружин, из которых каждая имеет своего начальника. Военное избрание здесь очевиднее, чем где-либо. У англосаксов мы находим коренной тип варварской королевской власти.

Таким образом, между V и VII веками, в ту эпоху, когда обнаруживаются все три рода королевской власти, каждый из них, смотря по обстоятельствам, получает перевес в одном из различных государств Европы.

Царивший в то время хаос был так велик, что не могло утвердиться никакого общего, постоянного учреждения. Переходя от одной превратности к другой, королевская власть достигла XIII столетия, не выработав никакого определенного характера.

Около половины VIII века, одновременно с торжеством второй династии франкских королей, события обобщаются, уясняются; они совершаются в больших размерах и потому легче могут быть поняты; последствия их становятся более заметными. В короткий промежуток времени все роды королевской власти сменяют друг друга, смешиваются, оставляя очевидные следы своего существования.

Когда Карловинги заступают место Меровингов, то при этом происходит заметное возвращение к принципу варварской королевской власти; опять проявляется избирательное начало, Пипина Короткого избирают в Суассоне. Первые Карловинги, наделяя своих сыновей королевствами, заботятся о том, чтобы важнейшие лица назначаемых государств признали новых королей; производя раздел, они не упускают из виду утверждение его народными собраниями. Словом, избирательное начало, в форме народного согласия, снова получает некоторое значение. Припомним, что воцарение династии Карловингов было до некоторой степени новым нашествием германцев на запад Европы и принесло с собою как бы призрак их древних учреждений, древних нравов.

В то же время религиозное начало яснее прежнего входит в состав королевской власти и начинает играть в ней более важную роль. Пипин признан и посвящен папою; она нуждается в религиозной санкции; папская власть уже могущественная сила, и потому он заискивает в ней. У Карла Велико-

го та же забота, религиозная королевская власть развивается все более и более. Однако не она является господствующей отличительной чертой царствования Карла Великого; он очевидно стремится к восстановлению императорской монархической власти. Хотя он и вступает в союз с духовенством, но не служит орудием его, а скорее употребляет его для своих целей. Идея обширного государства, сильной политической единицы, восстановление Римской империи — вот любимая идея, любимая мечта Карла Великого.

Он умирает; ему наследует Людовик Благочестивый. Всем известно, каким характером облеклась на время королевская власть; король подпадает влиянию духовенства, которое судит его, низлагает, снова восстанавливает, управляет им; по-видимому, религиозная королевская власть готовится окончательно снизойти на степень власти подчиненной. Итак, между серединою VIII и серединою IX века, проявляются три различных рода королевской власти.

По смерти Людовика Благочестивого, при том разъединении, в которое впадает Европа, все три рода королевской власти исчезают почти совершенно; все смешивается в одну нестройную массу. Через несколько времени, когда феодальное устройство получает преобладание, является четвертый род королевской власти, отличный от всех, до этих пор рассмотренных нами, — это феодальная королевская власть. Она весьма сложна и с трудом поддается определению. Говорили, что король в феодальной системе был сюзереном из сюзеренов, сеньором из сеньоров, что он находился в прочной иерархической связи с целым обществом и что, собирая вокруг себя своих вассалов, потом вассалов своих вассалов и т. д., он собирал весь народ и являлся королем в полном смысле этого слова. Правда, такова теория феодальной королевской власти; но это чистая, отвлеченная теория, никогда не имевшая приложения на практике. Это общее влияние короля чрез посредство иерархической организации, эта связь, соединявшая ко-

ролевскую власть с целым феодальным обществом, — все это не что иное, как мечты историков. На самом деле большинство феодальных владельцев были в эту эпоху совершенно независимы от королевской власти; многие из них едва знали ее по имени и имели с нею весьма мало сношений, а иногда и вовсе не имели их. Все власти были местные, независимые. Имя короля, носимое одним из феодальных владык, представляло собою скорее воспоминание, нежели факт.

Вот состояние королевской власти в X и XI веках. В XII веке, в царствование Людовика Толстого, положение дел начинает изменяться: чаще слышится имя короля, влияние его проникает в такие места, которые были для него прежде недоступны, роль его в обществе становится более деятельною. Если мы спросим себя, на основании какого права совершалось такое преобразование, то не узнаем ни одного из прав, во имя которых до тех пор действовала королевская власть. Теперь она расширяется и укрепляется уже не как наследствие римских императоров, не во имя императорской монархии и не в силу избирательного права, а также не в силу права Божественного. Всякие признаки избирательного права исчезли: принцип наследственности престола восторжествовал окончательно, и хотя религия и освящает еще воцарение королей, но никто, по-видимому, не обращает больше внимания на религиозный характер королевской власти. Новый элемент, небывалый прежде, появляется в королевской власти; она вступает в новый период своего существования.

Общество, как уже сказано, находилось в то время в состоянии анархическом; оно было жертвою беспрестанных насилий. Оно само не обладало никакими средствами к выходу из этого печального состояния, оно не могло восстановить в своей среде никакой правильности, никакого единства. Феодальные учреждения, парламенты баронов, сеньориальные суды, все формы, под которыми в новейшее время выставляли феодализм как систематическую и правильную организацию, —

все это в действительности было лишено силы и не могло служить к водворению порядка и справедливости. Среди общественных бедствий не знали к кому прибегнуть, чтобы прекратить вопиющую несправедливость, загладить великое зло, словом, чтобы устроить государство. Оставалось имя короля; его носил феодальный владелец, — к нему и обратились в этой крайности. Различные права, которыми до того времени обладала королевская власть, не имели большого значения, но память о них сохранялась во многих умах; в некоторых случаях они, впрочем, давали себя чувствовать. К королю начали прибегать, когда нужно было остановить возмутительное насилие, водворить некоторый порядок в местах, соседних с королевскою резиденциею, прекратить какой-либо продолжительный спор. На разрешение короля стали поступать дела, не имевшие прямого отношения к его собственным интересам; он начал действовать как покровитель общественного порядка, как посредник, как гонитель неправды. Властью этою, увеличивавшеюся все более и более, он был обязан нравственному авторитету, с которым не переставало соединяться его имя.

Таков характер, который носит королевская власть со времен Людовика Толстого и аббата Сугерия. В первый раз зарождается в умах, хотя и слабо, неполно, неопределенно, идея общественной власти, отличной от всех местных властей, в руках которых находится общество, — власти предназначенной воздавать справедливость тем, кто не может получить ее обыкновенными средствами, способной установить или, по крайней мере, узаконить порядок; зарождается идея высшей власти, существенное призвание которой — поддерживать и восстанавливать спокойствие, покровительствовать слабым, разрешать споры, которым никто не может положить конца. Вот совершенно иной характер, который с XII века в Европе, и особенно во Франции, становится принадлежностью королевской власти. Она уже не может быть признана ни религиозною, ни варварскою, ни императорскою; сила ее ограниче-

на, неполна, случайна; это как бы власть (я не знаю более точного выражения) высшего мирового судьи в государстве.

Таково истинное происхождение новейшей королевской власти, ее жизненный принцип, развившийся в ее деятельности и, скажу не колеблясь, решивший успех ее. В различные эпохи истории мы встречаемся вновь с различными, описанными мною, родами королевской власти; каждый из них по очереди пытается возратить себе утраченное господство. Так, например, духовенство постоянно проповедывало религиозную королевскую власть; юристы старались воскресить императорскую монархию; дворянство иногда обнаруживало желание восстановить избирательную или поддерживать феодальную королевскую власть. И не только духовенство, юристы, дворянство старались дать перевес той или другой королевской власти, но и она сама пользовалась всеми ими для расширения своего могущества. Короли называли себя то посланными от Бога, то наследниками императоров, то первыми дворянами страны, смотря по надобности или по духу времени; они незаконно присваивали себе эти различные качества, ни одно из которых не составляет настоящего могущества новейшей королевской власти, не служит источником преобладающего ее влияния. Она явилась пред народами, повторяю, как охранительница и покровительница общественного порядка, общей справедливости и общей пользы, как высшая общественная функция, как центр и связь общества; в силу этого она была принята народами, в силу этого она соединила в себе все народные силы. В дальнейшем изложении мы увидим, каким образом это свойство новейшей королевской власти, возникшее, повторяю, в XII веке, при Людовике Толстом, будет расти, укрепляться и наконец, в политическом отношении, сделается отличительной чертой ее. Этим именно королевская власть и содействовала великому результату, характеризующему ныне европейские общества, — соединению всех общественных элементов в две силы: правительство и народ.

Итак, с началом крестовых походов Европа вступила на тот путь, который должен был привести к настоящему ее состоянию; вы видели, какую роль королевская власть играла в этом великом преобразовании. В следующей лекции мы рассмотрим различные попытки политической организации, совершившиеся между XII и XVI веками, с целью устроить и поддержать это преобразование, несмотря на усилия феодализма, церкви и городских общин, старавшихся устроить общество на основании его прежних первообразных начал, и тем отстоять или, вернее, вернуть свои утраченные привилегии.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

Попытки согласить различные элементы Новой Европы, сосредоточить их в одном и том же обществе под одною и тою же центральною властью. – Попытка теократической организации. – Почему она не удалась. – Четыре главных препятствия. – Ошибки Григория VII. – Реакция против господства церкви: со стороны народов, со стороны государей. – 2) Попытки республиканской организации. – Итальянские республики. – Их недостатки. – Города Южной Франции. – Крестовый поход альбигойцев. – Швейцарский союз. – Фландрские и рейнские городские общины. – Ганзейский союз. – Борьба феодального дворянства и городских общин. – 3) Попытки смешанной организации. – Генеральные штаты во Франции. – Испанские и португальские кортесы. – Английский парламент. – Особенность состояния Германии. – Безуспешность всех этих попыток. – Причины ее. – Общие стремления Европы.

Прежде всего нам необходимо с точностью определить предмет настоящей лекции. Вспомним, что один из первых фактов, указанных мною, — это разнообразие, разъединение, независимость элементов первобытного европейского общества. Феодальное дворянство, духовенство, городские общины имели совершенно различное положение, различные законы и нравы; каждое из этих учреждений было как бы отдельным обществом, управлялось собственными средствами и властью, по своим особым законам. Они находились между собою в сношениях, в соприкосновении, но не в истинном единстве; они не составляли, строго говоря, ни государства, ни нации.

Слияние всех этих обществ в одно совершилось; оно, как мы уже видели, является отличительным признаком новей-

шего общества. Прежние общественные элементы сведены к двум: правительству и народу; различие исчезло, сходство привело к единству. Но прежде, нежели совершился этот результат, было много попыток предупредить его, дать всем отдельным элементам общую жизнь и деятельность, не уничтожая ни различия, ни независимости их. Хотели соединить их в одно государство, образовать из них одно национальное тело, связать их одним и тем же правительством, не касаясь ни положения, ни привилегий их, ни особенных свойств их. Ни одна из этих попыток не имела успеха. Доказательством тому служит именно упомянутый мною результат — единство новейшего общества. Правда, в некоторых странах Европы еще сохранились остатки прежнего разнообразия общественных элементов; так, например, в Германии есть еще настоящее феодальное дворянство, настоящая буржуазия; в Англии национальная церковь имеет еще общественные доходы и особый порядок судопроизводства; но отдельная жизнь всех этих учреждений только кажущаяся; в политическом отношении они все слились в одно общество, вошли в состав государства, управляются общественными властями, подчиняются одной и той же системе, увлекаются потоком одних и тех же идей и нравов. Повторяю, даже там, где еще существует форма прежних общественных элементов, разделение и независимость их не имеют уже более никакого реального значения.

Несмотря на то, попытки привести в порядок общественные элементы, не изменяя ни самой сущности их, ни разнообразия, играли важную роль в истории Европы; к ним относится значительная часть событий рассматриваемой нами эпохи, которую первобытная Европа отличается от новейшей, эпохи, в которой совершилось преобразование европейского общества. Они не только играли в ней важную роль, но имели сильное влияние и на последующие события, на способ приведения всех общественных элементов к двум — правительству и народу. Вот почему весьма важно изучить и понять попыт-

ки политической организации, имевшие место в промежутке времени между XII и XVI веками с целью создать народы и правительства, не уничтожая различия второстепенных обществ, боровшихся между собою. Такова задача настоящей лекции — задача очень трудная.

Не все попытки политической организации были задуманы и совершены с добрым намерением: многие из них сделаны были исключительно в видах эгоизма и тирании. Некоторые, однако, были вполне бескорыстны и действительно имели предметом нравственное и общественное благо людей. Состояние разъединения, насилия, неправды, в котором находилось тогдашнее общество, было невыносимо для великих умов, для возвышенных сердец и заставляло их беспрестанно искать средств к выходу из него. Но даже самые лучшие из этих благородных попыток не имели успеха, столько мужества, жертв, усилий, доблестей не привели к желанной цели: не печальное ли это зрелище? Но в действительности оно еще печальнее. Эти попытки общественного усовершенствования не только остались без успеха, но к ним присоединилась огромная масса заблуждений и зла. Вопреки благому намерению, они по большей части были бессмысленны и свидетельствуют о совершенном отсутствии разума и справедливости, о глубоком непонимании прав человеческого рода и условий общественного бытия; виновники попыток заслуживали своей неудачи. Итак, мы видим здесь не только бедственную судьбу человеческого рода, но и нравственную немощь его. Мы видим, до какой степени самая малая доля истины может поразить величайшие умы, до какой степени она заставляяет их совершенно забыть все окружающее, делает их слепыми для всего того, что не входит в тесный круг их излюбленной идеи; мы видим также, как одна хорошая сторона предприятия может затмить все несправедливости, заключающиеся в нем и допускаемые им. Это доказательство порочности и несовершенства человека наводит на нас еще большую грусть, чем все бедствия

его земной жизни; заблуждения его ужаснее его страданий. Попытки, о которых я буду говорить, богаты и заблуждениями, и страданиями; решимся взглянуть на это зрелище, сохраняя полное беспристрастие к этим людям, к этим векам, которые так часто заблуждались, потерпели такие страшные неудачи, но тем не менее обнаружили столь великие доблести, выказали столь благородные усилия и заслужили столь громкую славу.

Попытки политической организации, совершившиеся между XII и XVI веками, были двух родов: одни имели предметом доставить преобладание одному из общественных элементов — духовенству, феодальному дворянству или городским общинам, — подчинить ему все другие и этою ценою купить единство. Другие старались согласить все отдельные элементы и дать им общую деятельность, гарантируя каждому из них свободу и обеспечивая за ним известную долю влияния.

Попытки первого рода больше возбуждают подозрение в эгоизме и тирании. Действительно, они чаще носили в себе эти недостатки; они по самой природе своей должны были прибегать к исключительно тираническим способам действия; однако многие из них могли быть и на самом деле были предприняты бескорыстно, в видах блага и прогресса человеческого рода. Раньше всех других представляется попытка теократической организации, т. е. стремление подчинить все различные общества началам и власти церкви.

Припомним, что было сказано об истории церкви. Я старался объяснить, какие начала развивались в ее недрах, в какой степени законно было каждое из них, каким образом они возникли из естественного хода событий, какие оказали услуги, какое причинили зло. Мы познакомились с характерными чертами разных состояний, через которые прошла церковь между VIII и XII столетиями; мы рассмотрели церковь императорскую, варварскую, феодальную, наконец, теократическую. Предполагая, что все это свежо в памяти, мы попытаемся те-

перь указать, что сделало духовенство для приобретения господства над Европой, и почему оно не имело в том успеха.

Попытка теократической организации является очень ранней и обнаруживается как в действиях римского престола, так и вообще в действиях духовенства; она естественно произошла из политического и нравственного превосходства церкви; но с первых же шагов, она встретила препятствия, которых не могла преодолеть даже во времена развития своей наибольшей силы.

Первое препятствие заключалось в самой сущности христианской веры. Резко отличаясь в этом отношении от большинства религиозных верований, христианство установилось путем убеждения чисто нравственного; оно не было при самом возникновении своем вооружено силою; в первые века своего существования оно покоряло исключительно словом и обращалось только к душе человека. Вот почему церковь, даже после торжества своего, при всех своих богатствах, при всем значении, не была облечена непосредственною правительственною властью. В деятельности ее отражалось ее чисто нравственное происхождение. Обширно было ее влияние, но не власть. Она проникла в муниципальные учреждения; могущественно действовала на императоров, на всех императорских агентов; но положительное заведывание общественными делами, т. е. правительство в собственном смысле слова не находилось в руках церкви. Но косвенным путем, путем простого влияния не может установиться ни одна правительственная система, ни теократическая, ни какая-либо другая; правительство должно судить, распоряжаться, повелевать, собирать подати, располагать доходами, одним словом, управлять, фактически господствовать над обществом. Действуя убеждением на народы и правительства, можно сделать многое, можно приобрести сильное влияние, но нельзя управлять, нельзя основать систему, нельзя овладеть будущим. Таково было положение христианской церкви в силу самого ее происхождения.

Она всегда стояла рядом со светским правительством, но никогда не могла устранить или заменить его. Вот серьезное препятствие, которого не могла преодолеть попытка теократической организации.

С раннего времени она встречается также с другим препятствием. После падения Римской империи, после основания варварских государств христианская церковь находилась в ряду побежденных. Прежде всего она должна была выйти из этого положения, она должна была начать обращением победителей в христианскую веру и таким образом возвыситься на один уровень с ними. Достигнув этой цели и помышляя о преобладании, церковь столкнулась с надменностью феодального дворянства. Светский феодализм оказал при этом Европе огромную услугу; в XI веке народы были почти совершенно покорены церковью; государи едва могли защищаться против нее: одно феодальное дворянство никогда не подчинилось игу духовенства, никогда не унижалось пред ним. Изучая общий характер Средних веков, нельзя не заметить странную смесь надменности и повиновения, слепого верования и свободы духа, господствовавшую в отношениях светских феодальных владык к духовенству. Припомним замечания наши о происхождении феодализма, о первоначальных составных частях его, о способе образования элементарного феодального общества вокруг феодального владельца. Я выяснил, до какой степени священник в этом обществе стоял ниже владельца. Среди феодального дворянства навсегда сохранилось воспоминание такого положения; оно постоянно считало себя не только независимым от церкви, но и высшим, нежели она; оно признавало лишь за собою право обладать, управлять страной; оно желало жить в добром согласии с духовенством, но с тем, чтобы назначать ему его долю влияния, а не принимать от него свою собственную. В течение многих веков независимость общества от церкви была поддерживаемая светскою аристократиею; она гордо защищалась в то время, ко-

гда смирились и короли, и народы. Она раньше всех других общественных сил воспротивилась попытке теократической организации и всего более, быть может, содействовала неудаче этой попытки.

Третье обстоятельство, противодействовавшее попытке теократической организации, не обращало на себя, вообще говоря, должного внимания, а последствия его нередко даже подвергались неправильной оценке. Везде, где только духовенство овладевало обществом и подчиняло его теократической организации, власть всегда доставалась духовенству, допускавшему в своих недрах брачную жизнь, т. е. сословию священнослужителей, пополнявшемуся из своей собственной среды, воспитывавшему детей своих для того же положения, в котором родились они. Пересмотрите историю, обратитесь к Азии, к Египту: все великие теократии были произведением духовенства, составлявшего само по себе полное общество, почерпавшего в самом себе все элементы своей силы и ничего не заимствовавшего извне. Христианское духовенство, как безбрачное, находилось в совершенно другом положении; чтобы продолжать свое существование, оно должно было постоянно прибегать к светскому обществу, обращаться для своего пополнения ко всем сословиям. Тщетно сословный дух напрягал свои силы, чтобы подчинить себе эти чуждые ему элементы; в новых пришельцах всегда оставались некоторые следы их происхождения; и горожане, и дворяне всегда сохраняли известные черты своего прежнего духа, своего первобытного состояния. Безбрачие священников, без сомнения, содействовало отчуждению католического духовенства от прочих сословий; оно ставило его в совершенно особенное положение, чуждое интересам и общественной жизни других людей; но вместе с тем оно принуждало его непрерывно вступать в сношения с светским обществом, обновлять, пополнять себя с его помощью, принимать, переносить часть совершившихся там нравственных переворотов. Я не колеблясь утверждаю,

что это постоянно возрождающаяся необходимость причинила попытке теократической организации гораздо более вреда, нежели мог принести ей пользы сословный дух, поддерживаемый безбрачием духовенства.

Наконец, в самых недрах духовенства встретились могущественные противники этой попытки. Часто говорят о единстве церкви; действительно, она постоянно стремилась к нему и в некоторых отношениях благополучно достигла его. Не будем, однако, увлекаться ни блеском слов, ни блеском отдельных фактов. В каком обществе более внутренних раздоров, более партий, нежели в духовенстве? Какая нация разделялась, волновалась, изменяла свое направление чаще, нежели теократическая нация? Национальные церкви большей части европейских государств почти непрерывно борются с римским престолом, соборы с папами; ереси бесчисленны и беспрестанно возрождаются; постоянно есть повод к расколу; нигде не видно такого различия в мнениях, такого упорства в борьбе, такого раздробления власти. Внутренняя жизнь церкви, смуты, перевороты, обуревавшие ее, были, может быть, важнейшим препятствием успеху той теократической организации, которой она стремилась подчинить общество.

Все эти препятствия становятся заметными уже в V веке, при самом зарождении великой попытки, рассматриваемой нами. Однако они не помешали продолжению ее, не помешали даже успеху ее в течение нескольких веков. Наиболее знаменательным ее моментом, решительным ее кризисом было правление Григория VII в конце XII века. Мы уже видели, что преобладающею идеею этого великого человека было подчинение всего мира духовенству, духовенства — папской власти, Европы — обширной благоустроенной теократии. В стремлении своем к этой цели, Григорий VII, по моему мнению и насколько можно судить о столь отдаленных событиях, сделал две ошибки: одну — как теоретик, другую — как революционер. Первая состояла в том, что он громогласно объявил о своем

плане, систематически изложил свои убеждения о свойствах и правах духовной власти и заранее, с железной логикой, извлек из них самые отдаленные заключения. Таким образом, не обеспечив еще за собою средств к победе, он грозил нападением всем светским государям Европы. В делах человеческих успех не достигается таким самовластным образом действий. Кроме того, Григорий VII впал в ошибку, свойственную всем революционерам: он пытался сделать более, нежели мог исполнить, он не хотел принять возможное за меру и предел своих усилий. Чтобы ускорить торжество своих идей, он вступил в борьбу с империею, со всеми государями, даже с духовенством. Он не отказался ни от одного вывода из своей теории, не пощадил ничьих интересов; он громогласно объявил, что хочет властвовать и над царствами, и над умами, и таким образом восстановил против себя, с одной стороны, все светские власти, уstraшенные неминуемою опасностью, с другой — свободных мыслителей, которые начинали появляться и уже чуждались тирании, тяготевшей над мыслью. Вообще, Григорий VII больше повредил, нежели помог осуществлению им задуманного предприятия.

Однако предприятие это продолжалось еще, и без успеха, в течение всего XII и до половины XIII века. Это время величайшего могущества церкви. Не думаю, чтобы она в это время сделала значительный шаг вперед. До конца правления Иннокентия III, она более пользовалась своею славой и могуществом, нежели расширяла их. В минуту наибольшего, по-видимому, успеха своего, в большей части Европы обнаруживается против нее народная реакция. На юге Франции появляется ересь альбигойцев, распространившаяся на целое общество, обширное и сильное. Около того же времени на севере, во Фландрии, также зарождаются подобные идеи и желания. Несколько позже в Англии могущество церкви с большею энергиею подрывается Виклефом, основателем секты, которой не суждено было погибнуть. На этот путь вслед за на-

родами вскоре вступают и государи. В начале XIII века могущественнейшие и искуснейшие европейские государи — императоры Гогенштауфенского дома — погибают в борьбе с папскою властью; но еще ранее конца того же столетия Людовик Святой, благочестивейший из королей, объявляет независимость светской власти и обнародывает первую прагматическую санкцию, послужившую основанием всех прочих. В начале XIV века завязывается спор между Филиппом Красивым и Бонифацием VIII; столь же непокорным Риму является и король Английский Эдуард I.

Попытка теократической организации очевидно не удалась; с тех пор церковь принимает оборонительное положение; она уже не надеется покорить Европу и заботится единственно об удержании прежних приобретений своих. Эмансипация светского европейского общества относится к концу XIII века; с этого времени церковь перестает стремиться к преобладанию над ним. Она еще раньше отказалась от этого стремления к той сфере, где, по-видимому, должна была иметь наибольший успех. В самом центре церкви, вокруг ее престола, в Италии, теократия давно уже потерпела окончательную неудачу и уступила место совершенно другой системе — той демократической организации, тип которой мы видим в итальянских республиках, и которая играла в Европе столь блестящую роль между XI и XVI веками.

Вы помните сказанное мною об истории городских общин и о способе образования их. В Италии они развились раньше и были могущественнее, нежели в других странах; города Италии были гораздо многочисленнее и богаче, чем города Галлии, Англии, Испании; римское муниципальное устройство сохранило в ней более жизни и правильности. Итальянские поля не представляли удобного места жительства для новых завоевателей. Они повсюду были обработаны, высушены, возделаны; они не были покрыты лесами; варвары не могли предаваться там охоте в обширных размерах, не могли вести

той жизни, какую вели в Германии. Притом часть итальянской территории вовсе не принадлежала им. Южная Италия, Рим и окрестности его, Равенна — по-прежнему зависели от греческих императоров. Благодаря отдалению государя и превращениям войны, в этой части Италии весьма рано утвердилось и развилось республиканское устройство. И не только Италия не вся принадлежала варварам, но самые варвары, завоевавшие ее, не остались спокойными и окончательными ее владельцами. Остготы были разбиты и уничтожены Велизарием и Нарциссом. Не лучше утвердилось и Лангобардское королевство: оно было разрушено франками, и хотя Пипин и Карл Великий и пощадили лангобардское народонаселение, но они поняли, что для борьбы с недавно побежденными лангобардами необходимо соединиться с коренными жителями Италии. Итак, в противоположность прочим странам Европы, варвары не были исключительными, мирными владельцами итальянской территории, итальянского общества. Вот отчего по ту сторону Альп феодальные владельцы были слабы, малочисленны, без всякой связи между собою. Перевес по-прежнему остался за городами, не переходя к обитателям сел, как это случилось, например, в Галлии. Когда такое положение дел обнаружилось с полною ясностью, то большая часть феодальных владельцев добровольно или в силу необходимости оставили сельскую жизнь и переселились в города. Варвары-дворяне сделались горожанами. Понятно, какую силу, какое превосходство, благодаря одному этому факту, приобрели итальянские города над другими городскими общинами Европы. В последних, как мы уже имели случай заметить, население отличалось своею униженностью и робостью. Жителей их мы сравнили с вольноотпущенниками, с трудом сопротивляющимися постоянно угрожающему им господину. Судьба итальянских горожан была другая; здесь в одних и тех же стенах смешались и победители, и побежденные: города не имели надобности защищаться от соседних владельцев; городские жители,

по крайней мере большая часть их, была искони свободными гражданами, отстаивавшими свою независимость против чужеземных, отдаленных государей — то против франкских королей, то против германских императоров. Отсюда это огромное и раннее превосходство итальянских городов; в то время как в других странах с величайшим трудом образовались жалкие общины, здесь развились и утвердились республики, государства. Вот чем объясняется успех попытки республиканской организации в этой части Европы. Республика здесь издавна обуздала феодальный элемент и сделалась господствовавшей формой общества. Но по самому свойству своему, она не могла не утвердиться, не распространиться в нем: она заключала в себе весьма мало зародышей усовершенствования, составляющих необходимое условие развития и прочности.

Всматриваясь в историю итальянских республик от X до XV века, нельзя не обратить внимание на два факта, по-видимому, противоречащие друг другу, но тем не менее бесспорные. Мы видим удивительное развитие отваги, деятельности, гения — развитие, влекущее за собою значительную степень благосостояния; мы замечаем движение и свободу, которых недостает остальной Европе. Но спросим себя, какова была действительная судьба жителей, как проходила их жизнь, сколько счастья выпадало на их долю? Тогда представляется нам совершенно другое зрелище. Нет, быть может, истории более печальной, более мрачной; нет, быть может, страны, в которой жизнь людей подвергалась таким бурям, таким печальным случайностям, в которой было бы больше раздоров, преступлений, несчастий. В то же время нас поражает и другой факт: в политическом устройстве большей части этих республик свобода постепенно уменьшается. Недостаток безопасности так чувствителен, что партии неизбежно должны искать убежища в менее бурной, менее демократической системе, нежели та, при которой возникло государство. Возьмите историю Флоренции, Венеции, Генуи, Милана, Пизы, — везде вы

увидите, что общий ход событий не только не развивал свободу, не расширял сферу политических учреждений, но, напротив того, клонился к стеснению их, к сосредоточению власти в руках меньшинства. Одним словом, этим столь энергичным, блестящим, богатым республикам не доставало двух необходимых благ: безопасности — первого условия общественного быта — и усовершенствования политических учреждений.

Отсюда развилось новое зло, воспрепятствовавшее распространению попытки республиканской организации. Величайшая опасность угрожала Италии извне, со стороны государей. Но и эта опасность никогда не могла примирить итальянские республики, не могла побудить их к общей, совокупной деятельности: они никогда не умели общими силами сопротивляться общему врагу. Вот почему многие из просвещеннейших итальянцев, лучших патриотов нашего времени, оплакивают средневековое республиканское устройство Италии как настоящую причину, по которой она не сделалась нацией: она раздробилась, по их мнению, на множество небольших народов, недостаточно возвышавшихся над своими страстями и потому не сумевших образовать союз и соединиться в одно государственное тело. Они сожалеют, что отечество их не прошло, подобно остальной Европе, чрез деспотическую централизацию, которая бы образовала из него народ и сделала бы его независимым от иноземцев.

Итак, республиканская организация, даже при самых благоприятных обстоятельствах, не содержала в себе время начал прогресса, прочности, расширения; у нее не было будущности. Организацию Италии в Средние века до известной степени можно сравнить с организацией Древней Греции. Греция также состояла из небольших республик, всегда соперничавших между собою, часто враждебных друг другу, иногда соединявшихся для достижения одной общей цели. В таком сравнении все преимущество на стороне Греции. Нет сомнения, что в Афинах, в Спарте, в Фивах, несмотря на множество об-

наруживаемых историей несправедливостей, было гораздо более порядка, безопасности, правосудия, нежели в итальянских республиках. Несмотря на это, как непродолжительно было политическое существование Греции, каким источником слабости служило для нее разделение территории и власти! Лишь только Греция вступила в соприкосновение с соседними большими государствами, с Македонией и с Римом, — она потеряла свою самостоятельность. Эти небольшие, столь славные и недавно еще цветущие республики не могли соединиться для противодействия общему врагу. То же самое тем более должно было случиться в Италии, где общество и человеческий разум были гораздо менее развиты, менее сильны, нежели у греков.

Если республиканская организация не могла надолго утвердиться в Италии, где она сначала имела успех и одержала верх над феодальным устройством, то тем скорее она должна пасть в других странах Европы. Бросим беглый взгляд на судьбу ее в этих странах.

Южная Франция и соседние с нею провинции Испании — Каталония, Наварра, Бискайя — во многом были сходны с Италией. И там общины получили большое развитие, приобрели значение и богатство. С горожанами соединились многие небольшие феодальные владельцы; на сторону их перешла также часть духовенства; одним словом, положение этих провинций довольно близко подходило к положению Италии. В течение XI и в начале XII века города Прованса, Лангедока, Аквитании стремились приобрести политическое значение, сделаться независимыми республиками, подобно городам, лежавшим по ту сторону Альп. Но Южная Франция находилась в соприкосновении с весьма сильным феодализмом, феодализмом Северной Франции. Появилась альбигойская ересь. Между Францией феодальной и Францией муниципальной возгорелась война. Вам известна история крестового похода против альбигойцев, предпринятого под предводительством Симона Мон-

фортского. Это была борьба северного феодализма с южной демократической организацией. Несмотря на усилия южного патриотизма, торжество осталось на стороне севера. Югу недоставало политического единства; цивилизация его еще не достигла той степени, при которой внешнее единство может быть заменено единодушием. Попытка республиканской организации была побеждена, и крестовый поход восстановил в Южной Франции феодальное устройство.

Несколько позже республиканская попытка увенчалась большим успехом в горах Швейцарии. Театр ее здесь был очень узок; ей предстояла борьба только с чужеземным государем, хотя более сильным, нежели швейцарцы, но не принадлежавшим к числу могущественнейших европейских монархов. Борьба эта была ведена с большою отвагою. Большинство швейцарского феодального дворянства соединилось с городами; эта поддержка во многом содействовала революции, но вместе с тем исказила ее значение, сообщив ей такой аристократический и неподвижный характер, каким она, по-видимому, не должна была бы отличаться.

Перехожу к Северной Франции, к городским общинам Фландрии, берегов Рейна и Ганзейского союза. Здесь в городах вполне восторжествовала демократическая организация; но с самого начала видно, что ей не было суждено распространяться, не было суждено овладеть всем обществом. Северные общины были окружены и стеснены феодализмом, так что постоянно должны были находиться в оборонительном положении. Ясно, что они не могли и думать о завоеваниях; они заботились только о своей собственной защите, по мере сил своих. Они удерживают свои привилегии, но остаются заключенными в своих стенах. Внутренностью городов и ограничивается здесь демократическая организация; она не идет далее, и мы напрасно стали бы искать ее где-либо еще.

Вот какова была судьба республиканской попытки: она торжествует в Италии, но с немногими задатками развития

и прочности; она побеждена в Южной Франции; она побеждает на небольшой арене — в швейцарских горах, на севере же, в общинах Фландрии, берегов Рейна и Ганзейского союза, она лишена возможности выйти за пределы городских стен. Но и в таком положении, при очевидном неравенстве сил ее с силами других общественных элементов, она возбуждала в феодальном дворянстве чрезвычайные опасения. Феодальные владельцы завидовали богатству городских общин и страшлись их могущества; демократический дух проникал в деревни и села, восстания крестьян становились все чаще и упорнее. Почти во всей Европе, в недрах феодального дворянства образовался обширный союз против городских общин. Силы обеих сторон были далеко не равномерны; городские общины стояли отдельно друг от друга; между ними не было ни связи, ни сношений; деятельность их была чисто местная. Конечно, между горожанами различных стран существовала известная симпатия; успех или неудачи фландрских городов в борьбе их с бургундскими герцогами без сомнения возбуждали живое участие в французских городах; но между городами не установилось ни действительной связи, ни единства; общины не оказывали никакой помощи друг другу. Поэтому феодальная система имела пред ними неизмеримое преимущество; но, будучи сама разрознена и непоследовательна, она не могла уничтожить значение общин. Когда, после продолжительной борьбы, феодальные владыки убедились в невозможности полной, совершенной победы, то они поневоле решились признать эти небольшие муниципальные республики, вступить с ними в переговоры и принять их в число государственных элементов. Тогда начался новый порядок, новая попытка политической организации: попытка смешанной организации, имевшая предметом согласить между собою все общественные элементы — феодальное дворянство, городские общины, духовенство, государей — дать им общую жизнь и деятельность. Нам остается теперь рассмотреть эту последнюю попытку.

Всем, конечно, известно, что такое генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании и Португалии, парламент в Англии, сейм в Германии. Вы знаете также, из каких элементов состояли эти различные собрания; они представляли сближение феодального дворянства, духовенства и городских общин, имевших целью соединиться в одно общество, в одно государство, под одним законом и одною властью. Везде под различными именами мы видим одно и то же стремление, одну и ту же цель. Как образец этой попытки я приведу факт, наиболее занимательный для нас и наиболее нам известный — генеральные штаты во Франции.

Никто в настоящее время не мог бы сказать, что было определенного, постоянного в генеральных штатах Франции, сколько числилось в них членов, что было предметом рассуждений их, когда они созывались, как долго продолжались их заседания. Все это решительно неизвестно; история не дает по этому предмету никаких ясных и твердых указаний. Собрания эти с первого взгляда представляются простою случайностью, крайнею мерою как для народов, так и для королей; для королей — когда у них нет денег и они не знают как выйти из затруднительного положения; для народов — когда они не знают как избавиться от тяготеющего над ними зла. Дворянство, духовенство заседают в генеральных штатах, но являются туда с некоторою беспечностью; они хорошо понимают, что не здесь главное поприще деятельности их, что не этим способом они достигнут преобладающего значения в правительстве. Да и сами горожане оказывают не более сочувствия к генеральным штатам; они видят в них не драгоценное право, но крайнюю необходимость. Обратим внимание на характер политической деятельности этих собраний. Они то совершенно ничтожны, то ужасны. Если сила на стороне короля, то унижение, покорность их доходят до крайности; если же положение верховной власти затруднительно, если она необходимо нуждается в содействии штатов, тогда они становят-

ся мятежными, делаются орудием какой-нибудь аристократической интриги или нескольких честолюбцев. Одним словом, иногда это не более как совещательное собрание нотаблей, т. е. почетных лиц государства, иногда — настоящий конвент. Вот почему дела их почти всегда исчезают вместе с ними; они многое обещают, многое начинают, но ничего не исполняют. Из генеральных штатов не вышло ни одной важной меры, которая имела бы решительное влияние на французское общество, ни одной значительной реформы в правительстве, в законодательстве, в администрации. Не следует, однако, думать, что они не приносили никакой пользы, не оставляли никаких последствий; они имели нравственное действие, на которое, говоря вообще, обращают слишком мало внимания; они были периодическим протестом против политического рабства, насильственным провозглашением некоторых охранительных принципов, например права страны подавать голос относительно платимых ею налогов, принимать участие в своих делах, подвергать ответственности агентов правительства. Если эти принципы никогда не погибали во Франции, то этому значительно содействовали генеральные штаты, а поддерживать в нравах народа и оживлять в его мыслях воспоминание о свободе и о сопряженных с нею правах, значит оказывать народу немаловажную услугу. Генеральные штаты имели это достоинство; но они никогда не были правительственной системой, никогда не входили в состав политической организации, никогда, одним словом, не достигали той цели, с которою были созываемы, — они не достигали слияния в одно целое различных обществ, разделявших между собою господство в стране.

Испанские и португальские кортесы представляют тот же конечный результат среди множества самых разнообразных обстоятельств. Важность кортесов зависела от обстоятельств времени и места. В Арагонии, Бискайе, среди споров о наследстве престола или во время борьбы с маврами, они собирались чаще и пользовались большею силою. Иногда дворян-

ство и духовенство вовсе не были призываемы в кортесы, например, в Кастилии в 1370 и 1373 годах. При более подробном изучении событий, мы должны были бы обратить внимание на множество частных случаев; но ограничиваясь, по необходимости, общими чертами, мы можем сказать положительно, что испанские кортесы, подобно генеральным штатам во Франции, были простою случайностью, а не системою, не политической организацией, не благоустроенною формою правления.

Не то совершилось в Англии. Я не войду в подробное рассмотрение этого предмета. Я скажу только несколько слов о причинах, по которым Англия получила совершенно другое направление, нежели континентальная Европа. Прежде всего должно заметить, что в Англии не было могущественных вассалов, не было подданных, которые были бы в состоянии лично бороться с королевскою властью. Бароны и главнейшие феодальные владыки Англии издавна принуждены были соединяться для общей защиты и сопротивления. Таким образом в высшей аристократии получили преобладание начала ассоциации и истинно политические нравы. Кроме того, английские феодалы, владельцы небольших феодалов, под влиянием целого ряда событий, были принуждены к союзу с горожанами и вместе с ними стали заседать в палате общин, которая таким образом получила гораздо большее значение, нежели континентальные общины, — значение вполне достаточное для влияния на правительство страны. Вот состояние британского парламента в XIV веке; палата лордов была высшим советом короля, советом, деятельно участвовавшим в управлении государством. Палата общин, составленная из депутатов от мелких феодальных владельцев и от горожан, не принимала почти никакого непосредственного участия в правительстве; но она устанавливала права и весьма энергически защищала частные и местные интересы. Парламент, рассматриваемый в целом его составе не имел еще правительственной власти, но был уже благоустроенным учреждением, средством правле-

ния, признанным в теории и часто необходимым на практике; итак, попытка сближения и союза между различными общественными элементами, с целью образовать из них одно политическое тело-государство, удалась в Англии, потерпев неудачу на материке Европы.

О Германии скажем лишь несколько слов. Попытки слияния, единства, общей политической организации не возбуждали в ней большого участия. Различные общественные элементы остались в ней гораздо более разрозненными и независимыми друг от друга, нежели в прочих европейских государствах. Доказательства этому можно найти и даже в новейшие времена. Германия была единственной страной Европы, где феодальный порядок избрания долгое время играл роль в образовании монархической власти — я не говорю ни о Польше, ни о других славянских племенах, так поздно вступивших в систему европейской цивилизации. В одной только Германии сохранились также духовные государи, свободные города, облеченные верховною властью в настоящем, политическом значении этого слова. Ясно, что попытки соединить в одно целое первобытные элементы европейского общества имели там меньше значения, нежели в других странах, и остались почти без последствий.

Я указал на важнейшие опыты политической организации, произведенные в Европе до конца XIV и начала XV века. Вы видели, что ни один из них не имел успеха. Я попытался мимоходом объяснить причины такой неудачи, собственно говоря, все эти причины сводятся к одной: общество не было еще достаточно развито для того, чтобы достигнуть единства; все было еще слишком местно, разрозненно, узко, разнообразно как в жизни, так и в убеждениях людей. Не было ни общих интересов, ни общих мнений, которые могли бы одержать верх над частными интересами и мнениями. Самые возвышенные и смелые умы не имели никакого понятия об администрации и суде в настоящем, общественном значении их. Очевидно,

что прежде всего деятельная, сильная цивилизация должна была смешать, сравнить, соединить все эти бессвязные элементы; интересы, законы, нравы, идеи должны были подвергнуться действию могущественной централизации; одним словом, должна была образоваться общественная власть, общественное мнение. Мы вступаем в эпоху, когда, наконец, совершилось это великое дело. Первые признаки его, состояние умов и нравов в течение XV века, стремление их к образованию центрального правительства и общественного мнения — таков будет предмет следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Особый характер XV века. – Постепенная централизация народов и правительств. – 1) Франция. – Возникновение национального французского духа. – Образ правления Людовика XI. – 2) Испания. – 3) Германия. – 4) Англия. – 5) Италия. – Начало внешних сношений между государствами. – Движение религиозных идей. – Попытки аристократической реформы. – Константинопольский и Базельский соборы. – Попытки популярной реформы. – Ян Гус. – Возрождение литературы. – Благоговение перед древностью. – Классическая школа, или школа свободных мыслителей. – Общая деятельность. – Путешествия, открытия, изобретения.

Мы достигли порога новой истории в тесном смысле слова, до порога того общества, которое, с своими учреждениями, мнениями, нравами, сорок лет тому назад существовало еще во Франции, поныне существует в остальной Европе и, несмотря на переворот, совершенный нашею революциею, все еще оказывает на нас могущественное влияние. Я уже имел случай объяснить, что начало новейшего общества относится, собственно говоря, к XVI веку. До вступления в эту новую сферу, возобновим в нашей памяти весь пройденный нами путь.

Мы различили среди развалин Римской империи все существенные элементы нашей Европы; мы видели, как они отделились друг от друга, развивались каждый сам по себе, независимо от прочих. В продолжение первой исторической эпохи, мы заметили постоянное стремление этих элементов к раздельности, замкнутости в самих себе, к местному, узкому существованию. Но едва только эта цель, по-видимому, была достигнута, едва только феодализм, городские общины, духо-

венство, приняли каждый свою обособленную форму, заняли свое отдельное место, они немедленно направили свои усилия к тому, чтобы сблизиться, соединиться, сложиться в одно общество, образовать из себя нацию, правительство. С этой целью европейские государства обращались ко всем разнообразным системам, одновременно существовавшим в Европе; принцип общественного единства, политическую и нравственную связь они искали и в теократии, и в аристократии, и в демократии, и в королевской власти. Но ни одна из этих попыток пока еще не имела успеха; ни одной системе, ни одному влиянию не удалось завладеть обществом, вдохнуть в него общественную деятельность и жизнь. Причину такой неудачи мы нашли в отсутствии общих интересов и общих идей; мы признали, что все было слишком индивидуально и местно; что без продолжительного и могучего действия централизующей силы, общество не могло расширяться и укрепиться, сделаться в одно и то же время обширным и благоустроенным — цель, к которой оно по необходимости стремится. Вот в каком положении мы оставили Европу в конце XIV века. Конечно, она понимала свое положение далеко не так ясно, как мы понимаем его в настоящее время. Она не сознавала с полной отчетливостью, чего ей недоставало, к чему она должна стремиться. Однако она действовала так, как будто хорошо знала цель своих действий. В конце XIV века, после неудачного окончания всех важнейших попыток организации, Европа естественно и как бы инстинктивно вступила на путь централизации. Отличительным характером XV века является постоянное стремление к такому результату, старание создать общие интересы, общие идеи, уничтожить дух замкнутости, местности, установить единство в материальной и умственной деятельности людей, возвысить ее на один общий уровень, образовать наконец то, чего до тех пор не существовало в больших размерах, — образовать правительства и народы. Появление этого факта относится к XVI и XVII столетиям, но пригото-

ление его — к XV веку. Предметом изучения нашего будет теперь именно это приготовление, это тайное, скрытое стремление к централизации как в общественных отношениях, так и в идеях, — стремление, появившееся без предварительного размышления, без определенной цели, под влиянием естественного хода событий.

Таким образом человек содействует исполнению плана, не им созданного, даже неизвестного ему; он разумный и свободный исполнитель чужого дела, значение которого он узнает и поймет уже гораздо позже, когда оно проявилось в действительности, во внешнем мире; да и тогда он понимает его далеко не полно и несовершенно. Тем не менее это дело совершается человеком, развитием его ума, его свободы. Представьте себе обширную машину, общая мысль которой доступна одному уму, а отдельные части вверены различным работникам, разбросанным, чуждым друг другу; никто из них не знаком со всем ее объемом, с окончательным, общим результатом, к которому должны привести все отдельные усилия; но, несмотря на это, каждый работник исполняет возложенное на него дело с сознанием и свободой, действует обдуманно и добровольно. Вот каким образом осуществляются в мире руками человеческими виды Провидения; вот почему в истории цивилизации одновременно проявляются два факта: с одной стороны, то, что в ней есть рокового, недоступного человеческому пониманию и воле; с другой — то, что производится в ней разумом и свободой человека, что он вносит в нее собственную мыслью и желаниями.

Чтобы вполне познакомиться с XV веком, чтобы дать себе ясный и подробный отчет в этом, так сказать, преддверье новейшего общества, мы различим два главных рода фактов. Сначала мы рассмотрим факты политические, перевороты, содействовавшие образованию наций или правительств. Потом мы перейдем к нравственным фактам, к изменениям, происшедшим в идеях и нравах, к выработавшимся под их влияни-

ем общественному мнению. Для простейшего и быстрейшего обозрения политических фактов, мы рассмотрим главнейшие страны Европы и покажем, что дал им XV век, в каком положении он принял, в каком оставил их.

Начнем с Франции. Вторая половина XIV и первая половина XV века были временем великих национальных войн ее с Англией, временем борьбы, происходившей за независимость французской территории, французского имени против чужеземного владычества. Стоит только раскрыть историю, чтобы увидеть, с каким жаром, несмотря на неоднократные раздоры и измены, все сословия французского общества принимали участие в этой борьбе, какой патриотизм овладел тогда феодальным дворянством, буржуазией, даже крестьянами. О народном характере борьбы более, нежели достаточно свидетельствует хотя бы одна история Жанны д'Арк. Жанна д'Арк вышла из народа; ее вдохновляли и поддерживали чувства, верования и страсти народа. Придворные, предводители войска смотрели на нее с недоверием, иронией, даже неприязнью, но солдаты и народ были на ее стороне. На помощь жителям Орлеана она была послана лотарингскими крестьянами. В этом обстоятельстве всего яснее выражаются народный характер войны и сочувствие, которое она возбуждала в целой стране. Вот каким образом было положено начало французской национальности.

До восшествия на престол династии Валуа, во Франции господствует феодальный характер; нет еще ни французской нации, ни французского духа, ни французского патриотизма. С династией Валуа начинается Франция в собственном смысле слова. Война с Англией и все превратности ее в первый раз соединили дворянство, буржуазию и крестьян одною нравственною связью — связью общего имени, общей чести, общего желания победить чужеземных врагов. Напрасно, впрочем, было бы искать в эту эпоху истинно политического духа, великого, сознательного единства в правительстве и в учреж-

дениях, как мы теперь понимаем их. Для Франции того времени единство заключалось в ее национальной чести, в существовании национальной королевской власти, какова бы она ни была, лишь бы только в ней не участвовали иноземцы. В этом именно смысле борьба с Англией могущественно содействовала образованию французской нации и стремлению ее к единству.

В это время, когда созидалось нравственное могущество Франции, развитие ее национального духа, — в это самое время она слагалась, так сказать, и материально, т. е. территория ее устранилась, расширялась, укреплялась. Это время присоединения большей части провинций, из которых она составила. При Карле VII, после изгнания англичан, почти все принадлежавшие им провинции: Нормандия, Ангумоа, Турень, Пуату, Сентонж и другие — окончательно сделались французскими. При Людовике XI к Франции присоединены были еще десять провинций, из которых три впоследствии были снова утрачены ею: Руссильон и Серданья, Бургундия, Франш-Конте, Пикардия, Артуа, Прованс, Менъ, Анжу и Першь. При Карле VIII и Людовике XII последовательное супружество Анны Бретанской с этими двумя королями доставило нам Бретань. Таким образом в одно и то же время и под влиянием одних и тех же событий образовались и территория, и национальный дух; Франция нравственная и Франция материальная вместе приобрели силу и единство.

Перейдем от нации к правительству: мы увидим, что и здесь совершаются подобные факты, подготавливается подобный же результат. Никогда французское правительство не было до такой степени лишено внутренней связи, единства, силы, как при Карле VI и в первые времена царствования Карла VII. В конце этого царствования положение дел совершенно изменяется. Власть очевидно укрепляется, расширяется, организуется; все главнейшие правительственные силы: налоги, войска и правосудие — создаются в обширных размерах и с некото-

рым единством. Это время образования постоянных войск как конных, так и пеших. С помощью этих войск Карл VII восстановил некоторый порядок в провинциях, разоренных насилием и вымогательством военных людей, которые продолжали тяготеть над страной даже и по окончании военного времени. Все современные писатели удивляются изумительному действию вновь учрежденных конных отрядов. С того же времени прямой налог, один из главных королевских доходов, становится постоянным; это было тяжким посягательством на свободу народа, но могущественно содействовало благоустройству и силе правительства. В то же время организуется и другое важное орудие власти — судебная администрация; число парламентов умножается; в весьма короткое время учреждается пять новых парламентов: при Людовике XI в Гренобле (1451), Бордо (1462) и Дижоне (1477); при Людовике XII в Руане (1499) и в Э (1501). Парижский парламент получает гораздо более постоянства и значения как в отправлении правосудия, так и в заведывании полицейскою частью своего округа.

Итак, в отношении к войскам, налогам и судопроизводству, т. е. ко всем существенным элементам своим, французское правительство приобрело в XV веке небывалый до того времени характер единства, правильности, определенности; общественная власть окончательно заступает место феодальных учреждений. К этому же времени относится и другая перемена, менее заметная, менее обращавшая на себя внимание историков, но может быть, еще гораздо более важная — это перемена, произведенная Людовиком XI в способе пользования правительственною властью.

Много и часто говорят о борьбе Людовика XI с высшими лицами королевства, об унижении их, о расположении этого короля к буржуазии и к людям низших сословий. В этом есть доля правды, хотя многое и преувеличено; образ действий Людовика XI в отношении к различным общественным сословиям чаще смущал государство, чем приносил ему пользу. Но он

совершил другое, несравненно важнейшее дело. До него правительство действовало почти исключительно силою, материальными средствами. Роль убеждения, ловкости, уменье обращаться с умами, пользоваться ими для своих видов, т. е. роль политики в собственном смысле слова — политики лжи и обмана, это правда, но вместе с тем осторожности и умеренности — была незначительна. Людовик XI заменил в правительстве материальные средства — умственными, силу — хитростью, политику феодальную — политикою итальянскою. Сравните людей, соперничество которых наполняет эту эпоху нашей истории: Карла Смелого и Людовика XI. Карл — представитель прежнего образа правления; он действует только насилием, беспрестанно прибегает к войне; для него невыносимо терпение, ожидание, он не умеет обращать умы людей в орудие своего успеха. Наоборот, удовольствие Людовика XI состояло в том, чтобы избежать употребления силы, овладевать людьми порознь в разговоре с ними, посредством искусного воздействия на их умы и интересы. Он изменил не учреждения, не внешнюю систему правления, но тайный образ действий, тактику власти. Новейшим временам предоставлено было предпринять еще более важный переворот — введение в политические средства и цели справедливости вместо эгоизма, гласности вместо обмана. Но тем не менее отказаться от беспрестанного употребления силы, обращаться преимущественно к умственному превосходству, управлять с помощью нравственного влияния, а не вмешательства в материальную жизнь, также значило сделать большой шаг вперед. Этот именно шаг и был в первый раз сделан Людовиком XI, который при всех своих преступлениях и ошибках, при всей испорченности своей природы, обладал светлым умом и, благодаря ему, совершил указанную нами перемену.

От Франции переходим к Испании, представляющей нам подобное же зрелище. Национальное единство Испании также образуется в XV веке. В это время прекращается завоеванием Гренадского королевства продолжительная борьба христиан

с арабами; тогда же централизуется территория; посредством супружества Фердинанда Католического и Изабеллы, соединяются под одну власть два главные испанские королевства: Кастилия и Арагония. Как и во Франции, королевская власть расширяется и крепнет; опорой ей служат учреждения более суровые, носящие более мрачные названия: вместо парламентов является инквизиция. Она заключала в себе зародыши всего того, чем сделалась впоследствии; но в начале она отличалась другим характером, скорее политическим, нежели религиозным; она должна была более поддерживать порядок, чем защищать веру. Аналогия между обеими странами простирается далее учреждений — мы находим ее даже в лицах. Фердинанд Католический близко подходит к Людовику XI как к личному характеру своему, так и по правительственной системе; он уступает ему только в тонкости, подвижности ума, в беспокойной, суетливой деятельности. Я не приверженец произвольных сближений и параллелей; но здесь сходство глубокое как в общих фактах, так и в подробностях.

Такие же аналогичные факты находим мы и в Германии. В середине XV века, в 1438 году, австрийский дом становится во главе империи, и в месте с тем императорская власть приобретает небывалую дотоле определенность. С этого времени избрание служит только к подтверждению наследственности. В конце XV века Максимилиан I окончательно утверждает преобладание своего дома и правильную организацию центральной власти. Во Франции Карл VII первый образовал войско для поддержания порядка; Максимилиан, в наследственных землях своих, первый достигает той же цели с помощью того же самого средства. Людовик XI установил во Франции почты для писем — Максимилиан I ввел ее в Германии. Повсюду успехи цивилизации, однако, обращаются в пользу центральной власти.

История Англии в XV веке представляет два главных события: вне государства — борьбу с Францией, внутри — войну Алой и Белой Розы; другими словами, войну внешнюю и войну

междоусобную. Эти столь различные войны привели к одному и тому же результату. Борьба с Францией страстно поддерживалась английским народом, но этою страстностью воспользовалась одна только королевская власть. Этот народ, более всех других искусный и твердый в защите своих сил и богатств, отдавал их тогда без меры и без расчета королям. В царствование Генриха V королю предоставлен был пожизненно, с самого начала его правления, один из значительнейших налогов — таможенный сбор. По окончании или по крайней мере по прекращении внешней войны, междоусобная война, сначала соединенная с внешнею, продолжалась независимо от нее: дома Йоркский и Ланкастерский оспаривают друг у друга престол. Когда же наступил конец и этой кровавой распри, высшая английская аристократия увидела себя разоренною, малочисленною, лишенною возможности удержать свою прежнюю власть. Союз баронов уже не мог господствовать над королями; на престол вступают Тюдоры, и с Генрихом VII, в 1485 году, начинается эра политической централизации, торжество королевской власти.

Королевская власть не установилась в Италии, по крайней мере под своим настоящим именем; но общий результат событий вследствие этого несколько не изменился. В XV веке падают итальянские республики; там даже, где сохраняется это название, власть сосредоточивается в руках одной или нескольких фамилий; республиканская жизнь исчезает. В Северной Италии почти все ломбардские республики сливаются в Миланском герцогстве; в 1434 году Флоренция подпадает под власть Медичей; в 1464 году Генуя подчиняется Милану. Большая часть республик, больших и малых, уступают место самодержавным домам. Вслед за тем возникают притязания иностранных держав на север и на юг Италии, на Миланское герцогство с одной и на Неаполитанское королевство с другой стороны.

На каком бы европейском государстве мы ни остановились, какую бы часть истории ни рассматривали — везде как

в народах, так и в правительствах, в учреждениях и в территориях мы видим приближение к концу прежних элементов, прежних форм общества. Вековые права и вольности исчезают; возникают новые власти, более правильные и сосредоточенные. Есть что-то глубоко грустное в этой картине падения древних европейских вольностей; оно внушало современникам самые горькие чувства. Во Франции, в Германии и особенно в Италии патриоты XV столетия с жаром сопротивлялись нововведениям и отчаянно оплакивали совершающийся переворот, благодаря которому возникло то, что они имели право называть деспотизмом. Нужно удивляться мужеству их и сочувствовать их горю; но в то же время следует понять, что этот переворот был не только неизбежен, но и полезен. Первоначальной системе Европы, древним феодальным и общинным вольностям не удалось дело общественной организации. Без безопасности и прогресса невозможна общественная жизнь. Всякая система, не дающая порядка в настоящем и движения к будущему, оказывается недостаточной и скоро заменяется другою. Такова была в XV веке участь древних политических форм и вольностей Европы. Они не могли дать обществу ни безопасности, ни прогресса: общество стало искать этих благ в другой системе, обратилась к другим началам и средствам. Вот смысл всех фактов, которые я сегодня изобразил пред вами.

К той же эпохе относится начало другого факта, занимающего важное место в политической истории Европы. В XV веке взаимные сношения правительств сделались более частыми, правильными, постоянными. Тогда в первый раз образовались обширные союзы то с мирною, то с воинственною целью, из которых впоследствии произошла система политического равновесия. Дипломатия существует в Европе с XV столетия. В самом деле, в конце этого столетия главные континентальные властители Европы — папы, миланские герцоги, венецианцы, германские императоры, испанские и француз-

ские короли — сближаются, договариваются между собою, действуют заодно, заключают союзы, уравнивают друг друга. Таким образом, когда Карл VIII предпринимает поход для завоевания Неаполитанского королевства, против него образуется обширный союз между Испаниею, папою и венецианцами. Несколько позже (1508) составляется Камбрейский союз против венецианцев. В 1511 году он уступает место священному союзу, направленному против Людовика XII. Все эти союзы возникли из итальянской политики, из желания различных государей сохранить свою долю итальянской территории и из опасения, чтобы один из них не овладел ею исключительно и не упрочил тем самым за собою чрезвычайный перевес над прочими.

Этот новый порядок вещей был крайне благоприятен для развития королевской власти. С одной стороны, внешние сношения государств, по самой природе своей, должны быть ведены только одним лицом или немногими лицами и притом с соблюдением известной тайны. С другой стороны, народы были настолько предусмотрительны, что не обращали внимания на последствия подобных сделок; они не видели в них непосредственного для себя интереса, мало заботились о них и предоставляли их центральной власти. Вот почему дипломатия при самом рождении своем досталась в руки королей; убеждение, что она принадлежит им исключительно, что народ, даже свободный, даже имеющий право определить свои налоги и принимать участие в общественных делах, не может вступаться в дела внешние — убеждение это, говорю я, утвердилось в умах всех почти европейцев как общепринятый принцип, как положение общенародного права. Раскройте историю Англии в XVI и XVII столетиях; вы увидите, как сильна была эта идея, и какую преградою она служила английской свободе в правление Елизаветы, Иакова I, Карла I. Абсолютная власть постоянно защищается против прав народа во имя того принципа, что мир и война, торговые сношения, все

внешние дела принадлежат к сущности королевской прерогативы. Народы робко оспаривают эту часть прерогативы; и такая робость обошлась им тем дороже, что начиная с эпохи, рассмотрение которой теперь предстоит нам, т. е. с XVI столетия, европейская история становится по преимуществу дипломатическою. В продолжение почти трех веков внешние сношения составляют важнейший факт этой истории. Внутренняя жизнь страны устривается правильнее; дела внутреннего управления, по крайней мере на материке Европы, не производят уже сильных потрясений, не поглощают всей общественной деятельности. Внешние сношения, войны, договоры, союзы обращают на себя внимание и пополняют историю, так что важнейшая часть судьбы народов предоставляется королевской центральной власти.

Это, впрочем, и должно было случиться почти неизбежно. Для того чтобы общество с успехом могло принимать участие в делах такого рода, необходима высокая степень цивилизации, сильное развитие политического такта и приемов. Между XVI и XVIII веками народы далеко не соответствовали этим условиям. Посмотрите, что происходило в Англии в начале XVII века, в царствование Иакова I. Зять его, избранный в короли Богемии, потерял свою корону и лишился даже своих наследственных владений — палатината. Весь протестантский мир был заинтересован в его деле, и Англия принимала в нем живое участие. Общественное мнение восстало, чтобы принудить Иакова заступиться за зятя, возвратить ему палатинат. Парламент яростно требовал войны, обещая все нужные для того средства. Иаков не желал войны: он медлил, пытался вступить в переговоры, послал часть войска в Германию и потом объявил парламенту, что для поддержания борьбы с некоторою надеждою на успех необходимо 900 000 фунт. ст. Никто не возразил, что расчет этот преувеличен, да и не было основания сомневаться в его верности. Но парламент с удивлением и ужасом отступил пред таким бременем и не без труда назна-

чил 70 000 фунт. ст. для восстановления государя и завоевания государства в 300 милях от Англии. Таково было политическое невежество общества. Оно действовало без знания фактов, во все не помышляя об ответственности. Вот главная причина, по которой внешние сношения сосредоточились в руках центральной власти: она одна только могла вести их, не скажу в видах общественной пользы — на этот предмет далеко не всегда было обращено должное внимание, — но с некоторою последовательностью и здравым смыслом.

Итак, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали политическую историю Европы в эту эпоху — во внутреннем ли состоянии государств или во внешних сношениях их между собою, в военном устройстве, в судопроизводстве, в налогах, — везде мы встречаем один и тот же характер, одно и то же стремление к централизации, к единству, к образованию и преобладанию общих интересов, общественной власти. Такова скрытая работа XV века, работа, не имевшая сначала никакого видимого результата, не совершившая никакой заметной перемены, но приготовившая все будущие перевороты. Теперь я изложу факты другого рода — факты нравственные, относящиеся к развитию человеческого разума, общих идей. И здесь мы увидим то же самое явление и придем к тому же самому результату.

Начнем с церкви. До XV века одни только религиозные идеи имели в Европе общее, могущественное значение и производили влияние на массу. Одна только церковь облечена была властью приводить их в порядок, обнародывать их, делать их обязательными. Правда, нередко проявлялись стремления к независимости, даже к отделению, и церковь не без большого труда побеждала эти стремления; но как бы то ни было, она побеждала их; верованья, отвергнутые церковью, не получали общего и постоянного господства над умами; даже альбигойцы были уничтожены ею. В недрах церкви постоянно существовали несогласия и распри, но они не имели решительных и видимых последствий. В начале XV века обнаруживается

факт совершенно другого свойства. Новые идеи, общие, всеми признанные потребности в переменах, в реформах волнуют самую церковь. Конец XIV и начало XV века ознаменованы великим западным расколом, возникшим вследствие перенесения папского престола в Авиньон и появления двух пап в Авиньоне и Риме. Борьба обоих пап и известно именно под названием великого раскола. Он начался в 1378 году. В 1409 году Пизанский собор с целью прекратить его низлагает обоих пап и назначает третьего, Александра V. Вместо того чтобы усмириться, раскол разгорается еще с большею силою: пап уже не двое, а трое. Беспорядки и злоупотребления непрерывно возрастают. В 1414 году по вызову императора Сигизмунда собирается Констанцский собор. Он намеревается не только избрать нового папу, но и предпринять церковную реформу. Прежде всего он провозглашает неприкосновенность Вселенского собора, его превосходство над папскою властью; он решается сделать эти начала преобладающими в церкви и уничтожить вкравшиеся в нее злоупотребления, в особенности вымогательства, посредством которых римский престол добывал себе деньги. С этою целью собор назначает то, что мы теперь назвали бы следственною комиссиею, т. е. реформаторскую коллегия из членов собора, принадлежащих к различным народностям. На коллегия эту возлагается обязанность раскрыть злоупотребления, оскверняющие церковь, отыскать средства к уничтожению зла и затем донести о том собору, который озаботится исполнением предположенных мер. Но пока собор занят этою работою, ему предлагают вопрос: можно ли приступить к исправлению злоупотребления без видимого участия главы церкви, без утверждения папы? Вопрос этот разрешается отрицательно под влиянием римской партии, поддержанной благонамеренными, но робкими людьми. Собор в 1417 году избирает нового папу, Мартина V. Папа в свою очередь представляет план церковной реформы. Этот план не принят, собор расходится. В 1431 году с тою же

целью собирается собор в Базеле. Он продолжает преобразовательную работу Констанцского собора, но также не имеет успеха. Внутри собора и в христианском мире обнаруживается раскол. Папа переносит собор из Базеля в Феррару, потом во Флоренцию. Часть прелатов отказывает папе в повиновении и остается в Базеле. Подобно тому как прежде было двое пап, теперь является два собора. Базельский собор продолжает проектировать реформы, избирает своего папу, Феликса V, но по прошествии некоторого времени переносится в Лозанну и в 1449 году расходится, ничего не сделав.

Итак, перевес остался на стороне папской власти; она удержала за собою поле сражения и управление церковью. Собор не мог исполнить то, что предпринял, но он сделал то, чего не предпринимал, и что пережило его. В то время, когда Базельский собор потерпел неудачу в своих преобразовательных попытках, светские государи присвоили себе провозглашенные им идеи и указанные им учреждения. Во Франции, на основании декретов Базельского собора, Карл VII составил прагматическую санкцию и обнародовал ее в Бурже в 1438 году. Она установила избрание епископов, уничтожение аннат, исправление важнейших злоупотреблений, вкравшихся в церковь. Прагматическая санкция объявлена была государственным законом Франции. Майнский сейм в 1439 году возвел ее в степень основного закона и для Германской империи. Что не удалось духовной власти, то, по-видимому, намечалась совершить светская власть.

Но и здесь преобразовательные проекты подверглись новой неудаче. Так же как и собор, прагматическая санкция не достигла своей цели. Она скоро упала в Германии; сейм отступил от нее в 1448 году по договору с Николаем V. В 1516 году Франциск I точно так же отказался от нее и заменил ее конкордатом с Львом X. Реформа государей удалась не лучше реформы духовенства; но она погибла не вполне. Если собор не остался вовсе без последствий, то и прагматическая санк-

ция имела результаты, пережившие ее, игравшие важную роль в новой истории. Принципы, провозглашенные Базельским собором, были могучи и плодотворны. Они были приняты и поддержаны людьми высоких дарований и энергичного характера. Иоанн Парижский, д'Алльи, Жерсон и многие другие замечательные люди XV века посвятили себя их защите. Тщетно распускается собор, тщетно уничтожается прагматическая санкция, — общее учение о церковном правительстве, о необходимых реформах, укоренилось, утвердилось во Франции, перешло в парламенты, приобрело множество приверженцев и породило сначала янсенизм, а затем галликанизм. Весь этот ряд усилий, клонившихся к преобразованию церкви, начиная с Констанцского собора и до четырех положений Боссюэ, проистекает из одного и того же источника и направлен к одной и той же цели. Попытка законной реформы XV века не имела успеха в недрах церкви, но она тем не менее заняла место в развитии цивилизации и оказала косвенно огромное влияние на ход ее.

Соборы не без основания стремились к законной реформе; она одна только могла предотвратить революцию. В то же почти время, когда Пизанский собор предпринимал прекращение великого западного раскола, а Констанцкий собор — преобразование церкви, в Богемии появились первые насильственные попытки народной религиозной реформы. Проповеди и успехи Яна Гуса относятся к 1404 году, когда он начал поучать в Праге. Итак, две реформы идут друг подле друга: одна в недрах самой церкви, предпринятая церковною аристократиею — реформа осторожная, робкая, нерешительная; другая — вне церкви и против нее, реформа насильственная, страстная. Между обеими силами, между обоими стремлениями завязывается борьба. Собор вызывает Гуса и Иеронима из Праги в Констанц и осуждает их на сожжение как еретиков и революционеров. Теперь эти события для нас совершенно ясны; мы очень хорошо понимаем эту одновременность двух

отдельных реформ, предпринятых одна правительствами, другая народами, реформ, враждебных друг другу, но тем не менее проистекающих из одной причины, стремящихся к одной цели и, при всей видимой противоположности своей, содействующих одному и тому же окончательному результату. Это именно и произошло в XV веке. Народная реформа Яна Гуса на время была подавлена; восстание гуситов началось чрез три или четыре года после смерти учителя их; оно было продолжительно и упорно; но империя наконец восторжествовала над ним. Однако так как реформа, предпринятая соборами, не имела успеха, так как цель ее не была достигнута, то брожение народной реформы не прекратилось: она выжидала первого удобного случая и нашла его в начале XVI века. Если бы реформа, предпринятая соборами, привела к желанному результату, то это, может быть, предупредило бы народную реформу; но одна из них непременно должна была увенчаться успехом, потому что совпадение их свидетельствует о их необходимости.

Вот состояние религиозных верований, в котором XV век оставил Европу: аристократическая реформа, оставшаяся без последствий, и популярная реформа, предпринятая, подавленная, но постоянно готовая возобновиться. Брожение умов не ограничивалось, однако, сферою религиозных верований. В течение XIV века греческая и римская древность была, так сказать, восстановлена в Европе. Всем известно, с каким жаром Данте, Петрарка, Боккаччо и все современники их отыскивали греческие и латинские рукописи, обнаруживали, распространяли их, и какой говор, какой восторг возбуждало малейшее открытие в этом роде. Среди этого движения в Европе возникла школа, игравшая в развитии человеческого ума гораздо более важную роль, чем обыкновенно думают, — школа классическая. С этим словом не следует его современное значение; тогда дело шло совсем не о литературной системе или борьбе. Классическая школа того времени была воспламене-

на удивлением не только к сочинениям древних писателей, например Виргилия и Гомера, но и ко всему древнему обществу, к его учреждениям, мнениям, философии, точно так же, как и к его литературе. Нельзя не согласиться, что в политическом, философском и литературном отношениях древность стояла гораздо выше Европы XIV и XV столетий. Поэтому не удивительно, что она имела в то время такое сильное влияние, что большая часть возвышенных, деятельных, утонченных и разборчивых умов питали отвращение к грубым нравам, спутанным идеям, варварским формам своего времени и страстно предавались изучению другого, более правильного и более развитого общества, доходя до поклонения ему. Таким путем образовалась школа свободных мыслителей, появившаяся в начале XV века и соединявшая в себе прелатов, юристов и ученых.

Среди этого движения последовало взятие Константинополя турками, падение Восточной империи, наплыв бежавших отсюда греков в Италию. Они принесли с собою новое познание древности, многочисленные рукописи, тысячи новых средств к изучению древней цивилизации. Понятно, каким усиленным рвением воодушевилась классическая школа. Это было время самого блестящего процветания церкви, особенно итальянской, не в отношении к политическому могуществу, но в деле роскоши, богатства; она с гордостью предавалась всем удовольствиям изнеженной, утонченной, праздной, чувственной цивилизации, литературе, искусствам, общественным и материальным наслаждениям. Взгляните на образ жизни людей, имевших в это время важное политическое и литературное значение, например на кардинала Бембо: вы удивитесь этой смеси сибаритства и высокого умственного развития, изнеженных нравов и смелости мысли. Изучая эту эпоху, рассматривая ее идеи, ее общественные отношения, невольно переносишься во Францию половины XVIII века. Та же страсть к умственному движению, к новым идеям, к мирной,

приятной жизни; та же изнеженность и распущенность нравов, тот же недостаток политической энергии и нравственных убеждений, соединенных с необыкновенною откровенностью и деятельностью умов. Ученые XV века находятся в таких же отношениях к высшим духовным сановникам, как литераторы и философы XVIII века к вельможам того времени; у них одни и те же мнения, одни и те же нравы; они спокойно живут друг подле друга и не замечают готовящихся вокруг них переворотов. Прелаты XV века, начиная с кардинала Бембо, конечно, столь же мало предвидели появление Лютера и Кальвина, как придворные XVIII столетия — французскую революцию. А между тем эти эпохи во многом сходны между собою.

Итак, нравственный мир представляет в XV веке три главные факта: с одной стороны — попытка церковной реформы, предпринятая самою церковью; с другой — народная религиозная реформа, и наконец — умственный переворот, образующий школу свободных мыслителей. Эти преобразования совершаются посреди величайшей политической перемены, когда-либо до тех пор происходившей в Европе, — среди централизующего стремления всех народов и правительств.

Но это еще не все: XV век — время наибольшей внешней деятельности человека, время путешествий, предприятий, открытий, изобретений всякого рода. Это время экспедиций португальцев вдоль берегов Африки, время открытия Васко де Гамою пути в Восточную Индию, мимо мыса Доброй Надежды, время открытия Америки Христофором Колумбом, время чрезвычайного расширения европейской торговли. Появляется тысяча новых изобретений, другие, уже известные, но только тесному кругу, становятся популярными и общеупотребительными. Порох изменяет всю систему войны, компас — всю систему мореплавания. Живопись масляными красками развивается и покрывает Европу образцовыми произведениями искусства; гравирование на меди, изобретенное в 1460 году, размножает и распространяет их. Писчая бумага делается

обыкновенною. Наконец, между 1436 и 1452 годами изобретается книгопечатание — предмет столь многих восторгов и общих фраз, которые, однако, все недостаточны для выяснения его заслуг и последствий.

Вы видите, каким величием, какою деятельностью отличается это столетие: величием еще мало заметным, деятельностью, результаты которой еще не очевидны для человека. Бурные реформы, по-видимому, не удаются, правительства крепнут, народы усмиряются. Общество как будто готовится наслаждаться лучшим порядком, среди более быстрого прогресса. Но великие революции XVI века уже близки; их подготовил пятнадцатый век. Обзор их будет предметом следующей нашей лекции.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Затруднительность различать общие факты в новой истории. – Картина Европы в XVI столетии. – Опасность слишком поспешных общих выводов. – Различные причины, которыми объясняют реформацию. – Отличительный характер ее – восстание человеческого духа против абсолютной власти в умственном мире. – Доказательства этого факта. – Судьба реформации в разных европейских государствах. – Слабая сторона ее. – Иезуиты. – Сходство революций в религиозном и гражданском обществах.

Мы часто указывали на беспорядок, хаос европейского общества; мы жаловались на затруднения, сопряженные с изучением и описанием такого разбросанного, бессвязного, разединенного общества. Мы нетерпеливо приближались к эпохе общих интересов, порядка, общественного единства. Мы дошли до этого времени; мы вступаем в эпоху порядка и единства, в эпоху общих фактов и общих идей. Но здесь мы встречаем затруднение другого рода. Прежде мы с трудом могли найти связь между фактами, поставить их в зависимости друг от друга, различить общие черты их, образовать из них одно целое. В Новой Европе, напротив того, все состоит в взаимной связи; все элементы, все случайности общественной жизни видоизменяют друг друга действием и противодействием своим. Взаимные отношения людей многочисленнее и сложнее; то же самое должно заметить и об отношениях к их правительству, и об отношениях государств между собою, и об идеях и произведениях человеческого духа. В рассмотренные нами времена множество фактов являлись и исчезали отдельно, независимо друг от друга, без взаимного влияния. Теперь уже

нет более такой отдельности; все смешивается, соприкасается и, соприкасаясь, видоизменяется. Как трудно в таком разнообразии найти настоящее единство, определить направление такого обширного и сложного движения, представить в кратких чертах это необыкновенное множество различных и тесно связанных между собою фактов, обозначить, наконец, общий, господствующий факт, соединяющий в себе длинную цепь фактов, характеризующий эпоху, служащий верным выражением ее влияния, ее роли в истории цивилизации!

Мы тотчас же поймем всю важность этого затруднения.

В XII веке мы встретили событие религиозное, если не по свойству своему, то по происхождению, — я говорю, о крестовых походах. Несмотря на грандиозность и продолжительность этого события, несмотря на разнообразие сопряженных с ним фактов, мы без труда различили его общее значение и довольно точно определили его внутреннее единство и влияние. Теперь мы должны рассмотреть религиозную революцию XVI века, которую принято называть реформациею. Замечу мимоходом, что я буду употреблять слово *реформация* как простой и общепринятый термин, как синоним *религиозной революции*, не соединяя с ним собственного мнения. Очень трудно распознать истинный характер этого великого кризиса и определить общее значение и последствие его.

Его следует искать между началом XVI и серединою XVII века; в этом периоде заключается сущность переворота, его начало и окончание. Все исторические события имеют как бы определенную арену; последствия их бесконечны; они стоят в связи со всем прошедшим и со всем будущим, но тем не менее справедливо, что у них есть собственное, ограниченное существование, что они возникают, растут, наполняют известный промежуток времени, потом постепенно суживаются и, удаляясь с исторической сцены, уступают место какому-нибудь новому событию.

Нам не нужно знать с точностью времени, к которому относят происхождение реформации: началом ее можно признать

1520 год, когда Лютер публично сжег в Виттенберге осуждавшую его буллу Льва X и таким образом открыто отделился от римской церкви. Жизненный период реформации заключается, собственно говоря, между этой эпохой и серединой XVII века, т. е. 1648 годом, временем Вестфальского мира. Вот доказательство. Первым и главнейшим последствием религиозной революции было образование в Европе двух разрядов государств: государств католических и государств протестантских — и начало борьбы между ними. Эта борьба продолжалась с переменным успехом от начала XVI до середины XVII века. По Вестфальскому миру, в 1648 году, католические и протестантские государства наконец обоюдно признали друг друга, согласились взаимно на существование одни других и обещали жить в сообществе и мире, независимо от различия вероисповедания. Начиная с 1648 года, различие вероисповеданий перестало быть господствующим принципом классификации государств, их внешней политики, их отношений и союзов. До этого времени, несмотря на весьма существенные изменения, Европа разделялась на лигу католическую и лигу протестантскую. После Вестфальского мира такое разделение исчезает, государства соединяются и разъединяются по соображениям, не имеющим ничего общего с религиозными верованиями. Здесь именно и оканчивается преобладание, историческое значение реформации, хотя результаты ее и после того не переставали развиваться.

Теперь бросим беглый взгляд на это значение и выясним сущность его, ограничиваясь простым наименованием событий и действующих лиц. По одному этому указанию, по одной сухой и неполной номенклатуре, мы можем убедиться, как трудно представить в кратких чертах ряд столь разнообразных, сложных фактов, — как трудно привести их к одному общему факту, раскрыть истинный характер религиозной революции XVI века, определить ее роль в истории нашей цивилизации.

В самый момент своего проявления, реформация совпадает с великим политическим кризисом — с борьбою Франци-

ска I и Карла V, Франции и Испании, — борьбою, завязавшеюся сначала за обладание Италиею, потом продолжавшеюся за обладание Германией и, наконец, за преобладание в Европе. Это время возвышения Австрийского дома и господствующего влияния его на Европу. Вместе с тем Англия при Генрихе VIII принимает в континентальной политике более правильное, постоянное и обширное участие, чем прежде.

Проследим события XVI столетия во Франции. Его наполняют великие религиозные войны протестантов и католиков; они становятся средством, поводом новой попытки высшего дворянства захватить ускользающую из рук его власть и приобрести господство над королями. Таков политический смысл религиозных войн, лиги, борьбы Гизов с Валуа, окончившейся воцарением Генриха IV.

В Испании в царствование Филиппа II возгорается революция соединенных провинций. Там, под именами герцога Альбы и принца Оранского, вступает в борьбу с инквизициею гражданская и религиозная свобода. Свобода торжествует в Голландии, благодаря твердости и здравому смыслу ее жителей, и погибает в Испании, где господствует абсолютная власть как светская, так и духовная.

В Англии царствует Мария и возгорается борьба Елизаветы, представительницы протестантизма, с Филиппом II; вступает на престол Иаков Стюарт: начинаются великие раздоры королевской власти с английским народом.

В то же время на севере образуются новые государства. Швеция восстанавливается Густавом Вазою в 1523 году Пруссию создает секуляризация Тевтонского ордена. Северные государства получают в европейской политике место, которого до тех пор не занимали, и важность которого скоро должна обнаружиться в Тридцатилетней войне.

Перехожу опять к Франции. Царствование Людовика XIII; изменение внутренней французской администрации кардиналом Ришелье; сношение его с Германиею и поддержка, оказан-

ная протестантской партии, — вот, что мы видим там. В Германии в конце XVI века возгорается борьба с турками и в начале XVII — Тридцатилетняя война, величайшее событие в истории новейшей Центральной Европы; являются Густав Адольф, Валленштейн, Тилли, герцог Брауншвейгский, герцог Веймарский, славнейшие имена Германии.

В то же время во Франции воцаряется Людовик XVI, начинается Фрonda; в Англии начинается революция, низвергнувшая с престола Карла I.

Вы могли заметить, что я беру только самые крупные исторические события, которые всем известны по имени: вы видите, как они многочисленны, разнообразны и важны. Обращаясь к событиям другого рода, менее видимым, менее выражающимся в собственных именах — мы увидим, что и такими событиями эта эпоха чрезвычайно богата. Это время величайших перемен в политических учреждениях почти всех народов, время преобладания чистой монархии в большей части первоклассных государств, между тем как в Голландии образуется могущественнейшая в Европе республика, а в Англии окончательно или почти окончательно торжествует конституционная монархия. В церкви в это время древние монашеское ордена теряют почти всякое политическое значение и заменяются новым, резко отличающимся от них орденом, который ошибочно, может быть, считается более важным, чем все предшествовавшие ему, — орденом иезуитов. Вместе с тем Триентский собор уничтожает почти все, что могло уцелеть от влияния соборов Констанцкого и Базельского, и дает римскому престолу решительную победу в церковном мире.

Перейдем теперь от церкви к философии, к свободной деятельности человеческого духа. Здесь является два человека, Бэкон и Декарт, виновники величайшей философской революции, когда-либо совершившейся в новейшем мире, вожди двух школ, оспаривающих друг у друга владычество над этим миром. К тому же времени относится процветание итальян-

ской литературы, начало литератур французской и английской, наконец, основание важнейших колоний и деятельнейшее развитие меркантильной системы.

Итак, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали эту эпоху, мы найдем в ней более разнообразных и важных событий — политических, церковных, философских, литературных — нежели в каком бы то ни было из предшествовавших столетий. Деятельность человеческого духа обнаруживается во всем: в отношениях людей между собою, в отношениях их к власти, в взаимных отношениях государств, в чисто умственном труде; одним словом — это время великих людей и великих дел. Но величайшее событие этого времени — религиозная революция, которою мы теперь занимаемся, она — господствующий факт всей эпохи, факт, дающий ей имя, определяющий ее характер. Из всех замечательных явлений, игравших тогда такую важную роль, реформация самое многозначительное; соприкасаясь со всеми остальными, она изменяла их и в свою очередь была изменяема ими. Итак, задача наша состоит в правильной оценке и точном изображении факта, господствовавшего над всеми другими важнейшими событиями этого времени, — причины, которая была богаче всего последствиями в эту эпоху.

Чрезвычайно трудно привести столь разнообразные, обширные и тесно связанные между собою факты ко всеобщему историческому единству. Однако это необходимо; когда события совершились, когда они вошли в область истории, человек ищет в них преимущественно общих фактов, старается найти связь причин и действий. Это самая важная и, если можно так выразиться, бессмертная часть истории, к которой по необходимости должны обращаться все, чтобы уразуметь свое прошедшее и понять самих себя. Такое стремление к общим, разумным результатам представляет собою наиболее могущественную и достойную похвалы умственную потребность; но удовлетворение ее не следует искать в слишком по-

спешных общих выводах. Конечно, легко увлечься и с первого взгляда определить общий характер, существенные последствия эпохи или события. Дух человеческий, как и воля, постоянно жаждет деятельности, тяготится препятствиями, домогается свободы и спешит к окончательному результату; он легко забывает факты, которые стесняют и задерживают его; но, забывая, он не уничтожает их: они остаются, чтобы рано или поздно изобличить его заблуждение. Для человеческого духа есть только одно средство избежать этой опасности: сначала окончить, мужественно и терпеливо, изучение фактов, а потом уже извлечь из них общие, окончательные выводы. Факты для мысли то же самое, что правила нравственности для воли. Для мысли необходимо знать факты, признавать над собою их силу; только тогда, когда она исполнила эту обязанность, во всей ее полноте и обширности, — только тогда она может развернуть свои крылья и подняться на высоту, с которой обнимаются все события в общей их связи и со всеми их последствиями. Если же она поднимается слишком быстро, не ознакомившись предварительно со всею местностью, которую увидит в своем полете, то она подвергнется неисчислимым вероятностям заблуждения и неудачи. В арифметическом счете первая ошибка ведет за собою множество других, до бесконечности. Точно так же и в истории, если исследователь один раз упустил из виду известные факты, один раз позволил себе увлечься страстью к слишком поспешным общим выводам — трудно представить себе, до чего может довести его это первая ошибка.

Высказывая такие мысли, я некоторым образом предубеждаю вас против самого себя. В этом курсе я ограничивался и по необходимости должен был ограничиваться одними только попытками обобщения, общими выводами из фактов, которых мы вместе с вами не изучали в подробности. Теперь мы дошли до эпохи, в которую такое предприятие становится гораздо труднее, чем прежде, и легче может подать повод

к ошибкам; вот почему я счел долгом предостеречь вас против моего собственного труда. Затем, возвращаясь к реформации, я постараюсь сделать то же самое, что уже делал при рассмотрении других событий: я постараюсь распознать главнейший факт ее, определить ее общий характер, одним словом — указать место и роль этого великого события в истории европейской цивилизации.

Мы помним, в каком положении мы оставили Европу в конце XV века. Мы видели в продолжение его две замечательные попытки религиозной революции или реформы: одну — законную, посредством соборов, другую — революционную, со стороны богемских гусситов. Мы убедились, что хотя ни та, ни другая не имели успеха, но в то же время самое событие предупредить было невозможно; оно должно было осуществиться в той или другой форме; XVI век неизбежно должен был совершить то, на что XV только покушался. Я не буду рассматривать подробностей религиозной революции XVI века: я предполагаю их почти общеизвестными и обращаю внимание только на общее отношение самого факта к судьбе человечества.

Изыскивая причины этого великого события, противники реформации приписывали его несчастным случайностям, встретившимся на пути развития цивилизации, — тому, например, что продажа индульгенций была поручена доминиканцам, к общей зависти августинцев; Лютер был августинским монахом — и вот существенная причина реформации. Другие объяснили ее честолюбием светских государей, соперничеством их с духовенством, жадностью светской аристократии, желавшей завладеть церковными имуществами. Словом — религиозную революцию старались объяснить исключительно дурною стороною людей и человеческих дел — частными интересами и личными страстями.

С другой стороны, приверженцы, друзья реформации пытались объяснить ее исключительно потребностью преобразовать на самом деле злоупотребления, существовавшие в церк-

ви. Они представляли ее удовлетворением всеобщих жалоб на духовенство, предприятием, задуманным и исполненным с одной только целью: восстановить церковь в ее чистом, первобытном виде. Ни одно из этих объяснений не может быть, кажется, признано основательным. Второе справедливее первого, по крайней мере, оно более соответствует обширности и важности события; однако я и его не считаю вполне точным. По моему мнению, реформация не была ни случайным результатом какого-нибудь отдельного события или личного интереса, ни простым стремлением к религиозному усовершенствованию, ни утопическим порывом к гуманности и истине. Причина ее была гораздо важнее; и эта причина господствовала над всеми частными побуждениями. Реформация была порывом свободы человеческого духа, новой потребностью судить и мыслить независимо, собственными средствами и силами, о таких фактах и идеях, которые до того времени Европа получала или принуждена была получать из рук авторитета. Это — великая попытка освобождения человеческой мысли или — чтобы назвать дело его настоящим именем — восстание человеческого духа против абсолютной власти в духовном мире. Таков, по моему мнению, истинный смысл и общий характер реформации.

Рассматривая, с одной стороны, состояние человеческого духа в ту эпоху, с другой — состояние духовной власти, церкви, в которой сосредоточивалось управление человеческим духом, мы замечаем следующее. Со стороны человеческого духа мы видим небывалую до тех пор деятельность и жажду развития и власти. Эта новая деятельность была результатом различных причин, накопившихся в продолжение нескольких столетий. Бывали века, когда одна за другой порождались ереси, игравшие некоторую роль в истории; они падали, уступая свое место новым; в другие века подобное же развитие получали философские учения. В промежуток между XI и XVI веками накопилась значительная масса умственных произведений как

в религиозной, так и в философской сфере: наступила пора, когда это накопление должно было привести к какому-нибудь результату. Кроме того, все средства к образованию, созданные или покровительствуемые самою церковью, также принесли плоды свои. Из учрежденных в прежние столетия школ выходили люди с некоторыми познаниями; число таких людей увеличивалось изо дня в день; они захотели наконец мыслить сами собою, с полною независимостью, потому что чувствовали себя сильнее, чем когда-либо. Наконец, человеческий дух обновился возрождением древности; возник классицизм.

Все эти причины, вместе взятые, сообщали человеческой мысли в начале XVI века весьма энергичное движение, настоятельную потребность в прогрессе.

В совершенно другом положении находилось духовное правительство, духовная власть; она впала в состояние инерции, неподвижности. Политическое значение церкви, римского престола значительно уменьшилось; европейское общество уже перестало принадлежать церкви и подпало господству светских государей. Однако духовная власть сохраняла все свои притязания, весь свой блеск, все свое наружное значение. Она подверглась обыкновенной участи устаревших правительств: большая часть жалоб, направляемых против нее, перестали почти в то время быть основательными. Было бы несправедливо утверждать, что римский престол в XVI веке отличался особенною тираниею, что злоупотребления его, в собственном смысле слова, были многочисленнее, непростительнее, нежели прежде. Напротив, никогда, может быть, церковное правительство не было так сговорчиво, снисходительно, беспечно; оно было равнодушно ко всему, лишь бы только никто не оспаривал его законности и давнишних прав, из которых многие уже утратились, лишь бы только по-прежнему обеспечено было существование его и получались прежние доходы. Оно охотно оставило бы в покое человеческий ум, лишь бы только и ум в свою очередь оказал ему ту же услугу. Но когда

правительства ослабевают и делают меньше зла, тогда именно они и подвергаются нападениям, которые тут только становятся возможными, а прежде были неудобноисполнительными.

Это беглый очерк состояния человеческого духа и духовного правительства достаточно подтверждает справедливость сказанного нами о характере реформации; она была произведена порывом свободы, великим восстанием человеческого разума. Вот без сомнения, главная ее причина, господствующая над всеми прочими, над всеми отдельными интересами народов и государей, наконец, над потребностью в преобразованиях, в исправлении недостатков, на которые жаловались в то время.

Предположим, что по прошествии первых лет реформации, когда она объявила все свои притязания, ясно высказала все поводы недовольства существующим порядком, предположим, что духовная власть внезапно согласилась с нею и сказала: «Хорошо: я сделаю все нужные преобразования, я возвращусь к более законному, более религиозному порядку. Я уничтожу притеснения, произвол, налоги; даже в отношении к догматам, я допущу изменения, объяснения, обращусь к первоначальному их смыслу. Но, исправив таким образом все недостатки, я сохраню свое положение, останусь по-прежнему правительством человеческого духа, с тою же властью, с теми же правами». Удовольствовалась ли бы этим религиозная революция и остановилась ли бы она в своем развитии? Не думаю; я твердо убежден, что она продолжала бы свой путь и, потребовав сначала реформы, теперь потребовала бы свободы. Кризис XVI века был не только реформационным, но и существенно революционным. Нельзя отнять у него характера и сопряженных с ним достоинств и недостатков: реформация носила в себе все признаки революции.

Бросим взгляд на судьбу реформации: посмотрим, что она прежде всего сделала в различных странах, в которых развивалась. Развитие ее происходило при весьма различных усло-

виях и весьма неравных данных успеха. Если мы заметим, что несмотря на такое различие и неравенство, она повсюду стремилась к одной и той же цели, приводила к одному и тому же результату, сохраняла один и тот же характер, то мы убедимся, что этот характер, устоявший против всего различия положений, всего неравенства условий, есть основной характер события, что результат, всегда однородный, есть тот, к которому она преимущественно стремилась.

Везде, где только имела некоторый успех религиозная революция XVI века, она если не вполне освободила человеческий дух, то, по крайней мере, доставила ему новую, значительную долю свободы. Правда, она оставила мысль в зависимости от случайностей большей или меньшей свободы политических учреждений; но она уничтожила или обезоружила духовную власть, систематическое и насильственное управление человеческою мыслью. Таков был результат реформации при самых разнообразных внешних условиях. В Германии вовсе или почти вовсе не было политической свободы; она не была введена туда и реформациею, которая скорее усилила, чем уменьшила власть государей, скорее противодействовала свободным средневековым учреждениям и благоприятствовала их развитию. Однако она возбудила и поддержала в Германии свободу мысли, большую, может быть, чем в какой бы то ни было другой стране. В Дании абсолютная власть господствовала как в муниципальных, так и в общих государственных учреждениях; но и там, под влиянием реформации, мысль сбросила с себя оковы и свободно устремилась по всем направлениям. В республиканской Голландии, в конституционно-монархической Англии одинаково совершилась эмансипация человеческого духа, несмотря на долговременную и суровую религиозную тиранию. Наконец, даже во Франции, при условиях, по-видимому, наименее благоприятствовавших влиянию религиозной революции, она, хотя и побежденная, тем не менее сделалась основой умственной независимости

и свободы. До 1685 года, т. е. до отмены Нантского эдикта, реформация имела во Франции законное существование. В течение этого продолжительного периода протестанты писали, спорили в защиту своих мнений и вызывали к тому же своих противников. Один этот факт, одна эта война между старыми и новыми мнениями, в которой оружием служили памфлеты и конференции, распространила во Франции свободу, гораздо более существенную и действительную, нежели обыкновенно думают, — свободу, послужившую на пользу учености нравственности, послужившую к чести французского духовенства, точно так же, как и к пользе человеческой мысли. Бросьте взгляд на конференции Боссюэ и Клода, на всю религиозную полемику того времени и подумайте, допустил ли бы Людовик XIV такую свободу в обсуждении какого бы то ни было другого предмета. Всего более свободы во Франции XVII века проявлялось именно в борьбе реформации с противоположной партией. Религиозная мысль в это время была гораздо смелее, приступала к спорным вопросам с большею откровенностью, нежели политическая мысль самого Фенелона в «Телемаке». Отмена Нантского эдикта положила конец такому порядку вещей. Но между 1685 годом и великим порывом человеческого духа в XVIII веке не прошло и сорока лет; едва только перестала действовать на пользу умственной свободы религиозная революция, как началось уже действие революции философской.

Итак, везде, где только действовала реформация, где она играла важную роль, чем бы эта роль ни окончилась — победою или поражением, — везде общим, господствующим, постоянным результатом ее был прогресс в деятельности и свободе мысли, в эмансипации человеческого духа.

Реформация не только имела этот результат, но и удовлетворялась им: достигнув его, она не стремилась ни к чему другому, потому что в этом заключалась сущность события, его первоначальный и основной характер. Таким образом, в Гер-

мании она не только не домогалась политической свободы, но покорно переносила, если не политическое рабство, то по крайней мере отсутствие свободы. В Англии она допустила иерархическое устройство духовенства и существование церкви столь же несовершенной, как римская, но менее независимой. Почему же реформация, в известных случаях столь страстная и непреклонная, показала себя здесь такую сговорчивую и гибкую? Потому что она достигла главного результата, к которому стремилась, — уничтожения духовной власти, освобождения человеческого духа. Повторяю: там, где реформация достигла этой цели, она без труда применилась ко всякому положению, ко всякому порядку вещей.

Обратимся теперь к другой стороне вопроса; посмотрим, что произошло в тех странах, куда не проникла религиозная революция, где она рано была подавлена и не могла иметь никакого развития. История показывает, что в этих странах не был освобожден человеческий дух; подтверждением тому служат две великие страны — Италия и Испания. Там, где реформация играла важную роль, человеческий дух в последние три века воспринял небывалую прежде деятельность и свободу; а в тех странах Европы, куда не проникла религиозная революция, он впал в состояние бездействия и застоя. Итак, обе стороны вопроса, рассмотренные одновременно, привели нас к одному и тому же результату.

Порыв мысли, уничтожение абсолютной власти в духовном мире — вот существенный характер реформации, общий результат ее влияния. В истории реформации эмансипация человеческого духа представляется скорее фактом, чем принципом, скорее результатом, чем причиной. Я думаю, что в этом отношении реформация сделала больше, нежели предполагала, даже, может быть, больше, нежели желала сделать. В противоположность многим другим революциям, в которых далеко не была достигнута желанная цель, и события значительно уступали мысли, — последствия реформации превзошли ее

собственные надежды; как событие, она выше, нежели система; она не сознавала вполне своих действий и, если бы сознавала, то затруднилась бы признать их.

Какими упреками постоянно осыпают реформацию ее противники? Какие результаты ее бросают ей, если можно так выразиться, в глаза, чтобы принудить ее к молчанию?

Таких результатов два: 1) умножение сект, чрезмерная вольность умов, уничтожение всякого духовного авторитета, разъединение религиозного общества, взято в полном его составе; 2) тирания, гонение. «Вы побуждаете к вольности, — говорили реформаторам, — производите ее, а когда она началась, вы хотите сдерживать, подавить ее. И как же вы ее подавляете? Самыми суровыми, насильственными мерами. Вы точно так же преследуете ересь, но во имя незаконного авторитета».

Пересмотрите все главнейшие нападения, направленные против реформации, соедините их в одно целое, устраняя чисто догматические вопросы: вы увидите, что все они могут быть приведены к этим двум основным упрекам.

Они ставили протестантскую партию в весьма неловкое положение. Когда ее упрекали за множество сект, то вместо того чтобы признать их и защищать законность их свободного развития, она проклинала их, приходила в отчаяние и как бы извинялась в их существовании. Когда ее упрекали за гонение, она оправдывалась с некоторым смущением и ссылалась на требования необходимости; она приписывала себе полное право подавлять и карать заблуждения, потому что истина в ее руках, потому что одни только ее верования и учреждения законны; если она не признавала за римскою церковью права наказывать протестантов, то потому только, что не на стороне этой церкви была истина и справедливость.

Когда господствующую в реформации партию упрекали в нетерпимости не враги, а собственные чада ее, когда гонимые и проклинаемые ею секты говорили ей: «Мы делаем то же самое, что и вы делали; мы отделяемся, как и вы отделились», —

она еще больше затруднялась в ответе и очень часто отвечала одним только удвоением строгости.

В самом деле, стремясь к уничтожению абсолютной власти в духовном мире, религиозная революция XVI века не знала истинных принципов умственной свободы; она освобождала человеческий дух и все еще требовала от него повиновения своим законам; на деле она доставляла торжество праву свободного исследования, а в теории хотела только заменить законную властью власть незаконную. Она не возвышалась до первоначальной причины, не нисходила до окончательных последствий своего дела. Таким образом она впала в двойную ошибку; с одной стороны, она не понимала и не уважала право человеческой мысли, нарушала их в то самое время, когда требовала их для самой себя; с другой — не сумела определить права авторитета в духовном мире. Я говорю не об авторитете принудительном, у которого в этом мире нет и не должно быть никаких прав; но об авторитете чисто нравственном, действующем только на умы, исключительно путем влияния. В большей части протестантских государств замечен какой-то недостаток в организации умственного общества, в действии общепринятых, освященных временем мнений. Они не сумели согласить права и потребности предания с правами и потребностями свободы, а причина этого явления без сомнения заключается в том обстоятельстве, что реформация не поняла и не усвоила себе вполне ни своих принципов, ни их последствий. Отсюда и та непоследовательность, узость взглядов, которую так часто и удачно пользовались в своих нападениях противники реформации. В противоположность реформации, враги ее очень хорошо сознавали сущность и цель своих поступков; они восходили к самому источнику своего образа действий и открыто признавали все его последствия. Невозможно указать правительство более последовательное, более систематическое, нежели римская церковь. На практике римский престол часто вступал в соглашения и делал уступки го-

раздо чаще, чем реформация; но в теории он гораздо тверже держался своей системы и гораздо тщательнее сообразовал с нею свои действия. В этом полном сознании того, что делаешь, чего хочешь, в этом безусловном и разумном принятии известного учения или намерения заключается великая сила. Лучшим доказательством тому служит ход религиозной революции XVI века. Известно, что главною силою, созданною для борьбы с реформациею, был орден иезуитов. Бросим взгляд на историю иезуитов; они повсюду терпели неудачи; везде, где только они имели обширный круг действий, они приносили несчастье тому делу, на сторону которого становились. В Англии они погубили королей, в Испании — целые народы. Общий ход событий, развитие новейшей цивилизации, свобода человеческого духа, все эти силы, бороться с которыми было назначение иезуитов, восстали против них и победили их. И не только иезуиты терпели неудачи, но вспомните, к каким средствам они принуждены были прибегать. Они не достигали ни славы, ни величия; они не совершали блистательных событий, не приводили в движение могущественных масс людей; они шли подземными, темными, низкими путями, ничем не сумели поразить воображение, не сумели расположить в свою пользу общественное мнение, которое невольно сочувствует всем великим делам, без различия их принципа и цели. Противная сторона, наоборот, не только победила, но победила со славою, совершила великие дела великими средствами: она привела в движение народы, породила в Европе великих людей, изменила открыто при дневном, если можно так выразиться, свете судьбу и форму государств. Одним словом, все было против иезуитов — и внутренняя, и внешняя неудача; их деятельностью не удовлетворится ни здравый смысл, требующий успеха, ни воображение, нуждающееся в блеске. А между тем судьба их, конечно, не лишена величия; с их именем, влиянием, историею соединена великая идея. Отчего? Оттого, что они отдавали себе отчет в своих действиях и намере-

ниях, сознавали с полной ясностью принципы, которыми руководствовались, цель, к которой стремились; оттого, что они обладали величием мысли, величием воли, которое и спасло их от осмеяния, возбуждаемого постоянными неудачами и презренными способами действий. Напротив того, там, где исполнение уступает мысли, где, по-видимому, не признаны глубочайшие принципы и окончательные последствия дела, там всегда остается нечто неполное, непоследовательное, низменное, унижающее в умственном отношении самих победителей и отражающееся иногда в самом ходе событий. Вот, по моему мнению, слабая сторона реформации в борьбе нового порядка вещей против прежнего духовного мира; вот что нередко затрудняло реформацию и препятствовало ее защищаться так, как бы следовало ей защищаться по праву.

Я мог бы рассмотреть религиозную революцию XVI века с нескольких других точек зрения. Я ничего не сказал и не мог сказать о чисто догматической стороне ее, о том, что она совершила собственно в религии, в отношениях души человеческой к Богу и к будущей, вечной жизни; я мог бы показать ее в разнообразии ее отношений к общественному быту, куда она внесла результаты неизмеримой важности. Например, она возвратила религию в среду мирян, в общество верных; до того времени религия была, можно сказать, исключительным достоянием духовенства, церковного сословия; оно раздавало плоды ее, но в сущности одно располагало ею и почти одно пользовалось правом говорить о ней. Реформация ввела религиозные верования в общий оборот идей; она открыла мирянам поприще веры, прежде недоступное для них. В то же время она имела и другой результат: она вовсе или почти вовсе изгнала религию из политики, восстановила независимость светской власти. Сделавшись, если можно так выразиться, достоянием мирян, религия вместе с тем перестала входить в состав общественного правительства. В протестантских странах, несмотря на все различие церковного

устройства, — даже в самой Англии, где это устройство наиболее приближается к прежнему порядку вещей, духовная власть уже не имеет серьезных притязаний на управление светскою властью.

Я мог бы исчислить многие другие последствия реформации; но пора остановиться, и я довольствуюсь тем, что успел представить вам отличительный характер ее — эмансипацию человеческого духа и уничтожение абсолютной власти в духовном мире, уничтожение, без сомнения, неполное, но тем не менее являющееся важнейшим шагом вперед, совершенным до нашего времени на этом пути.

В заключение прошу заметить, какое поразительное сходство представляется в новой истории между обществами религиозным и гражданским, в отношении к переворотам, которым они оба подверглись.

Христианское общество (мы видели это, когда я говорил о церкви) сначала было обществом совершенно свободным, образованным исключительно во имя общего верования, без постоянных учреждений, без правительства в собственном смысле этого слова; оно управлялось одною только нравственною властью, изменявшеюся смотря по потребностям времени. Подобно тому началось в Европе и гражданское общество; оно было основано, по крайней мере отчасти, отдельными союзами варваров и отличалось полною свободою; члены его оставались в нем исключительно по доброй воле и не знали ни законов, ни благоустроенных властей. По выходе из такого положения, несовместимого с широким общественным развитием, религиозное общество подчинилось правительству по преимуществу аристократическому; управление сосредоточилось в руках духовного сословия — епископов, соборов, церковной аристократии. Такое же явление видим мы и в гражданском обществе, по выходе его из варварства; и в нем получает преобладание аристократия, светский феодализм. Далее, религиозное общество оставляет аристократическую форму

и принимает форму чистой монархии: это время победы римского престола над соборами и европейскую церковную аристократию. Тот же переворот совершается и в гражданском обществе; и в нем преобладание и господство над европейским миром приобретает королевская власть на развалинах светской аристократии. В XVI веке в недрах религиозного общества обнаруживается восстание против системы чистой монархии, против абсолютной власти в духовном мире. Этот переворот ведет за собою, утверждает, освящает в Европе право свободного исследования. Подобное событие видели мы в нашу эпоху и в гражданском мире: для гражданской абсолютной власти также настало время борьбы и поражения. Итак, оба общества подвергались тем же изменениям, тем же переворотам, но религиозное общество всегда предшествовало гражданскому на этом пути.

Теперь мы ознакомились с одним из великих фактов новейшего общества: с свободой исследования, свободой человеческого духа. В то же время мы видим повсеместное преобладание политической централизации. В следующей лекции я рассмотрю английскую революцию, т. е. то событие, которое представляет собою первое столкновение свободного анализа и абсолютной монархии, одинаково обязанных своим происхождением развитию европейской цивилизации.

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Общий характер английской революции. – Главные причины ее. – Направление ее более политическое, нежели религиозное. – Три главные партии, последовательно меняющие друг друга: 1) партия законной реформы, 2) партия политической революции, 3) партия социальной революции. – Ни одна из них не имеет успеха. – Кромвель. – Реставрация Стюартов. – Легальное министерство. – Министерство Кабалы. – Национальное министерство. – О революции 1688 года в Англии и в Европе.

Мы видели, что в продолжение XVI века все элементы прежнего европейского общества привели к двум весьма важным фактам: к свободному исследованию и к централизации власти. Один из них получил преобладание в религиозном обществе, другой – в гражданском. В Европе в одно и то же время торжествовали и эмансипация человеческого духа, и абсолютная монархия.

Рано или поздно непременно должна была разгореться борьба между этими двумя, столь противоположными друг другу фактами. Один из них был поражением абсолютной власти в духовном мире, другой – торжеством ее в мире гражданском, один склонял к упадку древнюю церковную монархию, другой довершал уничтожение древних феодальных и общинных вольностей. Их одновременность, как вы уже видели, произошла от того, что перевороты в религиозном обществе совершались скорее, нежели в гражданском; первое уже дошло до освобождения мысли, тогда как другое находилось уже на степени сосредоточения всех властей в одной общей власти. Итак, совпадение обоих фактов происходило вовсе

не от однородности их и нимало не уменьшало их противоположности. Каждый из них был шагом вперед в цивилизации, но шаги эти были совершены под влиянием различных условий и, близкие по времени, далеко отстояли друг от друга по внутреннему значению своему. Соглашение их между собою не могло обойтись без предварительного столкновения и борьбы.

Первое враждебное соприкосновение их произошло в Англии. Стремление свободного исследования, порожденного реформациею, к восстановлению политической свободы, павшей под ударами чистой монархии, попытка уничтожить абсолютную власть в гражданском, как и в духовном мире, таков смысл английской революции, такова роль ее в развитии цивилизации.

Отчего это стремление проявилось именно в Англии? Отчего в этой стране перевороты политического мира более, нежели на материке, совпадали с переворотами мира нравственного?

Королевская власть в Англии подверглась тем же изменениям, как и на континенте: в правление Тюдоров она достигла небывалой прежде степени сосредоточенности и энергии. Из этого еще не следует, чтобы деспотизм Тюдоров на самом деле отличался большим произволом и стоил Англии дороже, чем деспотизм их предшественников. При Плантагенетах, по моему мнению, совершаемо было столько же тиранических действий, притеснений, несправедливостей, как и при Тюдорах, — может быть даже и больше. И на континенте образ правления абсолютной монархии в это время, по всей вероятности, был суровее и произвольнее, нежели в Англии. Новое явление, являющееся в Тюдорах, заключается в том, что абсолютная власть возводится в степень системы; короли предъявляют притязания на самостоятельную, независимую, верховную власть; они говорят языком, которого до тех пор не употребляли. Притязания Генриха VIII, Елизаветы, Иако-

ва I, Карла I резко отличаются от притязаний Эдуарда I и Эдуарда III, хотя власть двух последних королей на практике была не менее произвольна и обширна. Повторяю, в XVI веке изменяется скорее рациональная система, нежели действительное могущество английской королевской власти; короли открыто домогаются неограниченных прав и ставят себя выше всех законов, даже тех, на которые сами соглашаются не посягать.

С другой стороны, религиозный переворот совершился в Англии совсем не так, как на материке Европы; он был, по крайней мере отчасти, делом самих английских королей. Правда, и в Англии издавна уже совершались попытки народной реформы, которая не замедлила бы, без сомнения, обнаружиться с полной силой. Но Генрих VIII предупредил ее; революция была предпринята самою королевскою властью. Вследствие этого, английская реформация, как уничтожение церковных злоупотреблений и тирании, как освобождение человеческого духа, сначала была далеко не так радикальна, как реформация континентальная. Она, как и следовало ожидать, совершилась в пользу инициаторов ее. Король и сохранные им епископы разделили между собою богатства и власть, оставшиеся после предшественника их, папы. Такой образ действий не остался без последствий. Реформа, как утверждали, совершилась, но большая часть побуждений, заставлявших желать ее, по-прежнему существовали. Она проявилась снова, в народном духе; она потребовала от епископов того, чего прежде домогалась от римского престола; она обвиняла их за то, что власть каждого из них равнялась папской власти. Каждый раз, когда общая судьба религиозной революции была в опасности, каждый раз, когда дело шло о борьбе с прежнею церковью, все протестантские партии соединялись между собою и вместе сопротивлялись общему врагу. Но с окончанием опасности возобновлялась внутренняя борьба; народная реформа снова вступала в борьбу с реформою королевскою и аристократическою, раскрывала ее злоупотребле-

ния, жаловалась на ее тиранию, требовала исполнения ее обещаний и восставала против желания ее подражать низвергнутой ею же самой власти.

В то же время в гражданском обществе Англии обнаружилось стремление к освобождению, потребность в политической свободе, до тех пор совершенно неизвестная или по крайней мере бессильная. В течение XVI века коммерческое благосостояние Англии возрастало с необыкновенною быстротою, а поземельная недвижимая собственность переходила по большей части от одних владельцев к другим. Возрастающее раздробление английских земель в XVI веке — факт не достаточно еще исследованный, оно зависело от разорения феодальной аристократии и от многих других причин, исчислять которые было бы теперь слишком долго. Все документы показывают нам чрезвычайное увеличение числа поземельных собственников и переход большей части земель в руки джентри, т. е. низшего дворянства и буржуазии. Высшее дворянство, заседавшее в палате лордов, в начале XVII века было далеко не так богато, как члены палаты общин. Итак, одновременно с усиленным развитием промышленного богатства, совершалась важная перемена в богатстве поземельном. Вслед за этими двумя фактами, появился и третий — новое движение умов. Царствование Елизаветы составляет, может быть, эпоху наибольшей литературной и философской деятельности в Англии, эпоху плодотворных и смелых мыслей. Пуритане не колеблясь исчерпывали до последних результатов свое узкое, но могучее учение. Другие, менее нравственные, но более свободные, чуждые всякому принципу, всякой системе, с жаром воспринимали все идеи, обещавшие какое-нибудь удовлетворение их любопытству, какую-нибудь пищу их умственным потребностям. Там, где умственное движение составляет живое наслаждение, свобода скоро делается потребностью и также скоро из общественного мнения переходит в государство.

На материке, в некоторых странах, куда проникла реформация, точно так же появилась склонность того же рода, известная потребность к политической свободе; но этой новой потребности не доставало данных для преуспевания; она ни в чем не находила поддержки, не находила точки опоры ни в учреждениях, ни в нравах; она оставалась смутной, неуверенной в самой себе, и напрасно искала средств к достижению своей цели. В Англии положение дел было совершенно другое; там дух политической свободы, вновь проявившийся в XVI веке под влиянием реформации, нашел готовую точку опоры и средства к действию в прежних учреждениях, во всем общественном строе страны.

Всем известно первоначальное происхождение свободных учреждений в Англии; всем известно, каким образом в 1215 году союз высших баронов исторгнул у короля Иоанна великую хартию (Magna Charta). Менее известно то, что хартия эта от времени до времени была подтверждаема большинством королей. Между XIII и XVI веками насчитывается более тридцати таких подтверждений. Кроме того, к ней прибавлялись новые статуты, которыми она поддерживалась и развивалась. Поэтому она жила, так сказать, без перерывов и без промежутков. В то же время образовалась палата общин и заняла место в верховных учреждениях государства. Собственно говоря, она укоренилась в Англии еще при Плантагенетах, хотя и не играла при них особенно важной роли; управление государством еще не принадлежало ей, не находилось даже под ее влиянием; она принимала в нем участие только по приглашению короля и то нерешительно, неохотно, опасаясь запутаться и навлечь на себя нареkanie, почти не желая увеличить свою власть. Но когда дело шло о защите частных прав, достояния или домашнего спокойствия граждан — одним словом, личной свободы, — тогда палата общин с величайшею энергиею и настойчивостью исполнила свой долг и полагала начало тем принципам, которые легли в основание английской конституции.

После Плантагенетов, и в особенности при Тюдорах, палата общин, или лучше сказать весь парламент, представляется в совершенно ином виде. Он уже не так успешно, как при Плантагенетах, защищает личную свободу граждан. Произвольные аресты, нарушения частных прав встречаются гораздо чаще и чаще оставляются без протеста. Зато в общем управлении страны парламент занимает гораздо более видное место. Чтобы изменить государственную религию, чтобы установить порядок наследования, Генрих VIII нуждался в орудии, в общественной опоре; таким орудием послужил для него парламент, и в особенности палата общин, при Плантагенетах она была центром сопротивления, гарантией частных прав; при Тюдорах она сделалась средством управления общей политики. Вот причина, по которой так усилилось значение палаты общин, несмотря на все виды тирании, которым она подчинялась, которым она даже служила. К концу XVI столетия положены уже были основания настоящей ее власти, — той власти, на которой, собственно говоря, и основывается представительное правительство.

Итак, свободные учреждения Англии в конце XVI века представляются в следующем виде: 1) издревле существующие правила, принципы свободы, которых никогда не теряли из виду ни население, ни законодательство, 2) примеры, воспоминания свободы, смешанные, правда, с примерами и воспоминаниями противоположными, но достаточные для того, чтобы узаконить и поддержать народные требования, чтобы служить опорой для защитников свободы в борьбе с произволом и тираниею, 3) местные, частные учреждения, богатые зародышами свободы: суд присяжных, право соединяться, носить оружие, независимость муниципальной администрации и суда, 4) наконец, парламент и его сила, в которой больше, нежели когда-либо, нуждалась королевская власть, расточившая большую часть своих независимых доходов, домен и феодальных прав, и принужденная обращаться для собственного содержания своего к содействию страны.

Из этого видно, что политическое состояние Англии в XVI веке значительно отличалось от состояния материка. Несмотря на тиранию Тюдоров, несмотря на систематическое торжество абсолютной монархии, Англия не лишилась твердой точки опоры, надежного способа действий для вновь появившегося в ней духа свободы.

В Англии в эту эпоху совершилось, следовательно, одновременное развитие двух национальных потребностей: с одной стороны, в недрах начавшейся реформации проявлялась потребность религиозного переворота, религиозной свободы; с другой стороны, успехи абсолютной монархии возбуждали потребность в политической свободе; и потребности эти в дальнейшем развитии своем могли ссылаться на то, что было уже сделано ранее в этом направлении. Они вступили между собою в тесный союз. Партия, стремившаяся к религиозной реформе, увидела в политической свободе средство защиты своей веры и совести против короля и епископов. Друзья политической свободы в свою очередь стали искать поддержки в народной реформе. Обе партии соединились для борьбы с абсолютною властью как в светском, так и в духовном мире, — властью, вполне сосредоточенною в руках короля. Таково происхождение, таков смысл английской революции.

Итак, она преимущественно имела в виду защиту или завоевание свободы. Для религиозной партии свобода была средством, для политической — целью; но для обеих все дело шло только о ней, и по необходимости они соединили свои силы, чтобы достигнуть ее. Между партиями епископальной и пуританскую не было религиозной распри в строгом смысле слова; борьба завязалась не из-за догматов, не из-за предметов, относившихся к самой вере. Конечно, мнения их различались между собою по многим весьма существенным пунктам; но не в этом заключался главный повод спора. Политическая свобода — вот что пуританская партия хотела исторгнуть у партии епископальной, вот что было причиною и предме-

том борьбы. Существовала и другая религиозная партия, желавшая положить основание особой системы, доставить преобладание своим догматам и обрядам, своему особому церковному устройству: это была партия пресвитерианская; но несмотря на все усилия, она не могла собственными средствами достигнуть исполнения своих желаний. Поставленная в оборонительное положение, теснимая епископами, она ничего не могла сделать без действия политических реформаторов, ее естественных вождей и союзников; господствующим интересом ее также была свобода. Итак, свобода — вот общая мысль, общая цель всех партий, участвовавших в движении, как бы велико ни было их взаимное различие. Поэтому английская революция, рассматриваемая с общей точки зрения, представляется событием по преимуществу политическим; она совершилась среди религиозного народа в религиозном веке, действовала с помощью религиозных идей и страстей; но первоначальное побуждение и окончательная цель ее одинаково запечатлены политическим характером; везде преобладает стремление к свободе, к уничтожению всякой абсолютной власти.

Рассмотрим теперь различные фазисы этой революции, изучим те великие партии, которые одна за другою участвовали в ней; затем укажем связь ее с общим ходом событий в Европе и определим ее место и значение в европейской цивилизации. Подробное рассмотрение фактов, точно так же как и беглый обзор их покажет вам, что английская революция была первым столкновением свободного исследования с абсолютною монархией, первым взрывом борьбы между этими двумя великими силами.

В замечательном кризисе, занимающем нас, проявляются три главные партии, которые заключают в себе как бы три революции, последовательно выступавшие на сцену исторического мира. В каждой партии, в каждой революции соединяются и действуют за одно две партии — политическая и религи-

озная; первая стоит во главе движения, вторая следует за нею, но обе необходимы друг для друга, так что двойственный характер события отражается на всех фазисах его.

Первою по времени партией, под знаменем которой сначала шли все остальные, была партия законной реформы. При начале английской революции, когда в 1640 году созван был долгий парламент, все говорили и многие думали, что достаточно только одной законной реформы, что в старинных законах и обычаях страны существуют средства для искоренения всех злоупотреблений, для установления правительственной системы, вполне сообразно с требованиями народа. Эта партия громко порицала и чистосердечно желала предупредить противозаконные поборы, произвольное взятие граждан под стражу, одним словом, все действия, несогласные с действующими законами страны. В идеях этой партии скрывалось верование в верховную державность короля, т. е. в абсолютную власть его. Тайное, инстинктивное чувство, конечно, говорило ей, что в этом начале есть нечто ложное и опасное, поэтому она и старалась никогда не упоминать о нем; но доведенная до крайности и вынужденная к решительному объяснению, она допускала в королевском сане власть, стоящую выше всякого человеческого происхождения, всякого контроля и, в случае необходимости, защищала эту власть. Она думала вместе с тем, что власть, абсолютная по своему принципу, должна действовать по известным правилам, в известных формах и пределах и что эти правила, формы, пределы достаточно определены и обеспечены великою хартией, подтвердительными к ней статутами и вообще древним законодательством. Таковы были ее политические верования. В религиозном отношении партия законной реформы была того мнения, что епископы слишком расширили круг своих действий и присвоили себе слишком большое политическое значение, что юрисдикция их слишком обширна, что необходимо ограничить ее и наблюдать за ее отправлением. Однако она

твёрдо держалась епископского сана, не только как церковного учреждения, церковной, правительственной системы, но и как необходимой опоры для королевской прерогативы, как средства защищать и поддерживать преобладающее влияние короля в делах религиозных. В политическом мире – верховная власть короля, действующая с соблюдением законных форм и в законных пределах; в религиозном мире – преобладание власти короля, применяемой и поддерживаемой епископами, – такова была двойственная система партии законной реформы, главнейшими вождями которой были Кларендон, Кольпеппер, лорд Кэпель, даже лорд Фольклэнд, самый горячий приверженец общественной свободы. В рядах этой партии находились почти все члены высшего дворянства чуждые рабской преданности двору.

За нею следовала другая партия, которую мы назовем партией политической. Она находила, что древние гарантии, законные ограничения недостаточны, что необходимо произвести существенную перемену, революцию не в формах, а в самой организации правительственной власти; что король и его совет должны лишиться всякой независимости и передать свое политическое преобладание палате общин; что правительство, в собственном смысле этого слова, должно принадлежать этому собранию и вождям его. Она сознавала свои идеи и цели не в таком ясном, систематическом виде, в каком мы теперь представляем их; но такова была сущность ее учения, ее политических стремлений. Вместо абсолютного самодержавия короля, вместо чистой монархии она верила в верховную власть палаты общин как представительницы страны. Под этим понятием скрывалась идея народной державности – идея, значение которой было далеко не вполне понятно для партии, столь же мало понимавшей и все последствия ее; верховная власть палаты общин – вот форма, в которую была облечена эта идея.

С партией политической революции стояла в тесной связи религиозная партия пресвитериан. Пресвитериане жела-

ли произвести в церкви такую же революцию, какую союзники их замыслили в государстве. Они желали, чтобы церковь управлялась собраниями, чтобы религиозная власть принадлежала целой иерархии собраний, соединенных между собою, подобно тому как их союзники хотели предоставить политическую власть палате общин. Но пресвитерианская революция отличалась большею смелостью и ясностью требований, потому что она домогалась изменения как форм, так и сущности церковного правительства, тогда как политическая партия стремилась только к перемещению центра тяжести и преобладания и не замыслила при этом никакого переворота в форме учреждений.

Вот почему не все вожди политической партии были расположены в пользу пресвитерианской организации церкви. Многие из них, например Гэмиден и Голлис, предпочитали епископов с умеренною властью, ограниченною чисто церковными обязанностями, и не препятствующую развитию свободы совести. Однако они вскоре отказались от осуществления этой мысли, потому что не могли обойтись без своих фанатических союзников.

Третья партия требовала гораздо большего: она утверждала, что необходимо одновременно изменить и сущность, и форму правительства; что вся политическая конституция неправильна и вредна. Эта партия отделялась от прошедшего Англии, отрекалась от народных учреждений и воспоминаний, чтобы положить основание новому правительственному строю, согласно с отвлеченною теориею, по крайней мере в том виде, в каком она представлялась реформаторам. Они замыслили не простой правительственный переворот, но социальную революцию. Вторая из указанных нами партий, т. е. партия политической революции, хотела ввести существенные изменения в отношении парламента к престолу; она хотела расширить власть обеих палат, в особенности палат общин, предоставить им право избрания в высшие общественные должности и выс-

шее руководство государственными делами; но этим и ограничивались предложенные ею нововведения. Она нисколько не заботилась об изменении избирательной, судебной, административной и муниципальной систем, действовавших в государстве. Республиканская же партия замышляла все эти изменения, провозглашала их необходимость, одним словом — хотела преобразовать не только государственные учреждения, но и гражданские отношения, распределение частных прав.

Подобно предыдущей, эта партия также слагалась из оттенков религиозного и политического. К политическому оттенку принадлежали республиканцы в собственном смысле слова, теоретики Людло, Гаррингтон, Мильтон и другие. Рядом с ними стояли республиканцы по обстоятельствам и личным выгодам, главные начальники армии — Айртон, Кромвель, Ламберт, более или менее чистосердечные в первых своих порывах, но потом подчинившиеся личным видам и условиям своего положения. Вокруг них собиралась религиозная республиканская партия, все фанатические секты, которые признавали одну только законную власть — власть Иисуса Христа, и в ожидании Его пришествия желали правительства Его избранных. Наконец, вслед за этою партией шло довольно значительное число второстепенных вольнодумцев и мечтателей, из которых одни надеялись достигнуть вольности, другие — имущественного равенства и всеобщей подачи голосов.

К 1653 году после двадцатилетней борьбы, все эти партии одна за другою окончили свою роль и окончили ее безуспешно; таково было по крайней мере всеобщее убеждение, с которым должны были бы согласиться и сами члены партий. Партия законной реформы, скоро оставшаяся позади всех, сделалась свидетельницею того, как древняя конституция, древние законы пришли в полный упадок, как победа повсюду осталась за нововведениями. Партия политической революции увидела падение парламентарных форм в новой сфере деятельности, в которую она хотела ввести их; она увидела, как после двена-

дцатилетнего господства палата общин, за последовательным изгнанием роялистов и пресвитериан, сильно уменьшилась в своем составе, навлекла на себя презрение и ненависть общества и сделалась неспособною к управлению страной. Республиканская партия, по-видимому, имела более успеха; за нею осталось и поле сражения, и власть; в палате общин считалось не более ста членов, и все они были республиканцы; они могли признать и провозгласить себя обладателями страны. Но страна безусловно отказывала им в повиновении; они нигде не могли действовать по своему усмотрению и не имели никакого влияния ни на армию, ни на народ. Не было ни общественной связи, ни безопасности; отправление суда остановилось или по крайней мере перестало быть правосудием; судьи руководствовались своими страстями, личными видами, духом партий. Недостаток безопасности ощущался не только в личных сношениях граждан, но и на больших дорогах: они кишели ворами и разбойниками; всюду царила анархия, материальная и нравственная; палата общин и Республиканский государственный совет оказались бессильными для прекращения ее.

Итак, три великие революционные партии последовательно остановились во главе движения и старались управлять страной по своему разумению и по своей воле, и ни одна из них не имела успеха в этом деле. Все три потерпели совершенную неудачу и окончательно растратили свои силы. «Тогда, — говорит Боссюэ, — появился человек, который ничего не предоставлял случаю и по возможности все извлекал из-под власти судьбы, расчетом и предусмотрительностью», — выражение в высшей степени ошибочное, опровергаемое всеми фактами истории. Никогда и никто больше Кромвеля не полагался на свое счастье, никогда и никто не рисковал больше чем он, не подвигался вперед с такою отвагой, без намеренья, без цели, но с полной решимостью предаться судьбе, куда бы она ни повела его. Безграничное честолюбие, удивительное умение извлекать из каждого дня, из каждого обстоятельства какую-ли-

бо новую выгоду, искусство пользоваться случаем, без всякого притязания управлять им, — таковы отличительные свойства Кромвеля. Он достиг того, что может быть никогда не удавалось подобным людям: он умел приноровиться ко всем самым разнообразным фазисам революции; сначала предводитель восстания, поборник анархии, самый горячий из английских революционеров, — потом человек антиреволюционной реакции, восстановленного порядка, новой общественной организации. В нем одном совместились все роли, которые в течение революции обыкновенно разделяются между величайшими деятелями ее. Нельзя сказать, чтобы Кромвель был Мирабо: ему не доставало красноречия, при всей своей деятельности, он ничем не отличился в первые годы долгого парламента. Но он был последовательно Дантоном и Бонапартом. Он больше всех содействовал низвержению власти, и он же восстановил ее, потому что никто, кроме него, не сумел овладеть и воспользоваться ею. А между тем правительство было необходимо; он имел успех там, где все терпели неудачу, — и вот его право на владычество. Сделавшись главою правительства, этот человек, до тех пор столь ненасытно честолюбивый, постоянно стремившийся вперед, с неизменным счастьем и с твердым намерением никогда не остановиться, — обнаружил такой здравый смысл, такое верное понимание возможного и невозможного, что обуздал самые сильные страсти свои. Он питал чрезвычайное влечение к абсолютной власти, страстное желание возложить на себя корону и передать ее своему семейству; но он отказался от последнего намерения, потому что своевременно увидел его опасность. Что касается до абсолютной власти, то хотя он и пользовался ею на самом деле, но всегда понимал, что она противна духу времени, что революция, в которой он принимал участие, за которую следил во всех ее фазисах, была направлена против деспотизма, и что неизменное желание Англии — быть управляемою посредством парламента и с соблюдением парламентарных форм. Вот почему он

сам — деспот и по природе, и на деле — решился поставить рядом с собою парламент и разделить с ним управление Англиею. Он обращался последовательно ко всем партиям; он пытался составить парламент из религиозных энтузиастов, из республиканцев, из пресвитериан, из офицеров армии. Он употреблял все меры, чтобы образовать парламент, который имел бы желание и силу действовать за одно с ним самим. Но усилия его были тщетны; каждая партия, призванная заседать в Вестминстере, старалась исторгнуть из его рук правительственную власть и, в свою очередь, присвоить себе господство над страню. Конечно, первую мысль Кромвеля были его различные выгоды, личные страсти. Тем не менее если бы он отказался от власти, то на другой день он без сомнения был бы вынужден снова принять ее. Никто, кроме Кромвеля, не мог в это время управлять с некоторою правильностью и справедливостью: ни пуритане, ни роялисты, ни республиканцы, ни офицеры. Это было доказано событиями. Невозможно было предоставить парламентам, т. е. партиям, заседавшим в парламентах, власть, которую они не могли удержать за собою. Таково было положение Кромвеля: его правительственная система, по собственному убеждению его, не соответствовала желаниям страны; необходимость его власти была очевидна, но она никем не признавалась добровольно. Ни одна партия не видела в его господстве окончательного правительства. Роялисты, пресвитериане, республиканцы, самая армия, т. е. партия, по-видимому, всего более преданная Кромвелю, — все были убеждены, что управление его не что иное, как переходное состояние для Англии. В сущности, он не властвовал над умами, он всегда был крайним, за неимением лучшего, средством, временною необходимостью. Протектор, неограниченный повелитель Англии, принужден был постоянно и всеми силами заботиться об удержании за собою власти; ни одна партия не могла заступить его место в правительстве, но все одинаково чуждались его, все одновременно угрожали ему.

После смерти Кромвеля одни только республиканцы имели возможность посягнуть на правительство: они и овладели им, но не лучше прежнего сумели воспользоваться своею властью. Причиною этому было не отсутствие самоуверенности, по крайней мере, со стороны фанатических членов партии. Одна из брошюр Мильтона, обнародованная около того времени, написанная в высшей степени талантливо и увлекательно, носит следующее заглавие: «Легкое и быстрое средство установить республику». Вы видите, каково было ослепление этих людей. Они весьма скоро обнаружили такую же неспособность к управлению, какою отличались прежде. Мунк сделался двигателем события, которого ожидала вся Англия, реставрации Стюартов.

Реставрация эта была для Англии событием вполне национальным. Она соединяла в себе, по-видимому, достоинства правительства древнего, основанного на преданиях и воспоминаниях страны, с преимуществами правительства нового, еще не испытанного странюю, еще не обрушившегося на нее своими ошибками, всею своею тяжестью. Прежняя монархия была единственною правительственною системою, которая в течение последних двадцати лет не повредила себе в общественном мнении своими недостатками и неудачами. От этих двух причин и зависела популярность реставрации; противниками ее были только крайние члены мятежных партий; все население непритворно приняло ее сторону. Оно видело в ней единственную возможность, единственное средство установления законного правительства, составлявшего предмет самых пламенных желаний страны. В этом именно смысле даны были и обещания; реставрация старалась облечься в форму законного правительства.

Действительно, после возвращения Карла II, управление государством прежде всего досталось в руки той части роялистской партии, которую мы назовем законною или легальною. Представителем этой партии был искуснейший вождь ее

канцлер Кларендон. Как известно, с 1660 по 1667 год Кларендон был первым министром и влиятельнейшим лицом в Англии. Система Кларендона и его приверженцев была системой прежней партии законной реформы. Они стремились к установлению верховной власти короля, ограниченной законными пределами: в отношении налогов — палатами, в отношении личной свободы и частных прав — судебными учреждениями. Но что касается до правительства в собственном смысле слова, то в этом отношении они присвоили королевской власти почти совершенную независимость и решительное преобладание, не стесняясь большинством голосов в палатах, особенно в палате общин, или даже действуя наперекор этому большинству. Присоедините ко всему этому некоторое уважение к законному, установленному порядку, некоторую заботливость об интересах страны, нравственное достоинство, заслуживающее уважения, и вы получите характеристику семилетней администрации Кларендона.

Но основные начала этой администрации — неограниченное самодержавие короля, правительство, поставленное вне преобладающего влияния палат, — устарели и утратили свою силу. Несмотря на реакцию первых времен реставрации, двадцать лет парламентского господства, враждебного королевской власти, окончательно разрушили подобные мечты. В недрах роялистской партии скоро проявился новый элемент: люди свободомыслящие, хитрые, развращенные, знакомые с идеями своего времени; они понимали, что вся сила заключалась в палате общин и, пренебрегая законным порядком, неограниченную властью короля, заботились только об успехе, повсюду искали средств добиться влияния и власти. Они образовали партию, которая, соединясь с недовольными приверженцами партии национальной, низвергла министерство Кларендона.

Тогда возникла новая правительственная система — система того отдела партии роялистов, характеристику которого

мы только что изложили; люди, развращенные, хитрые, чувственные, образовали министерство, известное под именем Кабалы, и несколько других последующих администраций. Вот характер этой правительственной системы: пренебрежение к принципам, правам, законам, отсутствие всякой мысли о справедливости и истине. Особенное внимание было обращено на средства достижения успеха в каждом отдельном случае; если успех зависел от палаты общин — то сообразно с этим и были принимаемы нужные меры; если требовалось обмануть палату, поступить наперекор ее желанию, то в этом смысле и действовали, с тем чтобы на другой день испросить прощение палаты. Сегодня испытывали подкуп, завтра льстили народному духу, не заботились ни об общих интересах страны, ни о ее достоинстве и чести; одним словом, это было правительство в высшей степени эгоистическое и безнравственное, чуждое всякой общей мысли, всякой общественной цели, но в сущности и в делах практических довольно рассудительное и либеральное. Вот отличительные свойства Кабалы, министерства графа Дэнби и всего английского правительства с 1667 по 1679 год. Несмотря на безнравственность его, на презрение к убеждениям и истинным интересам страны, это правительство было далеко не так ненавистно и антипопулярно, как министерство Кларендона; почему? Потому что оно больше соответствовало духу времени, лучше понимало народные чувства, хотя и издевалось над ними. Оно не было дряхло и антинационально, как министерство Кларендона, и хотя оно причинило стране гораздо больше вреда, но с меньшим отвращением было терпимо.

Наступило, однако, время, когда продажность, низкопоклонность, пренебрежение народными правами и честью, постоянно увеличиваясь, сделались решительно невыносимыми для народа. Против правительства придворной партии произошло всеобщее восстание. В палате общин образовалась партия, носившая название национальной. Ее предводителей

король решил назначить своими советниками. Тогда власть перешла в руки лорда Эссекса, отец которого, лорд Кэпсель, был одним из добродетельнейших роялистских мучеников во время междоусобной войны, лорд Уильям Россель и лорд Шефтсбюри, который, не имея нравственных качеств Эссекса и Росселя превосходил их в политическом искусстве. Но, приняв на себя управление страной, национальная партия оказалась неспособною к этому. Она не сумела овладеть нравственными силами страны и не сумела избежать столкновения с интересами, привычками, предрассудками короля, придворных и других людей, с которыми ей приходилось иметь дело. Ни королю, ни народу она не внушила высокого мнения о своей энергии и ловкости; после кратковременного владычества она потерпела окончательную неудачу. Доблести ее предводителей, мужество их, геройская смерть возвысили их в истории и по всей справедливости дали им в ней почетное место; политические способности лучших людей этой партии не соответствовали добродетели их. Они не знали, как воспользоваться властью, оболыщения которой не могли испортить их; им не удалось доставить торжество делу, за которое они лишь сумели умереть.

Мы видим, в каком положении находилась английская реставрация после этой последней неудачи. Подобно революции, реставрация испытала все партии, все министерства — законное, кабальное, национальное, и ни одно из них не имело успеха. Положение страны и престола напоминало положение Англии в 1653 году в конце революционной бури. Исход в обоих случаях был один и тот же; то, что Кромвель сделал в пользу революции, то же самое Карл II предпринял в пользу престола: он вступил на путь абсолютной власти.

Иаков II наследовал своему брату. Тогда к вопросу об абсолютной власти присоединился еще другой — вопрос религиозный. Иаков II хотел, чтобы папизм восторжествовал одновременно с деспотизмом, точно так же, как и в начале революции,

против правительства возгорелась двойственная борьба — политическая и религиозная. Часто возникал вопрос: что случилось бы в Англии, если бы не было Вильгельма III, и если бы он вместе со своими голландцами не положил конец раздору между Иаковым II и английским народом? Я твердо убежден, что случилось бы то же самое. Вся Англия, за исключением весьма небольшой партии, соединилась в это время против Иакова II и без сомнения произвела бы революцию 1688 года под той или другой формой. Но причины этого кризиса заключались не в одном только внутреннем состоянии Англии. Он совершался в Европе так же, как и в самой Англии. Здесь именно английская революция и присоединяется к общему ходу европейской цивилизации, силою самих событий и независимо от влияния, которое мог иметь пример ее.

В то время, когда в Англии происходила описанная нами борьба абсолютной власти с гражданской и религиозной свободой, на материке Европы также завязалась борьба на другом поприще, с другими деятелями, в других формах, но в сущности однородная с первою и обязанная своим происхождением одной и той же причине. Абсолютная монархия Людовика XIV стремилась превратиться во всемирную, по крайней мере она давала повод к подобным опасениям и действительно внушала их Европе. Для противодействия такому стремлению, образовался союз между различными политическими партиями, и во главе его встал представитель религиозной и гражданской свободы в Континентальной Европе — Вильгельм, принц Оранский. Протестантская республика, Голландия, руководимая Вильгельмом, решилась сопротивляться абсолютной монархии, представителем и вождем которой был Людовик XIV. По-видимому, дело шло не о гражданской и религиозной свободе внутри государств, а о внешней независимости их. Людовик XIV и его противники в своей борьбе нимало не думали о вопросе, волновавшем в то время Англию. Участниками борьбы были не партии, а государства; орудиями ее была вой-

на и дипломатия, а не политические движения и революции. Но в сущности, дело шло все об одном и том же вопросе.

Итак, возобновленная Иаковом II в Англии распря между абсолютною властью и свободой совпадает с всеобщей европейскою борьбою, происходившею между Людовиком XIV и принцем Оранским. Они были представителями двух великих систем, враждебно столкнувшихся друг с другом и на берегах Шельды, и на берегах Темзы. Европейский союз против Людовика XIV был так силен, что участниками его — явно или тайно, но во всяком случае весьма энергично — сделались государи, как нельзя более чуждые интересам гражданской и религиозной свободы. Вильгельма III поддерживали против Людовика XIV германский император и папа Иннокентий XI. Вильгельм предпринял свою экспедицию в Англию не столько в видах внутренних интересов страны, сколько для того, чтобы вовлечь ее в борьбу с Людовиком XIV. Он смотрел на реставрированное королевство как на новую силу, в которой он нуждался и которую до тех пор обращал против него его соперник. В царствование Карла II и Иакова II Англия принадлежала Людовику XIV, он располагал ею и почти постоянно вооружал ее против Голландии. Англия была отторгнута от партии абсолютной, всемирной монархии и сделалась орудием и опорой партии религиозной свободы. Такова европейская сторона революции 1688 года; вот каким образом она заняла место между европейскими событиями, независимо от значения, которое имел ее пример, и влияния, которое она оказала на умы в следующем столетии.

Мы видим, таким образом, что истинный смысл, существенный характер английской революции — как уже было сказано в начале — есть, несомненно, попытка уничтожить абсолютную власть и в гражданском, и в духовном мире. Эта черта встречается во всех фазисах революции, с первого периода ее до реставрации, и притом как во внутреннем развитии ее, так и в отношениях ее вообще к Европе. Нам остается изу-

читать то же самое великое событие на материке Европы, т. е. борьбу абсолютной монархии и свободного исследования или, по крайней мере, причины этой борьбы и признаки, предшествовавшие наступлению ее. Этим мы займемся в нашей следующей последней лекции.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Различие и сходство цивилизации английской и цивилизации Европейского континента. – Перевес Франции в Европе в XVII и XVIII веках: в XVII – через посредство французского правительства, в XVIII – через посредство самой страны. – Правление Людовика XIV. – Его войны, дипломатия, администрация, законодательство. – Причины его быстрого упадка. – Франция в XVIII веке. – Существенный характер философской революции. – Заключение.

В предыдущей лекции мы старались определить истинный характер, политический смысл английской революции. Мы видели, что она была первым столкновением двух великих фактов, к которым в продолжение XVI века привела вся цивилизация Европы – абсолютной монархии с одной стороны, и свободного исследования – с другой. Эти две силы впервые столкнулись между собою в Англии. Отсюда некоторые выводят заключение о радикальном несходстве общественного быта Англии с бытом континентальных европейских государств, отрицают возможность сравнения между странами, столь разнородными по своей участи; утверждают, что английский народ и в нравственном отношении жил так же уединенно, как и в материальном.

Правда, между английскою цивилизациею и цивилизациею континентальных государств существует важное различие, требующее внимательного изучения. В Англии развитие различных общественных принципов и элементов совершалось некоторым образом одновременно и совокупно, – по крайней мере гораздо более, чем на материке Европы. Стараясь опреде-

лительные черты европейской цивилизации, в сравнении с цивилизациями древними, азиатскими, я показал вам, что первая из них разнообразна, богата, многосложна, что она заключала в себе все различные элементы общественного быта, борющиеся между собою, видоизменявшие друг друга, беспрестанно вынуждаемые к взаимным уступкам, и по необходимости соединявшиеся в одной общей жизни. Факт этот, вообще свойственный европейской цивилизации, в особенности проявляется в цивилизации Англии; здесь он выразился с наибольшею последовательностью и очевидностью; здесь развивались и возрастали друг подле друга, как одно общее целое, мир гражданский и мир религиозный, аристократия, демократия, королевская власть, местные и центральные учреждения, политическая и нравственная деятельность народа. Все эти элементы развивались, если не с равною быстротою, то по крайней мере всегда в незначительном расстоянии друг от друга. В царствование Тюдоров, например, среди самых блестящих успехов королевской власти, пробивается наружу и крепнет демократическое начало, народная власть; эти противоположные факты совершаются почти одновременно. Наступает революция XVII века; она носит на себе и религиозный, и политический характер. Феодальная аристократия является в ней ослабевшею, со всеми признаками упадка; однако она еще не лишена возможности принять участие в революции, занять в ней свое место, играть свою роль и выговорить себе долю в результатах ее. То же самое видим мы во всем ходе английской истории; ни один древний элемент не разрушается вполне, ни один отдельный принцип не достигает исключительного преобладания. Везде и всегда одновременное развитие различных сил, взаимное соглашение между их притязаниями и интересами.

В континентальных государствах прогрессивное движение цивилизации отличалось меньшею сложностью и полнотою. Различные элементы общества — мир религиозный, мир гра-

жданский, монархия, аристократия, демократия, развивались не вместе, не друг подле друга, а последовательно. У каждого начала, у каждой системы была как бы своя очередь. Одно столетие, например, принадлежит, не скажу исключительно, это было бы преувеличением, но преимущественно и весьма заметно, феодальной аристократии; другое – монархическому принципу, третье – демократическому. Сравним средневековую Францию со средневековой Англией XI, XII и XIII веков нашей истории с теми же веками по другую сторону Ламанша. Во Франции в это время вы найдете почти неограниченное феодальное самодержавие; королевская власть и демократический принцип почти уничтожены. В Англии преобладание также принадлежит феодальной аристократии, но королевская власть и демократия не лишены силы и значения. В Англии королевская власть торжествует при Елизавете, как во Франции при Людовике XIV; но какую осторожность она должна была соблюдать, каким ограничениям подвергаться то со стороны аристократии, то со стороны демократии! И в Англии каждое начало, каждая система имела свое время могущества и успеха; но успех этот никогда не был так полон и исключителен, как на континенте; победитель всегда был принужден переносить присутствие своих соперников и каждому из них предоставлять известную долю участия и влияния.

С этим различием в развитии обеих цивилизаций соединены и выгоды, и неудобства, действительно обнаруживающиеся в истории Англии и континентальных государств. Нет сомнения, например, что одновременное развитие различных общественных элементов много способствовало Англии достигнуть, прежде всех других континентальных государств, цели всякого общества, то есть установления правительства благоустроенного и вместе с тем свободного. Правительство, по самому свойству своему, должно заботиться о всех интересах общества, должно соглашать их, вдыхать в них жизнь и доставлять благосостояние. Таково именно, благодаря стечению многих

причин, и было направление различных элементов английского общества; вот почему в его недрах с меньшим трудом могло установиться общее, достаточно благоустроенное правительство. С другой стороны, сущность свободы состоит в одновременном проявлении и действии всех интересов, всех прав и сил, всех общественных элементов. Следовательно, Англия ближе подходила к свободе, нежели большая часть других государств. По тем же причинам раньше мог проявиться в ней здравый смысл народа, ясное понимание общественных дел. Здравый смысл в области политики — это не что иное, как умение принимать во внимание все факты, оценивать их по достоинству и указывать каждому из них его значение и место. Такое умение было в Англии потребностью общественного строя, естественным последствием развития цивилизации.

С другой стороны, в континентальных государствах, где каждая система, каждое начало по очереди достигало более полного, более исключительного преобладания, — самое развитие их совершилось в больших размерах, проявилось с большим блеском. Королевская власть и феодальная аристократия, например, на сцене континентальной Европы действовали с гораздо большею смелостью и свободой. Всякий политический опыт, если можно так выразиться, получал там более простора и оконченности. Отсюда и та высокая степень, которой достигли политические идеи и учения (я говорю об общих идеях, а не о здравом смысле в приложении к государственным делам), та рациональная сила, которою отличается их развитие. Каждая система появлялась как бы отдельно на историческое поприще и долго занимала его, так что можно было обозреть ее в целом ее составе, возвыситься до основных начал ее, снизить до ее последних результатов и вполне разобрать теорию ее. Внимательно изучая дух английского народа, нельзя не заметить следующих двух свойств его: с одной стороны, непогрешимость здравого смысла, практическую опытность, с другой — отсутствие общих идей, умственного вели-

чия в теоретических вопросах. В произведениях английских историков, юристов или каких бы то ни было других писателей, редко встречается объяснение основной, высшей причины событий. Во всем, и особенно в политических науках, отвлеченная теория, философия, наука в собственном смысле слова достигали большого развития на континенте, чем в Англии, — по крайней мере, порывы их отличались там большею смелостью и силою. Главную причину этого явления, конечно, следует искать в самом различии направлений, которые приняла цивилизация в Англии и на континенте.

Впрочем, каковы бы ни были выгоды или неудобства каждого из этих двух направлений, различие их есть факт действительный, бесспорный, проводящий самую резкую черту между Англиею и материком Европы. Но если различные принципы, различные общественные элементы и развивались там одновременно, здесь же последовательно, то это несколько не препятствует тождеству пути и цели обеих цивилизаций. Англия и Европейский континент, если рассматривать их с общей точки зрения, прошли чрез одни и те же великие фазисы цивилизации; ход событий и там и здесь был одинаков; от одних и тех же причин происходили одни и те же последствия. Мы могли убедиться в этом представленною мною картиною цивилизации до XVI века; то же самое вы увидите при изучении XVII и XVIII столетий. В Англии свободное исследование и абсолютная монархия развивались почти одновременно; на континенте последний из этих фактов проявился гораздо раньше первого; но так или иначе они проявились оба, господствовали один вслед за другим, с одинаковым блеском и, наконец, как и в Англии, враждебно столкнулись между собою. Итак, развитие обществ в главных, общих чертах своих было одно и то же; при всем существенном различии их, перевес тем не менее остается на стороне сходства. Беглое обозрение новейшей истории не оставит никакого сомнения по этому предмету.

При первом взгляде на историю Европы XVII и XVIII веков нельзя не заметить, что Франция стоит во главе европейской цивилизации. В начале курса я уже указал на этот факт и старался объяснить его причину. Здесь он проявляется с большею очевидностью, нежели когда бы то ни было.

Принцип абсолютной монархии, абсолютной королевской власти господствовал в Испании при Карле V и Филиппе II и потом уже развился во Франции при Людовике XIV. Точно так же и принцип свободного исследования господствовал в Англии в XVII, а во Франции развился не ранее XVIII века. Но не из Испании распространился по всей Европе принцип абсолютной монархии, не из Англии — дух свободного исследования; оба начала, обе системы оставались как бы замкнутыми в тех странах, в которых проявились. Завоевания их начались только тогда, когда они прошли чрез Францию; и абсолютная монархия, и свобода исследования должны были сначала привиться во Франции и уже отсюда могли быть пересажены на всю европейскую почву. Симпатичный характер французской цивилизации, общительный дух французского народа, заметный во все эпохи, с наибольшим блеском проявились именно в то время, которое теперь занимает нас. Мы не будем останавливаться на этом факте; мы уже достаточно знакомы с ним по тем блестящим и глубокомысленным лекциям, в которых излагалось влияние французской литературы и философии в XVIII веке¹. Мы знаем, что философствующая Франция оказала в деле свободы больше влияния на Европу, нежели революционная, свободная Англия. Мы видели, что французская цивилизация своим могуществом и деятельностью оставила далеко за собою цивилизации всех других европейских государств. Итак, мы можем пройти молчалием все подробности факта; я ссылаюсь на него с тою только целью, чтобы иметь право ограничить одною Франциею картину но-

¹ Лекции Вильмена.

вейшей европейской цивилизации. Без сомнения, между цивилизацией Франции и цивилизацией других европейских государств существовало в то время важное различие, которое мы не могли бы оставить без внимания, если бы излагали европейскую историю в полном смысле слова; но мы подвигаемся вперед так быстро, что по необходимости должны пропустить, если можно так выразиться, целые века и народы. Я предпочитаю сосредоточить все ваше внимание на ходе французской цивилизации, — верном, хотя и неполном, отражении общего хода событий в Европе.

Влияние Франции на Европу в XVII и XVIII веках представляется весьма различным. В первом из этих веков общеевропейское значение и место во главе цивилизации принадлежит уже не французскому правительству, а самой Франции, французскому народу. Сначала властвует над умами и привлекает к себе общее внимание Людовик XIV со своим двором, потом Франция и ее общественное мнение. В XVII веке были народы, которые рельефнее французов выступали на сцену исторического мира, принимали в судьбе своего отечества более деятельное участие. Так, например, германская нация во время Тридцатилетней войны, английский народ во время английской революции несравненно больше зависели от самих себя, нежели современным им французы. С другой стороны, в XVIII веке многие европейские правительства превосходили французское своею силою, значением, могуществом своим. Фридрих II, Екатерина II, Мария Терезия без сомнения отличались в Европе большею деятельностью и влиянием, нежели Людовик XV. Однако и в ту, и в другую эпоху во главе европейской цивилизации стоит Франция, первоначально — благодаря своему правительству, потом благодаря самой себе, с помощью то политической деятельности ее повелителей, то умственного развития своего.

Итак, для полного знакомства с преобладающею силою французской, а следовательно, и европейской цивилизации,

необходимо изучить в XVII веке французское правительство, в XVIII — французское общество. Нужно менять место и предмет изысканий, по мере того как под влиянием времени меняется сцена действия и действующие лица.

Когда изучают правление Людовика XIV, когда стараются определить причины его могущества и его влияния на Европу, то по большей части говорят только о его блеске, победах, великолепии, о литературных знаменитостях его времени. Преобладание французского правительства в Европе приписывают обыкновенно чисто внешним причинам.

По моему мнению, основание этого преобладания не так поверхностны, поводы его не так маловажны. Ошибочно было бы предполагать, что неоспоримое значение Людовика XIV и его правительства зависело исключительно от побед, празднеств или гениальных произведений искусства.

Многие из вас помнят, и все без сомнения слышали о влиянии, которое имело на Францию двадцать девять лет тому назад консульское правительство, и о том состоянии, в котором оно застало наше отечество. Извне угрожало нам нашествие врагов, войска наши подвергались беспрестанным неудачам; внутри страны представлялось почти совершенное разъединение правительства и народа; не было ни доходов, ни общественного порядка; одним словом, побежденное, униженное, расстроенное общество — такова была Франция при водворении консульского правительства. Кому неизвестна изумительная и счастливая деятельность этого правительства, деятельность, в короткое время обеспечившая независимость страны, восстановившая народную честь, преобразовавшая администрацию, обновившая законодательство, одним словом — вызвавшая общество рукою власти к новой жизни?

Такую именно услугу и оказало Франции правительство Людовика XIV в первый период своей деятельности; при всем различии во времени, в средствах, в формах оно желало достигнуть и достигло почти таких же результатов.

Вспомните, в каком положении была Франция после управления кардинала Ришелье во время несовершеннолетия Людовика XIV. Испанские войска постоянно находились на границах, а иногда и внутри страны; возможность нашествия не прекращалась, внутренние раздоры доведены были до крайности, до междоусобной войны, правительство и внутри, и вне страны было лишено достоинства и силы. Положение дел напоминает близкое нам время, предшествовавшее 18 брюмера; только состояние тогдашнего общества было, может быть, не так напряжено, не так бурно. Из этого-то состояния извлекло Францию правительство Людовика XIV. Первые победы его имели такие же последствия, как и победа при Моренго: они обеспечили неприкосновенность территории и восстановили национальную честь. Я рассмотрю правление Людовика XIV в главных чертах его: войны, внешние сношения, администрацию, законодательство, и вы, вероятно, убедитесь, что сравнение, о котором я упомянул и которому я вовсе не хочу придавать преувеличенное значение (я вообще не высоко ценю исторические параллели), — что сравнение это, говорю я, не лишено основания и что я имел полное право привести его.

Займемся прежде всего войнами Людовика XIV. Вы знаете — я уже несколько раз имел случай напомнить вам об этом — что европейские войны первоначально были не чем иным, как великими передвижениями народов, побуждаемые необходимостью, прихотью или каким-либо другим чувством, целые народонаселения, иногда многочисленные, иногда в небольшом составе, переходили с одной территории на другую. Таков общий характер европейских войн до конца крестовых походов, т. е. до исхода XIII века.

Но вот начинается другой род войн, не менее отличных от новейших: это обширные предприятия, задуманные уже не народами, а государями, которые во главе своего войска идут искать где-нибудь вдали завоеваний и приключений. Они

оставляют отечество, покидают собственную свою территорию и углубляются без всяких побуждений, кроме личной прихоти своей, одни в Германию, другие в Италию, третьи в Африку. Почти все войны XV и даже отчасти XVI века относятся к этой категории. Имела ли Франция, не говорю уже законное основание, но какой бы то ни было повод желать, чтобы Неаполитанское королевство принадлежало Карлу VIII? Поход этого короля в Италию, очевидно, был чужд всяких политических соображений; король был уверен в справедливости своих личных прав на Неаполитанское королевство и на основании этой уверенности в чисто личных видах, для удовлетворения личного желания своего, предпринял завоевание отдаленной страны, нисколько не соответствовавшей территориальному положению французского королевства. Напротив того, завоевание Неаполя было одинаково опасно и для внешнего, и для внутреннего спокойствия Франции. То же самое можно сказать и о походе Карла V в Африку. Последним предприятием этого рода был поход Карла XII в Россию. Войны Людовика XIV отличаются совершенно другим характером; это войны благоустроенного правительства, прочно установившегося в центре государства, стремящегося к покорению соседних земель, к расширению и укреплению своей территории; одним словом — войны политические. Положим, что они не всегда были справедливы, что они слишком дорого стоили Франции; положим, что безнравственность и излишество их часто заслуживают осуждения; но во всяком случае они носят на себе печать гораздо большей разумности, нежели предшествовавшие им войны. Они вызваны не прихотью, не жаждою приключений, а другими серьезными побуждениями: одни из них имеют целью приобретение естественной границы, другие — присоединение племени, говорящего французским языком, третьи — завоевание оборонительного пункта, необходимого для защиты против соседнего государства. Без сомнения, к этим видам примешивается и личное честолюбие

Людовика XIV: но пересмотрите одну за другою все его войны, особенно те, которые относятся к первой половине его царствования, — вы найдете в них побуждения истинно политические, вы увидите, что они были задуманы в пользу французских интересов, для безопасности и могущества государства.

В подтверждение этого факта достаточно привести его последствия. Франция и теперь еще во многих отношениях сохраняет тот вид, который придали ей войны Людовика XIV. Провинции, покоренные им — Франш-Конте, Фландрия, Эльзас, остались составными частями политического тела Франции. Есть завоевания мудрые и завоевания безумные; завоевания Людовика XIV относятся к первому разряду; предприятия его не так прихотливы и необдуманны, как большая часть предшествовавших им; они были произведениями искусной, если и не всегда справедливой и мудрой политики.

Переходя от войн Людовика XIV к его сношениям с иностранными государствами, к его дипломатии в собственном смысле этого слова, мы и здесь замечаем подобное явление. Я уже говорил о происхождении дипломатии в Европе в конце XV века. Я старался показать, каким образом взаимные сношения правительств, до тех пор случайные, редкие, кратковременные, в эту эпоху сделались более правильными и продолжительными, и каким образом они получили характер важного общественного интереса, одним словом — каким образом в конце XV и в первой половине XVI века дипломатия стала играть в событиях такую важную роль. Однако до XVII века она, собственно говоря, лишена была строгой системы; она не доходила еще до продолжительных союзов, до обширных, твердых соображений, основанных на постоянных началах, направленных к определенной цели, с тою последовательностью, которая составляет отличительное свойство прочно утвердившихся правительств. В продолжение религиозного переворота внешние отношения государств зависели почти исключительно от религиозных интересов; Европа разделялась

на союзы протестантский и католический. Только в XVII веке, после Вестфальского мира, изменяется под влиянием правления Людовика XIV характер дипломатии. С одной стороны, она освобождается из-под исключительного господства религиозного начала: союзы, политические соображения составляются под влиянием других причин; с другой — она становится гораздо последовательнее, гораздо правильнее и постоянно стремится к известной цели, на основании твердых, постоянных принципов. К этой эпохе относится происхождение правильной системы-равновесия в Европе. В царствование Людовика XIV эта система, со всеми своими последствиями, действительно овладела европейской политикой. В чем же заключалась общая идея, господствующий принцип политики Людовика XIV по этому предмету?

Я говорил уже о великой борьбе, возгоревшейся в Европе между абсолютною монархией Людовика XIV, стремившеюся к обладанию всем миром, и делом гражданской и духовной свободы, политической независимости, — делом воплощенным в лице принца Оранского, Вильгельма III. Мы видели, что преобладающий факт европейской истории того времени — это принадлежность каждого государства к одной из этих двух великих партий. Но для современников этот факт не был так ясен, каким он представляется нам теперь; он был скрыт, незаметен даже для тех, кто участвовал в совершении его. Ограничение системы абсолютной монархии и утверждение принципа гражданской и религиозной свободы — таков, в сущности, был необходимый результат сопротивления Голландии и ее союзников Людовику XIV; но спорный вопрос между абсолютною властью и свободою не был поставлен так открыто. Часто утверждали, что распространение абсолютной власти было господствующим принципом дипломатии Людовика XIV — я не разделяю этого мнения. Такое стремление приобрело важное место в его политике очень поздно, уже в старости его. Могущество Франции, перевес ее в Европе, унижение

соперничающих с нею держав, одним словом, политический интерес, сила государства — вот цель, к которой постоянно стремился Людовик XIV в борьбе своей с Испаниею, с германским императором и с Англиею. Он действовал гораздо более в видах расширения Франции, усиления правительства ее, нежели в видах распространения абсолютной власти. Из множества доказательств избираю одно, оставленное нам самим Людовиком XIV. В его мемуарах 1666 года имеется заметка приблизительно следующего содержания:

Сегодня утром я имел разговор с сэром Сиднеем, английским дворянином, который сообщил мне о возможности восстановить республиканскую партию в Англии и просил для этого 400 000 ливров. Я сказал ему, что не могу дать более 200 000. Он советовал мне призвать из Швейцарии другого английского дворянина сэра Людло и поговорить с ним о том же предмете.

Действительно, в мемуарах Людло около того же времени встречается параграф, смысл которого следующий:

Я получил от французского правительства приглашение отправиться в Париж для переговоров по делам моего отечества; но я не имею доверия к этому правительству.

И Людло в самом деле остался в Швейцарии.

Вы видите, что в это время целью Людовика XIV было ослабление королевской власти в Англии. Он раздувал внутренние раздоры, старался восстановить республиканскую партию, чтобы воспрепятствовать чрезмерному усилению Карла II в Англии. Во все продолжение посольства Бариллиона в Англии беспрестанно повторяется тот же самый факт. Каждый раз, как только власть Карла II, по-видимому, берет верх над национальной партией, французский посланник переносит все свое влияние на последнюю, снабжает деньгами пред-

водителей оппозиции, одним словом, борется против абсолютной власти, потому что видит в этом средство ослабить державу, соперничающую с Францией. Вот факт, бросающийся в глаза при ближайшем знакомстве с ходом внешних сношений в царствование Людовика XIV.

Столь же замечательны способности, искусство тогдашних дипломатов. Имена де Торси, д'Аво, де Бонрено известны каждому образованному человеку. Сравнивая депеши, мемуары, ловкость и вообще образ действий этих советников Людовика XIV с действиями посланников испанских, португальских, германских, нельзя не обратить внимания на превосходство французских министров, — превосходство, выражающееся не только в неусыпной деятельности их и трудолюбию, но и в свободном образе мыслей. Эти придворные самодержавного короля судят о внешних событиях, партиях, требованиях свободы, народных восстаниях гораздо лучше, нежели большая часть современных им англичан. Из всех европейских дипломатов XVII века с французскими могут сравниться одни только голландские. Министры Иоанна де Витта и Вильгельма Оранского, этих славных вождей партии религиозной и гражданской свободы, одни только являются способными бороться со слугами великого самодержавного монарха.

Итак, изучение дипломатических сношений Людовика XIV приводит к таким же результатам, как и изучение войн его. Понятно, что правительство, таким образом умевшее вести и войны, и переговоры, необходимо должно было приобрести в Европе великое значение и внушать ей не только страх, но уважение и удивление.

Бросим теперь взгляд на внутренний быт Франции, на администрацию и законодательство Людовика XIV; и здесь мы найдем новые объяснения могущества и блеска его правительства.

Трудно определить с некоторою точностью, что должно понимать под администрацией в управлении страны. Размыш-

ления об этом факте приводят, кажется, к следующему убеждению: администрация, в самом общем значении слова, есть совокупность средств, с помощью которых воля центральной власти передается, по возможности быстро и верно, во все части общества, а силы общества как личные, так и вещественные в свою очередь и при тех же условиях восходят к центральной власти. Такова, если не ошибаюсь, настоящая цель, господствующий характер администрации. Отсюда видно, что в те времена, когда в особенности необходимо водворить в обществе единство и порядок, администрация представляется лучшим средством к достижению этой цели: она сближает, скрепляет, соединяет бессвязные, разбросанные элементы общества. Такова, действительно, была задача администрации при Людовике XIV. До него во Франции, как и во всей вообще Европе, чрезвычайно трудно было приводить действие центральной власти во все части общества и сосредоточивать в руках центральной власти средства и силы народа. Над этим трудился Людовик XIV с несравненно большим успехом, нежели предшественники его; ему удалось в известной степени достигнуть намеченной цели. Я не могу войти в подробности по этому предмету; но посмотрите все отрасли общественной деятельности — налоги, пути сообщения, промышленность, военную администрацию, все учреждения, сколько-нибудь относящиеся к администрации: почти каждое из них происхождением, развитием или существенным усовершенствованием своим обязано правительству Людовика XIV. Величайшие люди его времени: Кольбер, Лувуа — действовали и проявляли свой гений на поприще администрации. Вот почему правительство Людовика XIV приобрело всеобщность, твердость, решительность, чуждые другим, современным ему европейским государям.

С точки зрения законодательства, царствование Людовика XIV представляет нам такой же точно факт. Возвращаюсь к сравнению, которое я привел в начале лекции — к законо-

дательной деятельности консульского правительства, совершившего изумительный труд общего пересмотра и исправления законов. Подобный труд был исполнен и при Людовике XIV. Обширные узаконения, обнародованные им — устав судопроизводства, уставы уголовный, торговый, морской, о водах и лесах — все это настоящие кодексы, составленные наподобие наших, рассмотренные в государственном совете, иногда под председательством Ламуаньона. Есть люди обязанные своею известностью участию в составлении и обсуждении этих кодексов — например Пюссор. Если бы мы рассматривали законодательство Людовика XIV в самом существе его, то могли бы сделать против него множество возражений; оно исполнено недостатков, для нас очевидных и бесспорных; цель его не столь истинная справедливость и свобода, сколько общественное благоустройство, приведение законов в прочный и правильный порядок. Но и это одно составляло в то время важный шаг вперед; указы Людовика XIV по самому превосходству своему пред прежним законодательством, без сомнения, могущественно содействовали прогрессивному движению французского общества на поприще цивилизации.

Итак, с какой бы точки зрения ни рассматривать правительство Людовика XIV, не трудно открыть причины его влияния и силы. Собственно говоря, оно в первый раз представило Европе зрелище правительства, уверенного в самом себе, свободного от всяких внутренних врагов, спокойно обладающего своею терририею, своим народом, исключительно преданного правительственным трудам и заботам. Прежде все европейские правительства беспрестанно втягивались в войны, лишавшие их и безопасности и досуга, или же до такой степени были стеснены партиями и внутренними врагами, что постоянно должны были бороться за самое существование свое. Правительство Людовика XIV первое подало пример исключительного попечения о своих выгодах, первое соединило в себе все свойства власти, окончательно установившейся

и прогрессивной, которая не чуждается нововведений, потому что рассчитывает на долговечность свою. В самом деле мало найдется правительств, которые уделяли бы так много места нововведениям. Сравните правительство Людовика XIV с абсолютною монархией Филиппа II в Испании: власть Филиппа II была еще более неограничена, нежели власть Людовика XIV, но отправление ее было далеко не так спокойно и правильно. Притом каким образом Филиппу II удалось утвердить в Испании абсолютную власть? Он совершенно уничтожил свободную деятельность страны, он противился всякого рода улучшениям, он осудил Испанию на состояние совершенного застоя. Напротив того, правительство Людовика XIV деятельно способствовало всякого рода нововведениям, благоприятствовало успехам наук, искусств, материального благосостояния, одним словом — цивилизации. Вот истинная причина его преобладания в Европе; вот почему оно в продолжение всего XVII века служило на континенте образцом правительства не только для государей, но и для самих народов.

Теперь неизбежно возникает вопрос: каким образом правительство столь блестящее, столь прочное — судя по тем фактам, которые мы изложили, — каким образом это правительство так быстро дошло до такого упадка? Каким образом, после такого преобладающего значения в Европе, оно в следующем же столетии сделалось столь слабым, несостоятельным, малоуважаемым? Самый факт не подлежит ни малейшему сомнению. В XVII веке французское правительство стоит во главе европейской цивилизации, в XVIII оно исчезает; вождем, руководителем прогрессивного движения европейского мира делается французское общество, отделенное от своего правительства и часто даже враждебное ему.

Здесь мы встречаемся с неисправимым недостатком и неизбежным последствием абсолютной власти. Я не войду в подробное рассмотрение ошибок Людовика XIV, ошибок чрезвычайно важных; я не буду говорить ни о войне за испанское на-

следство, ни об отмене Нантского эдикта, ни о чрезмерных расходах, ни о многих других пагубных для него мерах. Я оставляю достоинства его управления в том виде, в каком я изложил их; я допускаю, что ни одна абсолютная власть не соответствовала до такой степени требованиям своего времени и своего народа, не оказала столь важных услуг цивилизации своей страны и вообще всей Европы. Но единственным принципом, единственным основанием этого правительства была абсолютная власть — и вот почему оно дошло до заслуженного падения. Существенный недостаток Франции Людовика XIV заключался в отсутствии политических сил и учреждений, которые бы существовали сами по себе и были способны к самостоятельной деятельности, к сопротивлению. Не было уже древних французских общественных учреждений, если только они заслуживают этого названия; Людовик XIV довершил разрушение их и, конечно, не озаботился заменой их новыми. Они стеснили бы его власть, а он не хотел никакого стеснения. Воля и действие центральной власти — вот все, что ярко проявляется в это время. Правление Людовика XIV — это факт великий, блистательный, могучий, но лишенный основания и корня. Свободные учреждения обеспечивают не только мудрость, но и прочность правительств. Нет системы, которая могла бы существовать без помощи общественных учреждений. Там, где существование абсолютной власти было продолжительно, она непременно имела опору в таких учреждениях, — то в разделении общества на строго разграниченные между собою касты, то в системе религиозных учреждений. В правление Людовика XIV и власть, и свобода одинаково были лишены политических учреждений. Во Франции в то время ничто не обеспечивало ни страны против незаконных действий правительства, ни самого правительства против неизбежного влияния времени. Зато правительство и присутствовало при собственном падении. Постарел не один Людовик XIV; не он один ослабел к концу своего царствования; постарела, ослабела вся аб-

солютная власть. В 1712 году абсолютная монархия была так же дряхла, как и сам монарх; и зло было тем более неисправимо, что Людовик XIV уничтожил вместе с политическими учреждениями и политические нравы. Без независимости — нет политических нравов. Кто сознает собственную силу, тот один только одинаково способен служить правительству и противиться ему. С независимыми учреждениями исчезают и энергичные характеры; из обеспеченности прав, наоборот, рождается благородная гордость, чувство собственного достоинства.

Итак, вот настоящее состояние Франции и французского правительства после смерти Людовика XIV: общество богатое, сильное, оживленное разнородною умственной деятельностью — и рядом с ним правительство по преимуществу неподвижное, лишенное средств обновить себя, примениться к движению своего народа, обреченное после полувекового величия и блеска на неподвижность и слабость, и еще при жизни своего основателя дошедшее до упадка, близкого к полному разрушению. Таково положение Франции в конце XVII века; отсюда и характер, направление последующей эпохи, столь резко отличающейся от предшествовавшей.

Всем известно, что отличительною чертою, господствующим фактом XVIII века служит свободное исследование, высокий порыв человеческого духа.

За исключением внешних сношений, предпринятых министром герцога Шуазеля, и некоторых важных уступок, сделанных общему требованию умов, например американской войны, за исключением, повторяю, некоторых событий этого рода, французское правительство XVIII века представляет пример небывалого до того времени бездействия, инерции, апатии. Вместо сильного, честолюбивого правительства Людовика XIV, которое являлось везде и всюду было на первом плане, — мы видим власть, которая только и думает о том, как бы остаться незаметною, в стороне от общего движения — так хорошо она сознает свою слабость и шаткость. Деятель-

ность, честолюбие перешли на сторону народа. Народ, с своими мнениями, с своим умственным движением, вмешивается во все, во всем принимает участие, и наконец один безраздельно овладевает нравственным авторитетом, т. е. единственною истинною, настоящею властью.

Вторая черта, отличающая состояние человеческого разума в XVIII веке, — это всеобщность, всеобъемлемость свободного исследования. До тех пор, и особенно в XVI веке, круг свободного исследования был ограничен, односторонен; он обнимал собою иногда одни только религиозные вопросы, иногда вместе с ними и политические; но притязания его всегда заключались в известных пределах. Напротив того, в XVIII веке свободное исследование принимает универсальный характер: религия, политика, философия, общество и человек, нравственная и материальная природа — все становится в одно и то же время предметом изучения, сомнения, систематизации; древние науки преобразовываются, рядом с ними возникают новые. Движение распространяется по всем направлениям, хотя и проистекает из одного и того же побуждения.

Кроме того, движение это запечатлено особым, странным характером, не имеющим, может быть, ничего подобного во всемирной истории, — характером отвлеченным, чисто созерцательным. Прежде во всех великих переворотах человеческого рода действие скоро присоединялось к размышлению. Так, например, религиозная революция XVI века началась идеями, спорами чисто умозрительными, но тотчас почти перешла во внешние события. Основатели умственных партий скоро делались предводителями партий политических; жизненная действительность соединилась с умственными трудами. Такое зрелище представляет нам в XVII веке и английская революция. Во Франции в XVIII веке человеческий разум действует на все, между прочим и на такие идеи, которые, находясь в связи с интересами действительной жизни, должны были бы, по-видимому, немедленно и сильно ото-

зваться на внешних событиях. А между тем двигатели, участники этих великих споров остаются чуждыми всякого рода практической деятельности; это теоретики, мыслители, которые наблюдают, судят, говорят, но никогда не вмешиваются в события. Никогда управление внешними, действительными фактами не было до такой степени отделено от управления умами. Отделение мира материального от мира духовного осуществилось в Европе только в XVIII столетии, и в первый раз, может быть, развитие одного из них продолжалось независимо от развития другого. Факт этот чрезвычайно важен: он имел огромное влияние на ход событий. Он сообщил идеям того времени замечательный характер беспредельности и отвлеченности. Никогда философия не стремилась так упорно к обладанию над миром и вместе с тем никогда не была так чужда ему. Рано или поздно пришлось обратиться к действию; умственное движение должно было перейти во внешние события — и чем полнее было разделение их, тем труднее была их встреча, тем сильнее их столкновение.

Можно ли после того удивляться другой отличительной черте тогдашнего состояния человеческого духа — необыкновенной смелости его? До того времени в минуты величайшей деятельности своей он всегда сдерживался известными преградами; человек всегда жил среди фактов, из которых иные внушали ему уважение и до известной степени останавливали стремление его. В XVIII веке совсем не было, по-видимому, внешних фактов, пред которыми склонялся бы человеческий разум, которым он сколько-нибудь подчинялся бы; он ненавидел или презирал все общественное устройство. Отсюда родилось в нем убеждение, что он призван преобразовать все существующее в мире: он стал приписывать себе, некоторым образом, творческую силу; учреждения, мнения, нравы, общество и сам человек — все представлялось ему подлежащим переделке, и человеческий разум принял на себя исполнение подобной задачи. Доходил ли он когда-нибудь до более смелой идеи?

Вот та сила, которая в течение XVIII века встала лицом к лицу с остатками правительственной системы Людовика XIV. Понятно, что невозможно было избежать столкновения между двумя столь неравными силами. Главнейший факт английской революции — борьба свободного исследования и абсолютной монархии — неизбежно должен был проявиться и во Франции. Конечно, различие обоих переворотов немаловажно, как это видно из самых последствий их; но в сущности, положение дел было весьма сходно, и значение событий в окончательном виде их — одно и то же.

Изложение всех неисчислимых последствий этого события заняло бы слишком много места. Мы должны остановиться. Но мне хотелось бы еще обратить ваше внимание на важнейший и, по моему мнению, поучительнейший факт, раскрывающийся пред нами в этом великом зрелище: неизбежный недостаток абсолютной власти, бедствие, зло, сопряженное с нею, как бы она ни называлась, какова бы ни была ее цель. Мы видели, что правительство Людовика XIV пало почти исключительно под влиянием этой причины. И что же? Сила, наследовавшая ему — человеческий дух, истинный властитель XVIII века, испытала ту же самую участь. В свою очередь, человеческий дух достиг почти абсолютной власти, в свою очередь, он возымел чрезмерное доверие к самому себе. Порывы его были прекрасны, возвышенны, благотворны, и если бы от меня потребовали окончательного, определенного мнения, я не колеблясь ответил бы, что считаю XVIII век одним из величайших веков в истории; он оказал человеческому роду, быть может, самые важные услуги, всего более подвинул его на пути прогресса, прогресса в самом обширном значении этого слова; рассматривая его, если можно так выразиться, с точки зрения государственного прокурора, я отдал бы ему предпочтение пред противниками его. Тем не менее обладание неограниченной властью имело в это время пагубное влияние на человеческий дух, он совратился с истинного пути

своего, с презрением и ненавистью стал относиться к действительным фактам и общепринятым идеям; а эта незаконная ненависть привела его к заблуждению и тирании. Действительно, к торжеству человеческого разума в конце XVIII века присоединилась весьма значительная доля заблуждения и тирании. Не будем обманывать себя, признаемся в этом открыто и громко. Эта доля заблуждения и тирании была в особенности последствием упоения, в которое повергнут был человеческий разум беспредельностью приобретенной им власти. Обязанность и, по моему мнению, заслуга нашего времени заключается в сознании той истины, что всякая власть, умственная или материальная, кому бы она ни принадлежала, правительствам или народам, мыслителям или государственным людям, в какой бы сфере она ни проявлялась, — что всякая человеческая власть, говорю я, носит в самой себе врожденный недостаток, зародыш слабости и злоупотреблений, необходимо требующий точного определения ее формы и размеров. Общая свобода всех прав, всех интересов и мнений, свободное развитие всех влияний и законное, совместное существование их — вот единственная система, при которой всякая сила, всякая власть может быть заключена в законных пределах, без стеснения для других общественных элементов, — единственная, одним словом, система, при которой действительно и для всех одинаково может существовать право свободного исследования. Таков великий результат, таково великое поучение, представляемое борьбою, которая в конце XVIII века завязалась между абсолютною властью в области правительственной и такую же властью в области духовной.

Мы достигли намеченного нами предела. Вы помните, что приступая к этому курсу, я изъявил намерение представить вам общую картину развития европейской цивилизации с падения Римской империи до нашего времени. Я слишком быстро совершил этот путь и потому не мог познакомить вас со всеми замечательными сторонами его, не мог привести до-

казательств в подтверждение всего сказанного мною. Я принужден был пропускать многое и, несмотря на это, часто просил вас верить мне на слово. Надеюсь, однако, что цель моя достигнута и что я не упустил из виду ни одного из важнейших кризисов развития новейшего общества. В начале курса, я пытался определить, что такое цивилизация, и пытался описать факт, известный под этим названием. Мы видели, что цивилизация слагается из двух главных фактов: развития человеческого общества и развития самого человека; другими словами — из развития политического, общественного и развития внутреннего, нравственного. В этих лекциях я ограничился одной только историей общества. Я изобразил цивилизацию только с общественной стороны ее и ничего не сказал о развитии самого человека. Я не намеревался изложить историю убеждений, умственного развития человеческого рода. Когда в будущем году мы вновь соберемся в этой самой аудитории, я предполагаю обратиться исключительно к Франции и изучить вместе с вами историю французской цивилизации, — изучить ее во всей подробности, во всех различных отраслях ее. Я постараюсь познакомить вас не только с историей французского общества, но и с историей французов; постараюсь сделать вас свидетелями постепенного образования в ней учреждений, мнений, разнородной умственной деятельности и, таким образом, показать вам во всей полноте развитие нашего славного отечества. Ему как в прошедшем, так и в будущем должны быть посвящены самые пламенные чувства наши.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДРА ПОГОРЕЛЬСКОГО

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Международный ежегодник по философии культуры «Логос»
1910–1914, 1925. Тт. 1–9 (+ 1 том дополнительных материалов: библиография, история проекта, рецензии 1910–1914 гг. и т. д.). Полное репринтное воспроизведение журнала, выходившего под редакцией Ф. Степуна, И. Гессена, Б. Яковенко и др.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Эрнст Мах. Анализ ощущений (С предисловием А. Ф. Зотова)

Пауль Наторп. Сборник статей по философии, логике, теории культуры

Эдмунд Гуссерль. Избранные сочинения («Идеи к чистой феноменологии»; «Парижские доклады»; «Амстердамские доклады»; «Интенциональные предметы» и др. С предисловием *Виталия Куренного*)

Мартин Хайдеггер. Что зовется мышлением

Людвиг Витгенштейн. Избранные работы («Логико-философский трактат» в переводе и с комментариями *Вадима Руднева*; «Коричневая книга»; «Голубая книга»)

М. И. Каринский. Избранные работы («Явление и действительность»; «Об истинах самоочевидных»; «Критический разбор новейшего периода немецкой философии» и др.)

Журнал «Логос», 1991–2005. Избранное в 2-х тт.

Философия в систематическом изложении **В. Дильтея, А. Рилья, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса.**

Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное

СЕРИЯ «СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»

Питирим Сорокин. Социология революции (С приложениями и комментариями)

Джованни Арриги. Долгий двадцатый век. Деньги и власть в происхождении нашей эпохи

Иммануил Валлерстайн. Миросистемный анализ: Введение

Крэйг Калхун. Национализм

Социология вещей. Сборник статей (**Георг Зиммель, И. Гофман, Г. Гарфинкель, Р. Харе, У. Питц, Б. Латур, Дж. Ло.** Предисловие и составление *Виктора Вахштайна*)

СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»

Вернер Зомбарт. Избранные сочинения (Строй хозяйственной жизни; Идеалы социальной политики; Почему в Соединенных Штатах нет социализма?; Евреи и их участие в образовании современного хозяйства; Народное хозяйство и мода. Предисловие А. М. Руткевича)

Карл Менгер. Основания политической экономии. Исследования
о методах социальных наук и политической экономии
в особенности

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права
Анналы экономической и социальной истории. Избранное.

В. Лейбин. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. В 2-х тт.

А. А. Кизеветтер. Исторические очерки (Из истории политических
идей. Школа и просвещение. Русский город в 18 ст. Из
истории России в 19 ст.)

В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти

А. С. Лапшо-Данилевский. Методология истории. Теория
исторического знания

Франсуа Гизо

История цивилизации в Европе

Корректор *Е. Попова*

Оформление серии *В. Коршунов*

Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 27,1. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»

125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5, стр. 2

Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука»

121099 Москва, Шубинский пер., 6